

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Л. Г. ФРИДМАН

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Ответственный редактор
доктор филологических наук
П. В. Чесноков

1027848

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

ВВЕДЕНИЕ

В течение длительного времени главным объектом исследования в синтаксисе являлось предложение, которое рассматривалось при этом как основная и как высшая синтаксическая единица. Однако в последнее время внимание ученых все сильнее привлекает изучение более крупных, сверхфразовых образований, в которые предложение входит лишь в качестве компонента. За то сравнительно короткое время, в течение которого ведется их исследование, естественно, не могли быть решены все связанные с ними вопросы. Поэтому данная проблема является и сейчас одной из наиболее актуальных проблем лингвистики.

Одним из основных аспектов рассматриваемой проблемы является ее грамматический аспект. Сюда относится определение статуса единиц больше предложения и их места в общей системе и описание особенностей их структуры и функционирования и т. п. [Большинство вопросов, относящихся к грамматическому аспекту исследования сверхфразовых образований, рассмотрены в специальной литературе либо недостаточно полно, либо не рассмотрены вовсе.

В советской лингвистической литературе отсутствует, на наш взгляд, полный и систематический анализ исследования грамматического аспекта сверхфразовых образований в зарубежном языкознании, в частности в ГДР и в ФРГ, где эта проблематика занимает одно из ведущих мест среди лингвистических исследований. Между тем подобный анализ, сопоставление теоретических аспектов и точек зрения при исследовании сверхфразовых образований различными учеными, как советскими, так и зарубежными, позволили бы более отчетливо отразить общее состояние изучения этой проблемы в лингвистике, выявить и определить основные направления в ее исследовании.

Критический анализ работ советских и зарубежных авторов, в которых исследуются грамматические параметры сверхфразовых образований, должен дать представление о характере их разработки и способствовать выяснению теоретических предпосылок, на основании которых отдельными авторами проводится выделение сверхфразовых единиц.

Важное место занимает также определение нашей теоретической платформы, изложение взглядов на общетеорети-

ческие вопросы грамматического аспекта сверхфразовых единиц и принципы их выделения.

Изложение общеграмматических вопросов составляет содержание первых трех глав настоящей работы.

Общие вопросы грамматического аспекта сверхфразовых единиц, рассмотренных в первой части работы, являются той теоретической базой, на основе которой мы считаем возможным выделить и описать определенную сверхфразовую единицу. Такой единицей, на наш взгляд, является абзац. Обоснованию этой концепции, а также подробному исследованию на материале современного немецкого языка структурных и функциональных особенностей абзаца как сверхфразовой единицы и его компонентов посвящена вторая часть монографии (главы 4—10).

Наряду с исследованием абзаца в монографии анализируются и образования меньшие, чем абзац (предложения как компонент макроконтракста), и образования большие, чем абзац (промежуточные образования между абзацем и целым текстом, в которые абзац входит в качестве компонента). Кроме того, уделяется внимание характеристике сложного синтаксического целого и целого текста. Таким образом, в работе рассматриваются, по существу, все основные текстовые образования, излагаются все главные разделы грамматического аспекта лингвистики текста.

Ограниченность объема работы не позволила одинаково подробно рассмотреть все проблемы, относящиеся к грамматическому аспекту лингвистики текста. Рассмотрение ряда вопросов сокращено до минимума. Так, в связи с невозможностью описания особенностей функционирования всех грамматических категорий, в том числе морфологических категорий в макроконтраксте, нами были выбраны для анализа грамматические категории лишь основных частей речи— имени существительного и глагола, на употреблении которых в абзаце особенно наглядно проявляется влияние макротекстового окружения: категория определенности/неопределенности—употребление артикля (именная категория) и категория времени (глагольная категория). Из этих же соображений сокращено и количество примеров, в которых в тех случаях, когда это не затрудняло понимания их содержания, произведены купюры. Вместе с тем примеры в работе подобраны таким образом, что на каждом из них в большинстве случаев можно проследить не одно, а несколько явлений. Это в какой-то степени компенсирует вынужденное ограничение количества примеров.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Языковеды, занимающиеся исследованием сверхфразовых образований на материале разных языков, обнаруживают здесь целый ряд особенностей, характерных именно для этих образований и представляющих большой интерес для науки о языке. Следствием пристального внимания к изучению данной проблемы является увеличивающееся количество работ, посвященных как рассмотрению проблемы в целом, так и анализу отдельных ее аспектов. Однако до сих пор отсутствует еще единая точка зрения на характер и особенности сверхфразовых образований. Ряд авторов вообще отрицает наличие единиц больше предложения, ставя под сомнение правомерность самой постановки вопроса о их выделении.

Противники выделения единиц больше предложения обосновывают свою точку зрения по-разному. Одни из них объясняют невозможность вхождения предложения в качестве интегранта в более крупную единицу самой природой предложения, его особенностями, его спецификой. Так, Э. Бенвенист пишет: «Предложение не может быть интегрантом для единиц других типов. Это объясняется, прежде всего, той особенностью, которая присуща только предложению и отличает его от всех других единиц, т. е. предикативностью» (10, 446). На основании этого Э. Бенвенист приходит к выводу, что группа предложений не образует единицы высшего уровня по отношению к уровню предложения и что языкового уровня, расположенного выше категорематического уровня, т. е. выше уровня предложения, не существует. Высшей единицей языка считает предложение Р. Якобсон (97, 585).

О невозможности вхождения предложений, в силу их специфики, в качестве интегранта в единицу более высокого уровня и, следовательно, о невозможности выделения таких единиц пишут и некоторые советские лингвисты. Так, по мнению И. Ф. Вардуля, сцепление одного предложения с другими не дает нового структурного единого целого, каким является самостоятельное предложение. Автор считает, что

вместе эти предложения образуют ряд единиц, в отдельности структурно целых, но друг от друга обособленных, хотя синтаксически и связанных, и что поэтому самостоятельные предложения в речевом потоке соотносятся не как части единого целого, а как отдельные единицы в группе однородных целых единиц (15). Данную концепцию разделяют также С. Н. Сыроваткин, утверждающий, что интегративная функция предложений в рамках каких-либо более крупных единиц не может быть определена и что синтаксис имеет своей высшей единицей предложение (85), и некоторые другие авторы (32; 68).

Следует отметить разноречивость аргументации невозможности вхождения предложений в качестве интегранта в единицу более высокого уровня, приводимой сторонниками этой точки зрения, что, в свою очередь, связано с различной трактовкой разными авторами природы предложения. Так, Р. Якобсон, включающий в иерархию лингвистических уровней только кодовые единицы, считает предложение высшей единицей языка. Э. Бенвенист же утверждает, что «с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является сама речь» (10, 447). Таким образом, он, в отличие от Р. Якобсона, считает предложение единицей не языка, а речи. Тем не менее, включая предложение в единую иерархию уровней вместе с единицами языка, он допускает, таким образом, возможность вхождения единиц языка (слов) в качестве интегрантов в единицу более высокого уровня (предложения), относящегося, в его трактовке, уже не к языку, а к речи. Трактую природу предложения иначе, чем Р. Якобсон, Э. Бенвенист, естественно, по-другому обосновывает и невозможность вхождения предложения как интегранта в единицу более высокого уровня и невозможность, следовательно, существования уровня выше предложения: «Все типы предложений, которые можно было бы различить,—говорит он,—сводятся к одному предложению с предикативностью. Вне предикации предложение не существует. Следовательно, нужно признать, что категорематический уровень включает только одну специфическую форму языкового высказывания—предложение. Оно не составляет класса единиц, а поэтому не может входить в единицу более высокого уровня» (10, 449).

Такая трактовка природы предложения и аргументация невозможности вхождения предложения в качестве интегранта в единицы более высокого уровня представляется недостаточно убедительной. В ее основе лежит, на наш взгляд, односторонний подход к пониманию сущности предложения, проистекающий, в свою очередь, из интерпретации соотношения языка и речи, с которой вряд ли можно согласиться. Р. Якоб-

сон, признавая системный характер языка, отрицает в то же время наличие какой-либо системы в речи. Поэтому он считает предложение высшей кодовой единицей, а речевые образования, в частности выходящие за пределы предложения, рассматривает лишь как некие спорадические, единичные образования, лишенные характерных для них признаков. Э. Бенвенист, рассматривающий предложение только как единицу речи, отрицает наличие каких-либо изменений в признаках предложения, входящих в состав более крупных образований, и тем самым не признает и возможности существования подобных образований.

Оба исследователя оставляют без внимания взаимодействие между различными сторонами предложения. Структурная модель последнего, характеризующая его как единицу языка, реализуется в процессе коммуникации в предложении как единице речи, обладающей, в свою очередь, также своими специфическими признаками (синтаксическими, интонационными, смысловыми). Обе стороны существования предложения, его признаки как единицы языка и как единицы речи органически связаны, «в структуре предложения они неразрывно соединены и переходят друг в друга, а не выступают как отдельные, противопоставленные друг другу сферы» (3, 235). Подобная взаимосвязь и взаимодействие языкового и речевого аспектов предложения обуславливает, как наиболее адекватно отражающее его природу и сущность, рассмотрение предложения и как единицы языка, и как единицы речи.

Мы не имеем возможности в пределах данной работы подробно рассмотреть проблему языка и речи, что к тому же и не входит в ее задачи. Нельзя признать правомерной точку зрения Р. Якобсона на характер языка и речи. Мы разделяем мнение Г. В. Колшанского, А. С. Чикобавы и др. о существовании в языке системы языка и речи (35; 94; 142). Речевые образования, в состав которых входит предложение, не являются чем-то спорадическим, а представляют собой единицы речи, обладающие своей системой признаков. Не можем мы согласиться и с мнением Э. Бенвениста. Предложение, входящее в состав более крупных речевых образований, приобретает при этом ряд новых черт, признаков, характерных для него именно в составе этих образований.

Другие исследователи отрицают возможность выделения единиц больше предложения на том основании, что еще не определены и не разработаны их структурные признаки. Так, Н. Ю. Шведова, справедливо считающая, что правила языковой структуризации текста имеют внутренне иной характер, чем правила реализации структурных схем предложения, полагает, что поскольку подобные правила еще не сформулированы,

тезис о включении в иерархию языковых ярусов уровня текста представляется спорным (95, 232). Интересно отметить, что сторонники последней точки зрения, отрицая наличие единицы выше предложения из-за неразработанности правил ее структуризации, в то же время признают объективную возможность выделения такой единицы, если будет сформулирована и описана система ее признаков.

В этом отношении показательным является, например, высказывание Т. В. Булыгиной: «Возможно, более подробная аргументация... позволила бы считать предложение интегрантом более крупной единицы, описать которую было бы невозможно в терминах простого предложения. Я заранее готова снять в таком случае свои возражения» (против выделения такой единицы.—Л. Ф.) (13, 229).

Авторы подобных точек зрения признают наличие каких-то более крупных образований, чем предложение, в которые оно входит в качестве компонента, хотя и отказывают этим образованиям в статусе лингвистических единиц. Так, Р. Якобсон пишет: «Предложение—высшая единица языка, которая в то же время представляет собой компонент свободных, не являющихся кодовыми единицами, речевых образований» (97, 585).

Большинство лингвистов, число которых все увеличивается, не считает, однако, предложение высшей синтаксической единицей, а придерживается мнения о наличии в языке единиц более высокого уровня и рассматривает изучение этих единиц в качестве первоочередной задачи лингвистики. «Предложение,—считает Х. Бринкман,—может выражать мысль, которая может быть продолжена и развита в других предложениях. Совокупность таких предложений может рассматриваться как самостоятельная синтаксическая единица. Таким образом отдельное предложение может быть развернуто в «речь». Это оказывается возможным, т. к. в отдельном предложении выражаются грамматические отношения, которые могут иметь место и в дальнейшем развертывании их в "речь"» (105, 376). Возможность развертывания отдельного предложения в «речь» обусловлена тем, что «оно имплицитно содержит грамматические отношения, которые могут быть эксплицированы в процессе коммуникации. За пределами предложения создаются новые коммуникативные единицы, протяженность которых обусловлена возможностью экспликации в процессе речи имплицитных грамматических отношений» (105, 377).

По мнению Н. С. Поспелова, в связной речи не отдельные предложения, а только более сложные синтаксические единства, состоящие из группы предложений, обладают замкну-

той синтаксической структурой и выражают законченную мысль высказывания. Именно поэтому такие группы предложений и являются реальными синтаксическими единицами монологической речи. Поэтому автор рассматривает подобные группы самостоятельных предложений в функциональном плане как синтаксическую единицу высшего порядка по сравнению с предложением (65, 53; 67, 300). Наличие синтаксических единиц больше предложения отмечают в своих работах и другие авторы (20; 33; 57; 120).

Свидетельством все более широкого признания наличия в языке единиц больше предложения и необходимости всестороннего изучения этих единиц является выделение в последние годы в лингвистике особой ее области, задача которой и состоит в исследовании таких единиц. Чаще всего эту область лингвистики определяют как «лингвистику текста». Лишь в отдельных работах встречаются другие термины для ее обозначения. Так, Л. М. Лосева предлагает называть эту область лингвистики «текстикой» (47, 177); Р. Харвег употребляет термин «текстология» (129, 123); Х. Бринкман предлагает для обозначения отрасли лингвистики, изучающей сверхфразовые единицы, термин «речь». Этим же термином он предлагает назвать и сами сверхфразовые единицы (106, 724).

Задачи лингвистики текста до сих пор еще окончательно не сформулированы. К тому же отсутствует единство в определении проблем, входящих в ее сферу. Не ясно пока и место данного направления в лингвистической науке, ее соотношение с другими областями языка. По мнению Э. Косериу, могут быть выделены три разновидности лингвистики текста. Соответственно могут быть определены и задачи, стоящие перед каждой из них. На первое место можно поставить общую лингвистику текста, которая должна заниматься исследованием последнего как такового в плане общего языкознания, изучать правила его конституирования, отличия от предложения и т. д. Рядом с ней находится историческая и дескриптивная лингвистика текста отдельных языков. Подобно тому, как мы описываем грамматику, лексику и т. д. отдельного языка, необходимо также описание всех видов текста в каждом языке. Наконец, можно выделить лингвистику типов текстов в виде типологии на уровне текста (подобно типологии языков) (110, 189).

Э. Косериу достаточно четко выделил основные разновидности лингвистики текста и определил задачи, стоящие перед каждой из этих разновидностей. Что же касается методов исследования текста, различных его аспектов, то они, очевидно,

могут быть самыми разнообразными, в зависимости от того, какие задачи ставит перед собой исследователь.

Если исходить из рассмотренной классификации разновидностей лингвистики текста и задач, стоящих перед каждой из них, то можно сказать, что в настоящее время в специальной литературе представлены по существу лишь работы по лингвистике текста разных языков. Разработка проблем, связанных с остальными двумя разновидностями лингвистики текста, фактически является делом будущего.

Круг вопросов, связанных с изучением текста, как его определяя авторы работ по этой проблематике, весьма широк. По определению М. Пфютце, одного из ведущих исследователей ГДР, работающих в этой области, «лингвистика текста занимается вопросами анализа текстов, построения текстов, классификации текстов, структуры текстов, а также исследованием лингвистических и экстралингвистических причин, определяющих функционирование текстов в процессе коммуникации» (138, 79). В связи с вопросами анализа, построения и функционирования текстов «главной задачей лингвистики текста является описание функционирования всех единиц языка в связанном тексте, рассмотрение компонентов текста как конститuentов, способствующих созданию текста» (127, 205), «описание закономерностей образования текстов из предложений» (128, 11), определение условий, при которых ряды следующих друг за другом предложений реализуются в тексты, т. е. выступают как последовательности связанных друг с другом, когерентных предложений (104, 205). При исследовании структуры текста изучаются прежде всего закономерности отношений и связей между предложениями в тексте (137, 16).

В плане постановки всех этих вопросов у различных ученых нет существенных разногласий. Что же касается путей их решения, то единство взглядов отсутствует. Различные понимания характера и особенностей аспектов текста объясняются неодинаковой трактовкой его сущности, структуры, признаков и свойств как сверхфразовой единицы (СФЕ), что, в частности, видно из определения его отдельными исследователями. В основу этих определений зачастую кладутся разные признаки, в зависимости от того, какие из них тот или иной автор считает релевантными признаками текста.

Во многих определениях текста во главу угла ставится его функциональная сторона—он определяется как высшая коммуникативная единица. Отдельные ученые указывают на связь его не только с коммуникативной, но и с когнитивной функцией языка (1; 55). На первый план здесь выдвигаются признаки текста, связанные с его актуализацией, с пониманием его

как единицы речи: смысловой аспект, тематический аспект, прагматический аспект. «Под текстом,—говорит, например, П. Хартман,—понимается актуализованный или могущий быть актуализованным отрезок речи, выражающий определенное содержание и выполняющий определенную функцию» (125, 70).

Другие авторы, не отрицая важности коммуникативного аспекта целого текста, связанного с его актуализацией в речи, подчеркивают в то же время, что он обладает своими постоянными, как они говорят, языковыми признаками, образующими их структуру (42; 53; 148).

Сопоставляя эти точки зрения на характер и особенности текста, можно сделать вывод, что отсутствует единое мнение о том, следует ли считать текст, т. е. сверхфразовую единицу, единицей языка или единицей речи. Это подтверждается и анализом работ других авторов, которые также высказывают по этому поводу весьма разноречивые взгляды, либо вообще избегают ответа на этот вопрос (131).

Следствием того, что большой интерес ученых вызывает исследование структурных особенностей текста, является выдвижение на первый план во многих работах проблемы его грамматики. В то же время необходимо отметить отсутствие единства в понимании места грамматики текста в общей грамматике, соотношение ее с другими разделами традиционной грамматики. Ряд исследователей считает грамматику текста одним из разделов общей грамматики и предлагает расширить ее сферу за счет включения в нее еще одного, нового, аспекта—грамматики текста. Эта точка зрения обосновывается тем, что связи и отношения между предложениями (а это, по мнению большинства авторов, и составляет основу структуры текста), выражаются преимущественно синтаксическими средствами, которые в большинстве своем аналогичны средствам, выражающим отношения внутри предложений (137, 16). Поскольку речь идет об изучении явлений, характерных в равной степени как для внутренней, так и для внешней структуры предложений, то нет необходимости выделять какой-то особый уровень грамматики для анализа и описания грамматических явлений в тексте. Они могут быть описаны, как и грамматические явления, связанные с предложением, на уровне синтаксиса.

Такой же точки зрения придерживается Ф. Данеш, выделяющий уровень организации высказывания в качестве отдельного уровня (наряду с уровнями словосочетания и предложения) внутри синтаксиса (111, 241). С. Д. Кацнельсон отмечает, что «вряд ли приходится сомневаться в том, что кроме «малого

синтаксиса», определяющего формы связи между словами в предложении, существует и «большой синтаксис», отображающий связи между предложениями и речевыми единицами сверхфразового формата» (31, 119). Подобное понимание задач грамматики сверхфразовых единиц приводит сторонников данной точки зрения к выводу о том, что традиционная грамматика не может кончатся изучением предложения, а должна охватывать и явления, которые выходят за его пределы (106; 114).

Представители другой точки зрения, также признавая изучение структуры сверхфразовых единиц одной из наиболее важных задач лингвистики текста, не склонны, однако, рассматривать грамматику текста в качестве одного из разделов традиционной грамматики. Они полагают, что специфика сверхфразовых единиц, отличающая их от предложения, требует и создания особой теории этих единиц, связанной с традиционной грамматикой, но не являющейся одним из ее разделов. «До сих пор не ясно,—читаем мы в одной из работ,—относится ли исследование структуры текста действительно к области грамматики, или же должна существовать хоть и связанная с грамматикой, но самостоятельная лингвистическая теория текстов, со своими понятиями и своей терминологией» (121, 107)

Некоторые лингвисты считают вообще невозможным говорить о грамматике текста, поскольку, по их мнению, «определение грамматических маркеров текста является иллюзорной задачей, т. к. грамматика исчерпывается пределами предложения» (36, 140). Поэтому текст, с их точки зрения, должен вообще рассматриваться в разделе стилистики. По мнению других авторов этого направления, предметом лингвистики текста может быть выявление не грамматической основы связанности текста, поскольку таковой с их точки зрения не существует, а лишь ее логико-психологической основы. Из этого следует, что лингвистика текста вообще не является областью лингвистики, а «должна рассматриваться как область, смежная между логикой и лингвистикой, с ее разделами, прежде всего грамматикой и стилистикой, что в истории науки нередко обозначалось как риторика» (36, 142).

Отрицание рядом авторов наличия каких-либо закономерностей в процессах сцепления предложений, в отношениях между ними в тексте и т. д. и отнесение ими поэтому всех подобных явлений не к области грамматики, а к области стилистики представляется неправомерным. При исследовании текста следует, на наш взгляд, прежде всего различать грамматически релевантную и стилистически более свободную организацию конститuentов текста. И хотя часть явлений, наблю-

даемых в тексте, действительно относится к области стилистики, эта последняя представляет собой лишь периферийную систему, которую можно рассмотреть и описать только тогда, когда будет подвергнута анализу главная, центральная система, которой является в данном случае грамматика. Грамматическая организация сверхфразовой единицы и есть как раз основа, обуславливающая наличие всех остальных ее аспектов, в том числе стилистического, композиционного и других.

Поэтому неверно сводить все исследование СФЕ к изучению какого-либо одного из их аспектов, будь то грамматический аспект, стилистический аспект и т. д. Это приведет к их неполному, одностороннему изучению. Полное представление о характере этих единиц, их особенностях и т. д. может быть составлено лишь в результате детального анализа всех их аспектов.

В лингвистике текста должны быть выделены различные разделы, каждый из которых занимался бы изучением какого-либо одного аспекта сверхфразовых единиц, подобно тому, как это имеет место при исследовании других единиц в языке. В результате подобного изучения сверхфразовых единиц мы получили бы достаточно полное представление об их структуре, семантике, функциональных особенностях и т. п.

Что же касается грамматики текста, то она, думается, должна рассматриваться именно как раздел традиционной грамматики, поскольку компонентами текста являются единицы, изучаемые в традиционной грамматике, и подобная интерпретация грамматики текста помогла бы более полно и всесторонне исследовать как особенности этих единиц, так и особенности самого текста. Кроме того, целый ряд вопросов, касающихся различных сторон многих единиц в языке, может быть решен лишь при исследовании проекции структуры текста на особенности этих единиц. Как справедливо отмечает В. Дресслер, «есть мало проблем в грамматике, которые не имели бы отношения к лингвистике текста (может быть, лишь отдельные разделы морфологии)» (114, 3). Поэтому рассмотрение грамматики текста как одного из разделов синтаксиса и обеспечивает, в отличие от других ее интерпретаций, рассмотрение единиц разных уровней в их взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимодействии.

ЦЕЛЫЙ ТЕКСТ КАК СВЕРХФРАЗОВАЯ ЕДИНИЦА

Анализ работ по лингвистике текста позволяет выделить направления в исследовании этой проблемы: исследование целого текста и лишь отдельных отрезков внутри его. Характер исследования внутри каждого из них определяется особенностями объекта анализа, трактовкой последнего, подходом к нему.

В зарубежной лингвистике преобладают работы первого направления. В трудах советских авторов представлены оба эти пути, хотя здесь все же преобладают исследования, где в качестве СФЕ рассматриваются отрезки целого текста.

Авторы ряда исследований по лингвистике текста указывают, касаются ли их исследования целого текста или его отрезков, отграничивая оба эти понятия одно от другого (18; 98; 114; 134). Во многих же работах, прежде всего зарубежных ученых, такое разграничение не проводится. Авторы этих исследований не отграничивают друг от друга структуру целого текста и его отрезков, так как не усматривают между ними никаких различий*.

Среди многих вопросов, связанных с изучением целого текста, главное внимание уделяется описанию его структуры. Анализ работ, посвященных описанию этого аспекта, показывает, на наш взгляд, спорность определения их авторами характера структурных признаков целого текста. Рассматривая, с одной стороны, целый текст как высшую по сравнению с предложением и отличную от него по своим признакам синтаксическую единицу, они, с другой стороны, определяют его структуру по существу как простую совокупность связанных между собой предложений.

Думается, что если считать целый текст синтаксической единицей, обладающей своей структурой, то при этом должна

* Работы подобного характера составляют большинство в зарубежных исследованиях по лингвистике текста. Ссылки на эти работы даются в процессе их анализа.

быть показана прежде всего специфика последней, характерная именно для целого текста и отличающая его структуру от структуры предложения как единицы другого уровня. Если же именно эта специфика структуры целого текста не выявлена и не определена, то он предстает не как качественно особая целостная единица, а именно как поток объединенных между собой различными типами синтаксических связей языковых единиц-предложений.

Как же рассматривается структура целого текста? Одни авторы отмечают ее линейный характер и определяют текст как линейную последовательность предложений (как его элементов), связанных между собой при помощи различных средств и определенным образом упорядоченных (99, 85; 117, 3). Другие считают этот характер многомерным, подчеркивая, что текст только внешне организуется как линейная последовательность предложений (6, 29). Определения текста только как последовательности когерентных, т. е. связанных между собой предложений, по их мнению, недостаточно. При описании ко-референции конstituентов могут быть, несомненно, отмечены релевантные признаки структуры текста, но здесь нет указания на то, каковы необходимые условия для того, чтобы ряд предложений представлял собой именно когерентную их последовательность, т. е. был воспринят как текст, ибо не всякая последовательность предложений, выражающих ко-реферирующие высказывания, может рассматриваться как текст (*Ich habe eine alte Freundin in Hamburg getroffen. In Hamburg (oder dort) gibt es Schiffe.*) (164, 224). Важно еще определить характер отношений между предложениями в их когерентной последовательности (121, 145). Такое всестороннее исследование структуры текста опровергает утверждение о линейном характере сцепления в тексте и позволяет прийти к выводу о том, что текст—это комплексное многомерное образование, состоящее из взаимосвязанных факторов и элементов (132, 48).

Последняя точка зрения, отмечая еще один существенный признак текста—наличия отношений между его элементами, тем не менее не вскрывает всей специфики структуры текста, которая позволила бы считать его СФЕ.

С вопросом о структуре целого текста связан и вопрос о его границах. И здесь также приходится констатировать отсутствие единства во взглядах ученых.

Ряд авторов рассматривает завершенность целого текста как один из его релевантных признаков и даже включает последний в его определение. Так, например, М. Пфютце определяет текст как совокупность предложений, выражающую относительно законченный комплекс мысли (141). Правда, при

этом он ни слова не говорит о том, что он понимает под этой относительной завершенностью и какими средствами она маркируется. По мнению Г. В. Ейгера и В. Л. Юхта, «верхняя граница текста задается автором». Подобное определение вряд ли, однако, можно назвать лингвистическим, отмечающим какие-либо объективные показатели этой верхней границы целого текста. Интересно, что сами исследователи хотя и утверждают, что наличие верхней границы целого текста всегда предполагается, тут же вынуждены признать, что она весьма неопределенна (24, 104).

Большинство ученых вообще отрицает возможность определения границ целого текста. Это объясняется прежде всего тем, что отсутствует единое определение объема последнего, позволяющее установить его нижнюю и особенно верхнюю границу. «Некоторые исследователи считают, — пишет И. Р. Гальперин, — что нижним пределом текста являются два слова, а его верхнего предела вообще не существует». Сам он также придерживается мнения, что «текст не обладает параметром» „замкнутости“ и его сконцентрированность, компактность и целостность все же оставляют его „открытым“» (18, 71. 74). По мнению других лингвистов, текст может представлять «последовательность, в которую входят от одного до N предложений» (121, 145). По определению Х. Бринкмана, тексты (в его терминологии — «речь») могут быть ограничены одной моноймой, но могут охватывать и многочасовые речи и беседы, а также многотомные сочинения. Их общим признаком является то, что они не могут являться частями еще более крупной единицы. Это, по мнению Х. Бринкмана, таким образом, единственный показатель их верхней границы (105, 723).

Нам представляется, что нижней границей текста, минимальной его единицей является одно предложение, в том случае, если оно выражает самостоятельное, законченное высказывание (это могут быть короткие сообщения, дефиниции, сентенции, пословицы, названия и т. п.). Верхняя же граница не может быть однозначно определена, так как целый текст по существу теряет обзримость. Завершенность одного предложения можно сопоставить с языковыми явлениями, в то время как в целом тексте ее подобие создается чисто ситуативными средствами. Оформление текста как целого, таким образом, не соотносено с синтаксической завершенностью (30).

Трудность установления границ целого текста осложняется, кроме того, тем, что до сих пор нет единого мнения о том, что же считать текстом. Так, Х. Бринкман считает текстом все, от одной моноймы до многочасовой беседы и многотомного собрания сочинений. И. Г. Олышанский полагает, что «целесо-

образно разграничивать два типа речевых произведений: единый текст (независимо, будет ли это предложение или много-томный роман) и совокупность текстов, объединенных общим авторством (собрание сочинений одного писателя, ученого) или из прагматических соображений (энциклопедия, антология, сборник статей, газета и т. д.)» (58, 219). М. Пфютце считает типами текстов различные функциональные стили. «Типами текстов,—говорит он,—могут являться и жанры художественной литературы (драма, эпос, роман, небольшие стихотворные произведения, как, например, сонет и т. д.)». Вообще же, полагает он, «количество типов текстов—пока еще открытый вопрос» (139, 10).

Думается, что указанные расхождения в том, что же считать текстом, во многом объясняются, во-первых, отсутствием четких критериев определения целого текста и, во-вторых, выделением этих текстов на основе разноплановых, разноаспектных критериев. Так, если предложение как минимальный текст выделяется по совокупности структурных и семантических признаков, то другие, более крупные, упомянутые выше тексты выделяются уже без учета структурных признаков, только на основании либо смысловых, либо стилевых, либо композиционных, либо жанровых признаков, либо на основании всех этих признаков вместе взятых.

Следствием отсутствия четких критериев определения и выделения целого текста является и неразграничение в ряде случаев последнего и его отрезков, их отождествление. Так, В. Дресслер в одном месте относит главу, абзац, параграф, раздел и т. п. к промежуточным образованиям между предложением и текстом, а в другом месте той же работы, говоря о расчленении целых текстов на части, определяет те же образования уже как типы текстов, считая в то же время типами текстов рассказ, анекдот, стихотворение, драму, роман и т. д. (114). М. Пфютце и Э. Виттмерс, цитируя в одной из своих работ статью автора этих строк, посвященную исследованию абзаца, пишут: «В работах, в которых абзац (в нашем понимании «текст».—М. Пф./Э. В.) рассматривается в синтаксическом аспекте...» Они отождествляют тем самым целый текст и абзац как его отрезок и не разграничивают, следовательно, их признаков (141, 6).

Возражая против отождествления единиц, составляющих текст, с целым текстом, И. Р. Гальперин справедливо замечает, что «рассматривать эти единицы как текст значит еще больше запутывать и затемнять этот термин» (18, 74).

Отсутствие единства в выделении типов текстов, различное понимание того, что считать текстом, приводит, в свою очередь,

к разногласиям в том, употребляется ли он только в письменной речи или же может звучать и в устной речи. Большинство ученых придерживается последней точки зрения (91; 101; 112). Х. Бринкман специально указывает, что такие образования употребляются как в устной, так и в письменной речи, и на основании этого возражает против термина «текст», поскольку последний подразумевает письменную форму и исключает моменты, существенные для устной речи. Поэтому он предлагает заменить термин «текст» термином «речь», который, по его мнению, наиболее адекватно выражает сущность обозначаемого им понятия (106).

Некоторые ученые вообще считают, что текст—это продукт письменного варианта языка, который всегда имеет графическое воплощение (28, 48). «Текст,—пишет И. Р. Гальперин,—это сообщение, объективированное в виде письменного документа,—литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку» (18, 73).

Рассмотрение текста только как продукта письменного варианта языка представляется недостаточно обоснованным. Во-первых, оно является следствием чересчур узкой интерпретации этого понятия, что приводит, например, к исключению из понятия «текст» диалогической речи. Между тем, исследование диалога как одного из видов текста проводится в ряде работ. «Характерными признаками устного и письменного вариантов языка являются диалог и монолог. Та либо другая форма языкового общения вызывается экстралингвистическим условием—наличием или отсутствием собеседника»,—пишет И. Р. Гальперин (18, 70). Отнесение диалогической речи только к устному, а монолога—только к письменному вариантам языка, на наш взгляд, представляется спорным. Ведь пьеса, которая обычно рассматривается как один из видов текста, с одной стороны, «объективирована в виде письменного документа и литературно обработана в соответствии с типом этого документа», но, с другой—написана в форме диалогической речи.

Исходя из выводов И. Р. Гальперина, непонятно, можно ли подвести пьесу под понятие «текст», или нет. Монолог же, хоть и встречается чаще в письменной речи, свойствен, однако, и устной речи. Кроме того, наличие или отсутствие собеседника вряд ли может считаться определяющим условием разграничения диалога и монолога, поскольку и та и другая формы языкового общения могут предполагать наличие собеседника.

«Односторонняя речь (монолог)—одна из форм не только письменной, но и устной речи. Односторонняя речь—это высказывание, обращенное к одному слушателю или к группе слушателей, которые временно лишены возможности речевой реакции. Речевая реакция в односторонней речи присутствует так же, как и в двусторонней речи, однако она происходит не в момент высказывания, а после его окончания. Односторонняя речь—это одна из форм непрерывного общения членов языкового коллектива, которая ориентируется на предшествующую речевую деятельность и вызывает речевую реакцию не всегда следующую непосредственно после ее окончания» (18, 50). Именно такая интерпретация монолога представляется нам наиболее соответствующей речевой действительности.

Исследование фактического материала дает основания считать, что особенности, отличающие письменный текст от устного, не затрагивают главных, релевантных признаков текста как такового. Поэтому последний, на наш взгляд, может существовать в двух вариантах—устном и письменном.

Как видно из изложенного выше материала, ни по одному из параметров целого текста нельзя отметить даже приблизительного единства взглядов разных ученых. Следствием этого является, как правильно отмечает И. Р. Гальперин, то, что «слово „текст“ пока не получило терминологически однозначного характера. Под это понятие подводятся разные композиционно-структурные и смысловые параметры различных объектов» (18, 71).

Авторы ряда работ по исследованию текста приходят к выводу о том, что все эти расхождения закономерны, что они объясняются прежде всего тем, что до сих пор не исследована структура целого текста. «Макроструктура текста,—пишет Э. Агрикола,—исследована до сего времени... лишь до уровня частей текста (абзацев, разделов, глав)» (98, 44). Он считает, что «анализ структуры текста с лингвистической точки зрения ограничен пока рассмотрением связей между несколькими, относительно немногочисленными предложениями или другими компонентами текста, объединенными смысловыми отношениями» (98, 45). Причиной подобного состояния исследования структуры целого текста является, по мнению ряда лингвистов, неразработанность этой проблемы в теоретическом плане, отсутствие ясного представления о том, можно ли вообще говорить о существовании такой структуры. И если отдельные авторы, как, например, Э. Косериу, «осторожно» пишут лишь о том, что в настоящее время представляется вряд ли возможным ответить на вопрос, что делает текст текстом, каковы законы его конструирования и т. п., то другие ученые, а таких

большинство, более категоричны в своих выводах. Они считают, что проблема создания теории структуры целого текста является вообще принципиально неразрешимой, что текст не может быть в достаточной степени дефинирован ни синтаксически, ни фонетически, а только семантически или коммуникативно, прагматически. Если же законченная, всесторонняя теория структуры целого текста и ее систематизации не могут быть созданы вообще, то следует, с их точки зрения, прежде всего заняться исследованием некоторых, отдельных закономерностей, свойственных тексту (101; 114; 132). К ним и относятся в первую очередь особенности сцепления предложений в тексте и характер смысловых отношений между ними. И думается, что исследователи целого текста занимаются рассмотрением именно этих его признаков отнюдь не случайно, а прежде всего из-за отсутствия других релевантных его особенностей.

Интересно отметить, что и авторы, сетующие на недостаточную степень исследования структуры целого текста, в своих работах по существу сами занимаются рассмотрением все тех же его сторон, тем самым косвенно признавая невозможность лингвистического анализа других аспектов этой структуры, по всей вероятности, из-за отсутствия таковых. Подтверждением сказанного является, например, то, что и Э. Агрикола в своей работе исследует только характер смысловых отношений между предложениями в тексте, что подчеркивается и названием его книги— «Semantische Relationen im Text und im System».

Высказывания о невозможности создания теории структуры целого текста, подтверждаемые исследованием фактического языкового материала, свидетельствуют о том, что, по-видимому, вообще нельзя говорить о системе структурных признаков, присущих целому тексту, а, следовательно, и о синтаксической структуре последнего, о том, что такая структура просто не существует и что целый текст поэтому нельзя считать сверхфразовой синтаксической единицей.

Данный вывод не касается текста, выраженного одним предложением или одним структурированным отрезком, например одним абзацем, ибо при этом речь идет фактически о структуре предложения или о структуре абзаца, и, лишь поскольку они совпадают в подобных случаях с целым текстом,— также о структуре целого текста.

ОТРЕЗОК ТЕКСТА КАК СВЕРХФРАЗОВАЯ ЕДИНИЦА

Наблюдения над целым текстом показывают, что он состоит из ряда отрезков, которые (и именно они) обладают определенным набором структурных признаков. Таким образом, можно говорить не о синтаксической структуре целого текста, а лишь о структуре отрезков внутри него. Первый же в этом случае представляет собой не что иное, как совокупность его структурированных отрезков.

Поэтому изучение целого текста следует, на наш взгляд, вести не на базе отдельных предложений, как это наблюдается в рассмотренных выше работах, а на базе его отрезков, поскольку предложения являются непосредственными компонентами не всего текста, а лишь его отрезков и, следовательно, входят в него лишь опосредованно, через них. Кроме того, предложение как компонент сверхфразовой единицы отличается рядом признаков от отдельно употребленного самостоятельного предложения, и поэтому изучение целого текста на базе отдельных предложений без учета изменений их признаков не является адекватным. Наконец, изучение последнего на базе анализа составляющих его отрезков позволит более полно и всесторонне определить функционально-стилевые и композиционные особенности самого текста, его стилистические потенции и т. д., чего нельзя сделать, основываясь на анализе отдельных предложений, так как структура и особенности их употребления не могут выявить его специфику в различных функциональных стилях, возможности употребления различных стилистических средств в нем и т. д.

Наиболее эффективным методом исследования целого текста является изучение его на базе составляющих его отрезков, которое может быть названо «поэтапным». Этот метод состоит из двух этапов. Первый этап—выделение в тексте отдельных его отрезков и рассмотрение их структурных и функциональных особенностей. При этом их исследование должно вестись в двух аспектах: с одной стороны, они должны изучаться как особые сверхфразовые единицы, а с другой—как части,

как компоненты целого текста. Первый аспект исследования указанных отрезков—«внутренний» аспект: анализируются особенности структуры данного отрезка, как сверхфразовой единицы, функции отдельных компонентов внутри отрезка, отношения между компонентами и т. д. Второй аспект—«внешний»: отрезки рассматриваются как части целого текста. Когда изучаются факторы, «выводящие» эти отрезки в текст, средства сцепления отдельных отрезков друг с другом, характер и степень их семантической общности, возможность их объединения в более крупные комплексы внутри целого текста и др.

Такое изучение отдельных отрезков позволит более продуктивно осуществить второй этап работы—исследование всего текста в целом. Он в данном случае будет рассматриваться уже не как связная последовательность предложений, а как совокупность непосредственных его компонентов, каждый из которых раскрывает какую-то часть содержания всего текста, часть его структуры и тем самым помогает лучше понять весь текст в целом, все его параметры.

Подобный, поэтапный метод позволяет не только наиболее полно и всесторонне проанализировать все особенности целого текста, но и способствует наиболее полному изучению законов формирования, конструирования текстов, что представляет не только непосредственно теоретический, научный интерес, но имеет и большое практическое значение. Поскольку текст представляет собой совокупность его конструированных отрезков, то знание основных правил их структуризации позволит наиболее правильно формировать последние, а тем самым наиболее корректно строить и целый текст.

Целесообразность и плодотворность исследования отрезков текста и на их базе (а не на базе отдельных предложений)—всего текста в целом получает все большее признание и распространение не только в советской лингвистике, но и в работах зарубежных авторов (101; 119; 136). При этом подчеркивается, что одним из важных вопросов грамматики текста является вопрос об отношении между целым текстом и составляющими его элементами, в частности, абзацами.

Следует, правда, сказать, что выделение отрезков внутри целого текста зарубежными авторами производится в основном по тематико-семантическому принципу, когда сами отрезки исследуются главным образом со стороны их содержания. Структурные же особенности выделяемых отрезков обычно не рассматриваются, а зачастую и вовсе не упоминаются. Лишь отдельные исследователи уделяют внимание структуре выделенных ими отрезков целого текста, но делают это в са-

мых общих чертах. При этом определить структуру этих отрезков, в частности средства, маркирующие их границы, им не удастся.

Р. Харвег, считающий главным, если не единственным релевантным признаком текста наличие в нем непрерывного местоименного сцепления, пишет: «Прерывание этого сцепления маркирует границы, т. е. начало и конец текста. Носителями этой прерывности являются синтагматические субституенты (т. е. слова, которые в последующих предложениях текста заменяются любыми другими словами с аналогичным значением.—Л. Ф.). Точнее говоря, синтагматические субституенты маркируют начало, но никогда — конец текста. Конец текста обозначается косвенно, посредством маркирования другого текста» (128, 148).

Французский ученый Ж. Рюшнер выделяет в целом тексте его «крупнейшие,—как он говорит,—маркированные единицы». Эти единицы он называет «последовательностями» (*sequences*). Говоря о месте этой единицы в иерархии других, автор определяет ее как сверхфразовое единство (*unite transphras-tique*), так как она состоит больше, чем из одного предложения или во всяком случае не может быть определена на базе дефиниции предложения как иерархической единицы. Критерием границ этих «последовательностей» как сверхфразовых конститuentов текста является, по его мнению, морфологический критерий. Поскольку сами «последовательности» характеризуются идентичностью субъекта, то начало их обозначается его введением. Тем самым верхняя граница данных единиц и маркируется морфологическим показателем. Повторение этого субъекта осуществляется при помощи местоимений, или же он содержится имплицитно в формах глагола. Конец одной «последовательности» является началом следующей, т. е. нижней границей. (143, 79).

Как видим, оба автора лишь в общих чертах говорят о структуре отрезков текста. Что же касается маркеров их границ, различных у каждого из исследователей, то они лишь весьма приблизительно могут считаться таковыми, поскольку, например, нижняя граница не определяется показателями, присущими данному отрезку.

Исследование отдельных отрезков внутри целого текста в зарубежной лингвистике, таким образом, по существу, по-настоящему только начинается и имеет пока несколько односторонний характер: рассматривается главным образом смысловая, содержательная сторона отрезков, структурная же их сторона пока еще не стала предметом непосредственного изучения.

В исследованиях советских ученых в области лингвистики

текста работы по рассмотрению отрезков текста в качестве сверхфразовых единиц занимают, пожалуй, ведущее место по сравнению с работами, посвященными анализу целого текста. Однако и здесь отсутствует единство в определении того, какие отрезки текста следует считать сверхфразовыми единицами и каковы признаки этих отрезков, позволяющих рассматривать их в качестве таких единиц. Одним из первых советских ученых, приступивших к их изучению на материале русского языка, был Н. С. Поспелов. В ряде своих работ он обосновал необходимость выделения этих единиц, которые он называет «сложными синтаксическими целыми» (ССЦ) и определил их основные, с его точки зрения, признаки (64; 66). К этим признакам ССЦ он относит: замкнутую синтаксическую структуру, синтаксическую независимость в контексте (эта независимость присуща именно ССЦ, а не предложению), прерывистый характер синтаксических связей между предложениями ССЦ, синтаксическую разнородность состава ССЦ.

Его работы о сложном синтаксическом целом представляют несомненный интерес, ибо в них предпринята одна из первых попыток выделения «реальных»,—по выражению В. Г. Адмони (2, 15)—коммуникативных единств и описания их признаков и функциональных особенностей. Но у Н. С. Поспелова, на наш взгляд, недостаточно раскрыта сущность специфики грамматических признаков ССЦ, не все признаки (например, прерывистость и неоднородность состава) одинаково релевантны для них как синтаксической единицы и др. Отмечая наличие у ССЦ ряда грамматических признаков, автор в то же время по существу выделяет эти комплексы предложений прежде всего по смысловым и стилистическим признакам. Поэтому они в подобной интерпретации представляют собой скорее семантические или стилистические единства, чем синтаксические.

Большинство советских лингвистов, работающих над проблемой сверхфразовых единиц, чаще всего кладет в основу их выделения и исследования идеи Н. С. Поспелова. Многие авторы, рассматривая ССЦ, стремятся дать при этом более детальный анализ их структурных и функциональных особенностей, сформулированных Н. С. Поспеловым в самом общем виде. Несмотря на довольно широкую разработку этой проблемы, многое здесь еще остается не выясненным, что является следствием расхождения взглядов авторов на целый ряд вопросов, связанных с изучением ССЦ как сверхфразовой единицы.

Наиболее распространенным является определение ССЦ как сочетания предложений, объединенных общностью зна-

чения, особыми синтаксическими связями и образующих относительно независимые от контекста смысловые единства (14; 29). В подобной характеристике сверхфразовых единиц наряду со смысловыми признаками (они, как это видно из дефиниций, фактически объективно признаются ведущими) отмечаются также и их структурные, синтаксические признаки, в первую очередь — наличие связи между предложениями-компонентами ССЦ. Очевидно, на этом основании они и определяются как синтаксические единицы, как сложные синтаксические целые. Ряд авторов, однако, рассматривает подобные сочетания только как смысловые единства, не находя в них вообще никаких структурных, синтаксических признаков или даже категорически отрицая их наличие (56; 59).

Доминирующая роль смысловых признаков при выделении рассматриваемых сочетаний предложений находит свое выражение и в терминологии. Так, термин «сложное синтаксическое целое», предложенный Н. С. Поспеловым и встречающийся в ряде работ других авторов, в последнее время употребляется все реже. Чаще всего вместо него употребляется термин «сверхфразовое единство» (СФЕ) (7; 26). Причем последний используется и авторами, трактующими эти сочетания как синтаксические единицы, как синоним термина «сложное синтаксическое целое», и авторами, считающими их только смысловыми единствами. Кроме того, отдельные ученые применяют для обозначения указанных сочетаний предложений и другие термины: «кумулятив» (11), «компонент» (89), «прозаическая строфа» (82).

Выделение различных по своему характеру образований в качестве сверхфразовых единиц, а также обозначение, с одной стороны, однородных образований различными терминами и, с другой стороны,—неоднородных образований одними и теми же терминами, является, на наш взгляд, одним из подтверждений, во-первых, недостаточной разработанности данной проблемы в целом и, во-вторых, отсутствия достаточно обоснованной аргументации в пользу рассмотрения каждого из этих образований как сверхфразовой единицы.

К числу неразрешенных относится и вопрос об объеме ССЦ (СФЕ), о количестве составляющих его компонентов. Большинство авторов исходит из того, что ССЦ—единица, большая, чем предложение, единица, состоящая из двух или нескольких предложений. Таким образом, нижний предел ее, по их мнению,—это как минимум два компонента, два предложения. По мнению же других авторов, она может состоять не только из нескольких предложений, но и совпадать с одним сложным предложением, а иногда и уместаться в одном простом

предложении (12; 51). На наш взгляд, такие ССЦ ничем не отличаются от предложения. Да в этом случае теряют смысл и сами термины ССЦ и СФЕ.

Ряд авторов ставит вопрос не только о минимальном, но и о максимальном объеме ССЦ, о его верхнем пределе, критерием которого у многих является абзац. Однако сопоставление объема ССЦ с абзацем проводится разными исследователями далеко не одинаково. Если одни авторы считают, что ССЦ может представлять собой часть абзаца, целый абзац или несколько абзацев (13), то другие утверждают, что ССЦ может быть по объему меньше абзаца или совпадать с ним, но никогда не выходить за пределы абзаца (11; 12), а третьи полагают, что ССЦ, как правило, совпадает по своему объему с абзацем (5). Добавим к этому, что, по мнению Н. С. Поспелова, ССЦ всегда меньше абзаца, и лишь несколько ССЦ составляют абзац (66).

На наш взгляд, сама постановка вопроса о максимальном объеме ССЦ вряд ли целесообразна. Объем ССЦ, как и других коммуникативных единиц, определяется характером выражаемого ими высказывания, и в зависимости от его величины, сложности и т. п. может быть большим или меньшим. Так, если объем ССЦ не является релевантным при рассмотрении его как синтаксической единицы, то формальные показатели, маркирующие его границы, независимо от протяженности ССЦ, являются одним из решающих факторов, определяющих его статус, что признают и авторы работ анализируемого направления. Наличие подобных критериев дает основание трактовать ССЦ как синтаксическую единицу, отсутствие их делает такую трактовку невозможной. Показателями, сигнализирующими о завершении данной единицы, являются интонация — в устной речи — и соответствующий пунктуационный знак как графический эквивалент интонации — на письме.

Обладает ли ССЦ (СФЕ) в том виде, как оно рассматривается в проанализированных выше работах, формальными показателями, маркирующими его границы?

М. Я. Блох, точка зрения которого типична для большинства авторов рассматриваемого направления в исследовании СФЕ, отмечая, что первичные сигналы синтаксических единиц являются звуковыми, считает, что граница между кумулятивами выражается диеремой более чем в две моры, и эта типизированная гранично-сигнальная величина дает звуковое отграничение одного кумулятива от другого, тем самым выделяя кумулятив как единицу текста (11).

Говоря о разграничительной паузе между кумулятивами протяженностью более чем в две моры, М. Я. Блох исходит из исследования Н. И. Серковой, которая пишет: «Сверхфразовое

единство рассматривается нами как отрезок речевой цепи... вычленяющийся на письме посредством красных строк, а при произнесении—диеремами более чем в две моры» (78, 8). В качестве СФЕ она рассматривает абзац, являющийся «тем средством, которое фиксирует на письме СФЕ как особого рода функционально-речевое целое». Именно этот отрезок речи (разрядка авт.—Л. Ф.) и принимается в данной работе за единицу исследования (78, 40).

Итак, пауза, о которой, вслед за Н. И. Серковой, пишет М. Я. Блох, сигнализирует о конце не любого СФЕ, не любого кумулятива, а только совпадающего с абзацем; иначе говоря,—это звуковой пограничный сигнал абзаца. Это вынужден признать и М. Я. Блох, считающий, что интонационно-паузационная граница абзаца является более чем двухморной по долготе и резко финальной по интонационному контуру, причем она имеет графический репрезентант—абзацный отступ. Тем самым, утверждает автор, абзац обозначает крайнюю границу кумулятива (который, как он пишет, физически не может выйти за рамки абзаца) и, поскольку нижняя граница кумулятива маркирована, созданы условия для перехода к следующему кумулятиву.

Таким образом, если конец кумулятива совпадает с концом абзаца, то его границы, как говорит автор (а точнее — границы абзаца), выражены. Это не вызывает возражений. Но ведь, по утверждению М. Я. Блоха (а также, как мы отмечали выше, и ряда других авторов), кумулятив (ССЦ) не обязательно занимает весь объем абзаца: абзац может включать и более одного кумулятива. Как же маркируются границы кумулятива в этом случае? Оказывается, никак. М. Я. Блох пишет: «Для этого случая межкумулятивного разграничения текст современного письменно-литературного языка не имеет специальных графических средств», объясняя это тем, что «на настоящем этапе развития языка мы не испытываем потребности в регулярной единице членения текста, пограничной между предложением и абзацем, а спорадически возникающая необходимость такого характера удовлетворяется имеющимися пунктуационными средствами и их комбинированием (многоточие, точка и тире и т. д.) (11, 216).

Если кумулятив, занимающий лишь часть объема абзаца, не имеет графических средств выделения в тексте, то тем самым, на наш взгляд, снимается вопрос о наличии показателей границ кумулятива (ССЦ) вообще и, следовательно, в целом вопрос о наличии у него объективных границ. Если для кумулятива объемом меньше абзаца отсутствуют какие-либо специальные графические средства его выделения, то поскольку,

как отмечает сам М. Я. Блох, первичной материей человеческого языка является звук, и, следовательно, первичные сигналы синтаксических единиц являются звуковыми, а графические показатели только репрезентируют их на письме, правильное было бы объяснить отсутствие графических показателей выделения подобного кумулятива не отсутствием необходимости в них (в этом случае мы сталкиваемся со странным и никак не объяснимым явлением: почему, если кумулятив совпадает с объемом абзаца, необходимость в этих средствах отпадает, и как тогда отграничить один кумулятив от другого?), а отсутствием первичного звукового интонационного сигнала, который бы этот графический показатель мог репрезентировать на письме.

В этой связи представляется странным и непоследовательным (но, на наш взгляд, отнюдь не случайным) то, что, говоря о кумулятивах объемом меньше абзаца, М. Я. Блох упоминает лишь о графических показателях их выделения, но ни словом не обмолвливается об их звуковых пограничных сигналах, хотя кумулятив как таковой, по его словам, выделяется и в устной речи всех видов и разновидностей, а, как мы отмечали, он считает именно звуковые сигналы первичными маркерами синтаксических единиц вообще и кумулятива как синтаксической единицы в частности.

Это объясняется именно отсутствием звуковых пограничных сигналов у кумулятивов (ССЦ) объемом меньше, а также, следовательно, и больше абзаца. Иными словами, маркеры границ ССЦ, звуковые—в устной речи—и графические—на письме, наличествуют только в том случае, когда эти границы ССЦ совпадают с границами абзаца. Маркируя границы абзаца, его пограничные сигналы отмечают одновременно и границы ССЦ. Совпадение же границ ССЦ с границами абзаца рассматривается авторами данного направления лишь как частный случай. Чаще всего, по их мнению, ССЦ не совпадает с абзацем. Следовательно, в большинстве случаев отсутствуют и звуковые и графические сигналы границ ССЦ. Это, как мы видели, признают и сами авторы.

С одной стороны, они, таким образом, считают ССЦ, и только его, сверхфразовой синтаксической единицей, а с другой стороны, они вынуждены констатировать фактическое отсутствие формальных признаков, маркирующих границы ССЦ как таковой единицы («вообще дать формальные признаки конца ССЦ довольно трудно, если не сказать больше, что просто невозможно», признает, например, Л. М. Лосева (47, 34). Вступая в противоречие с самим собой, они по существу объективно признают, что ССЦ—это не синтаксическая единица со своими

релевантными признаками, характеризующаяся определенными границами, всегда маркируемыми формальными показателями, наличие которых не зависит от ее объема и окружения, и представляющая собой замкнутое целое, а смысловое единство предложений, выделяемое только в каждом конкретном тексте, на фоне этого текста (14; 26; 44).

При изучении структуры, синтаксических особенностей ССЦ представители анализируемого направления исходят (как это явствует из определения ими последнего) не из его структуры как особой целостной единицы, а по существу—из структуры отдельных предложений и, следовательно, выводят признаки СФЕ (ССЦ) на основе признаков единицы другого, более низкого уровня—предложения. Такой подход к изучению структуры ССЦ не может вскрыть ее особенностей, качественно отличных от структуры предложения. Поэтому хотя ССЦ и объявляется особой синтаксической единицей, фактически рассматривается лишь как сочетание ряда предложений в тексте, объединенных различными средствами связи. Именно такой подход к выделению этих единиц и описанию их признаков и дает, думается, ряду лингвистов основание утверждать, что правила структуриации СФЕ, качественно отличающие их от правил структуриации предложений, до сих пор не выведены и не сформулированы, и отрицать на основании этого вообще правомерность выделения сверхфразовых единиц.

Итак, отсутствие у ССЦ, в интерпретации их авторами рассмотренных выше работ, структурных признаков, качественно отличающихся от структуры отдельных предложений; отсутствие у них регулярных формальных показателей, маркирующих их границы как синтаксической единицы, не дает, на наш взгляд, достаточных оснований для трактовки таких ССЦ как СФЕ. В данном случае речь может идти не о качественно особой целостной синтаксической единице, а лишь о сочетании в тексте связанных между собой по смыслу и при помощи различных средств связи самостоятельных предложений, т. е. о смысловом сверхфразовом единстве предложений.

ПРИЗНАКИ АБЗАЦА КАК СВЕРХФРАЗОВОЙ
ЕДИНИЦЫ

Для решения вопроса о возможности и правомерности выделения синтаксической единицы больше предложения необходимо установить, имеется ли такая единица, которая бы обладала набором релевантных признаков, конституирующих ее как таковую и не только количественно, но и качественно отличающих ее от предложений, входящих в эту СФЕ в качестве компонентов, а также обладала бы регулярными звуковыми и графическими маркерами ее границ. По нашему мнению, такая единица имеется, и ею является абзац.

Термин «абзац» употребляется в данной работе именно в указанном значении—для характеристики определенного типа сверхфразового единства, рассматриваемого как синтаксическая единица больше предложения. Следовательно, он не употребляется здесь ни как синоним ССЦ, ни как термин, употребляемый для обозначения любого СФЕ. В настоящей работе он не имеет также значения типографского термина, пунктуационного знака и т. д. Абзац употребляется нами, таким образом, лишь как лингвистический термин, служащий для обозначения одной, определенной сверхфразовой единицы в современном немецком языке, на материале которого проводилось исследование.

Абзац в синтаксическом плане по существу не изучен. В работах, посвященных его описанию, он рассматривается преимущественно как стилистическая, литературно-композиционная единица. Эта точка зрения находит свое выражение, в частности, в определениях абзаца, авторы которых на первый план выдвигают общность тематики, стиливые моменты и т. п., вовсе оставляя без внимания или отодвигая на задний план те признаки, которые присущи абзацу как синтаксической единице. «Абзац,—считают Фр. Конноли и Дон. Сиерс,—композиционная единица, отчетливо выраженный отрывок или часть высказывания, главы или книги, связанный с определенной темой» (109, 202).

Сторонники данной точки зрения отграничивают при этом абзац от СФЕ (ССЦ), считая только последнее синтаксической единицей и полностью отказывая в статусе такой единицы абзацу.

Отрицание у абзаца каких-либо структурных признаков вследствие рассмотрения его только как композиционно-стилистической единицы приводит отдельных авторов к выводу о вообще каком-либо отсутствии связи абзаца с грамматическими единицами. «Абзац—это семантико-стилистическая категория, не имеющая своей особой грамматической формы»,—пишет М. П. Сенкевич (76, 6). Следствием подобного вывода является в отдельных случаях вообще произвольная трактовка этого понятия, когда им обозначается даже не традиционно выделяемый отрезок текста от одной красной строки до другой, а нечто совсем другое—только начальные предложения абзаца или его части. Л. М. Лосева, например, считает, что «нельзя понять функций абзаца в тексте, если считать абзацем часть текста от одного абзацного отступа до другого» (45, 428). По ее мнению, «естественно, с точки зрения лингвистики, абзацем считать только первую фразу абзаца в традиционном его понимании — абзацную фразу», ибо именно такое понимание абзаца «дает возможность четко отграничить стилистический аспект исследования от синтаксического» (45, 436). Доказательств этого автор, правда, не приводит. Думается, что подобная трактовка понятия абзаца не только не вносит ясности в исследование этой, во многом еще не разрешенной проблемы, а, наоборот, еще больше запутывает ее.

Авторы, считающие абзац композиционно-стилистической единицей, отрицают наличие каких-либо закономерностей в членении текста на абзацы, в его построении и т. д., сводя все это к «произволу» писателя, к его вкусам, индивидуальной манере письма и т. д. (40; 60; 130).

Сторонники рассмотрения в качестве сверхфразовой синтаксической единицы ССЦ, трактующие абзац лишь как единицу композиционно-стилистическую, не могут в то же время объективно не признать наличия ряда закономерностей, присущих абзацу, что явствует из их работ. Так, объем и границы ССЦ определяются ими в сравнении с объемом и границами абзаца (очевидно, потому, что ССЦ, которое хотя и считается синтаксической единицей, не обладает параметрами, позволяющими определить его границы, а абзац, который подобной единицей не считают, тем не менее такими параметрами обладает). В сравнении с началом и концом абзаца определяются начало ССЦ и его конец. Так, Л. М. Лосева пишет, что первые пред-

ложения ССЦ почти в 84 случаях из ста совпадают по объему с начальными предложениями абзацев (46, 41). М. Я. Блох отмечал, как указывалось выше, что конец кумулятива чаще всего совпадает с концом абзаца и что кумулятив только в этом случае обладает маркерами своих границ и выделяется регулярно (11) и т. д.

Невозможность объективного непризнания наличия закономерностей у абзаца приводит таким образом авторов к противоречивым выводам, которые в ряде случаев обнаруживаются особенно наглядно, что можно проиллюстрировать, например, на материале одной из работ М. П. Сенкевич. Подчеркивая в начале своих рассуждений, что абзац и ССЦ—это разные категории, что абзац—это семантико-стилистическая категория, даже не имеющая своей грамматической формы, а ССЦ—это категория стилистического синтаксиса со своей структурой, интонацией и т. п., автор в конце работы приходит к прямо противоположному выводу: «Поскольку реальной синтаксической единицей связной речи оказываются именно ССЦ и абзац(?), которые, будучи извлечены из более широкого контекста, однако, сохраняют свою синтаксическую самостоятельность и законченность, анализ синтаксических явлений должен основываться именно на ССЦ и а б з а ц е (разрядка наша.—Л. Ф.), а не на отдельном предложении» (76, 6, 37).

Рассмотрение абзаца только как композиционно-стилистической единицы является, однако, не единственной точкой зрения, встречающейся в литературе по данной проблеме. Ряд авторов считает подобную трактовку абзаца односторонней, а отрицание у него каких-либо структурных, синтаксических признаков недостаточно обоснованным. Одной из первых высказала мысль о двустороннем характере абзаца, о необходимости рассмотрения его не только как композиционной, но и как синтаксической единицы Т. И. Сильман. Указывая на двойственный характер природы абзаца, она отмечает, что последний, продолжая оставаться явлением синтаксическим, одновременно оказывается и явлением литературной композиции (80, 107). Раскрывая этот тезис, в другой своей работе она пишет: «Абзац, выражая какую-то законченную мысль, рисуя какой-то более или менее законченный эпизод в сюжетном движении повествования, с одной стороны, является суммой, вместилищем отдельных составляющих его предложений и, таким образом, в своем синтаксическом характере и составе зависит от них, выступая в то же время «старшей» над ними синтаксической единицей. С другой стороны, абзац, а тем более группа абзацев, следующих друг за другом, отражают какую-то частицу содержания художественного произведения,

его композицию, стиль, в более широком, литературном смысле слова» (81, 36).

Эта точка зрения представляется нам чрезвычайно важной и правильной, и мы полностью к ней присоединяемся. Не отрицая существенной роли абзаца как единицы композиционной, мы полагаем, однако, что он является прежде всего единицей синтаксической, так как именно синтаксическая природа абзаца является тем базисом, той основой, которая и делает возможным употребление его как литературно-композиционной единицы.

Как синтаксическую единицу, более крупную, чем сложное предложение, характеризует абзац А. Г. Руднев (74). Наличие синтаксической структуры у абзаца отмечают И. П. Белецкая, Н. И. Серкова и др. (9; 77; 78).

В большинстве работ, где абзац рассматривается в синтаксическом аспекте, исследование его сводится в основном к изучению характера связи между предложениями внутри абзаца и описанию тех средств, при помощи которых эта связь осуществляется (50; 41). На наш взгляд, это неправомерно. Сторонники этой точки зрения рассматривают абзац фактически как совокупность связанных между собой отдельных самостоятельных предложений. При таком подходе исходной точкой исследования, да по существу и объектом исследования оказывается не сам абзац как таковой, а предложение. Определение же структурных признаков СФЕ на основании признаков другой единицы—предложения—не может, как уже отмечалось выше, отразить специфику структуры этой СФЕ.

Предложения являются конститuentами СФЕ—абзаца. Однако этот последний представляет собой не просто механическую совокупность отдельных предложений, а другую, качественно новую единицу, отличающуюся от предложения. И его признаки, особенности структуры должны определяться не на основании признаков отдельных предложений, а выводиться из признаков самого абзаца.

Именно поэтому нам кажется недостаточно обоснованным определение структуры абзаца методом синтеза, т. е. выведение ее из суммы особенностей отдельных предложений и характера связи между ними. Более правильным представляется в данном случае аналитический метод, т. е. рассмотрение особенностей всего абзаца как целостной сверхфразовой единицы и, исходя из этого, исследование особенностей отдельных компонентов внутри абзаца. Именно он позволит установить, с одной стороны, качественные особенности абзаца и отличие их от особенностей отдельного самостоятельного предложения и, с другой стороны, даст возможность определить, имеются ли качественные различия между предложением как минимальной самостоятельной коммуникатив-

ной единицей и предложением как компонентом абзаца. По этой причине последний метод и кладется в настоящей работе в основу исследования абзаца.

Одним из важнейших критериев существования синтаксических единиц являются наличие закономерностей их выделения, наличие у них объективно определяемых границ, а также наличие формальных показателей, маркирующих эти границы.

Для проверки наличия объективных критериев, обуславливающих выделение абзаца и установление его границ, нами было проведено экспериментальное исследование, сущность которого состояла в следующем. Пятнадцати информантам (информантами являлись преподаватели немецкого языка нескольких институтов и факультетов иностранных языков, среди которых были и лица, для которых немецкий язык является родным) были предложены три текста, в которых не были выделены абзацы. Два текста представляли собой отрывки из произведений художественной литературы XIX и XX веков, один текст был публицистическим. Информантам было предложено выделить абзацы в каждом из текстов. Совпадение или несовпадение границ абзацев у информантов и авторов должно было дать ответ на интересовавший нас вопрос.

Результаты эксперимента изложены в приводимой ниже таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Соотношения совпадения границ абзацев
у авторов и информантов

Источник	Количество совпавших абзацев	Число информантов	Показатель совпадения, %
W. Raabe. Theklas	9	2	100
Erbschaft oder	8	5	88,8
die Geschichte	7	2	77,7
eines schonen	6	3	66,6
Tages*	5	3	55,5
W. Bredel. Der Gene	11	1	91,6
ralintendant des	10	4	80,3
Konigs**	9	6	75
	8	3	66,8
	7	1	58
Die Wissenschaft als	10	2	100
Politikum [Deutsch als	9	2	90
Fremdsprache, 1967, № 5]***	8	2	80
	7	5	70
	6	3	60
	5	1	50

* Количество абзацев у автора 9; **—12; ***—10.

В первом тексте у 12 информантов показатель совпадения составляет 67% и выше (в том числе у двух информантов—100). Свыше 50% совпадения границ—у всех 15 информантов. Во втором—у 14 информантов процент совпадения составляет 67% и выше. Свыше 50% совпадения границ—у всех 15 информантов. В третьем—у 11 информантов процент совпадения составляет 70% и выше (в том числе у двух информантов—100%). 50% и выше совпадение границ—у всех 15 информантов.

Аналогичные эксперименты (на материале разных языков) проводили и другие исследователи. Швейцарский ученый Г. Глинц проводил такой эксперимент (на материале немецкого языка) на основе одного текста—рассказа Ф. Кафки «Дети на дороге». Информантам (ими были студенты—участники руководимого Г. Глинцем семинара) был предложен текст рассказа, в котором не были выделены абзацы. Информанты должны были эти абзацы выделить. Из 20 абзацев, составляющих рассказ, 13 абзацев, выделенных всеми студентами, полностью совпали с абзацами, выделенными автором, 5 абзацев совпали у автора и части информантов, а два авторских абзаца не были выделены ни одним информантом. «Таким образом,—отмечает Г. Глинц,— 2/3 всех границ абзацев были определены так же, как это сделал Кафка в тексте рассказа» (120, 83).

На материале английского языка подобный же эксперимент проводился в Мичиганском университете (США)*. Проверялась гипотеза: если абзац является реальной структурой, испытуемые должны сойтись в определении его границ. Мнение, согласно которому расставление абзацев—результат случайных совпадений, было опровергнуто и в этом случае. Расставление абзацев совпало у 80% испытуемых. При этом было отмечено, что «абзацирование» не всегда сходилось с расстановкой абзацев в исходном авторском тексте, так что индивидуальные различия в расстановке абзацев не исключались. Кроме того, было выяснено, что роль семантики в организации абзаца не так значительна, как считалось раньше. Роль грамматики была установлена на материале бессмысленных текстов (своего рода «глокой куздры» на уровне текста). Подобные тексты абзацировались с гораздо меньшим количеством усилий, нежели нормальные тексты. К экспериментам, подтверждающим роль грамматической структуры, проводимым там же, относились эксперименты на детской речи: у детей семантическая чувствительность развита меньше, чем у взрослых, и тем не менее дети не испытывали особых затруднений при выполнении экспериментального задания.

* Описание эксперимента, приводимое ниже, дается в изложении Н. Д. Зарубиной (27, 214).

Наконец, на материале русского языка подобный же эксперимент был проведен Н. Д. Зарубиной (27). Ею была экспериментально доказана роль структурных признаков текста (в противоположность семантическим признакам). Гипотеза проверялась на материале зрительно воспринимаемого текста и на материале звучащей речи (фонетических абзацев).

Испытуемым для расставления абзацев предлагались три текста: исходный авторский, бессмысленный (с полным сохранением грамматической структуры, но с заменой лексики бессмысленными сочетаниями) и текст, составленный на основе структуры первого текста, но с новой лексикой и с соответственно новым смысловым содержанием. Таким образом, при сохранении грамматической структуры семантическая во всех трех текстах была различной. При анализе результатов выяснилось, что почти каждый испытуемый в расстановке абзацев во всех трех текстах следовал определенным, в каждом тексте повторяющимся признакам.

Испытуемым предлагался сложный текст для расстановки абзацев. После этого результаты по каждому испытуемому были наложены на этот текст, и выявилась картина наиболее частотного расставления абзацев. Таким образом, можно было, отвлекаясь от индивидуального восприятия текста испытуемым, говорить об определении границ абзацев на основании текста как такового, его признаков.

Подобные эксперименты дают в основном сходные результаты, Они свидетельствуют о том, что существуют объективные закономерности, на основании которых выделяются отдельные абзацы и на основании которых они отграничиваются друг от друга. Эти результаты опровергают тем самым мнение о том, что абзац является аморфным, неопределенным образованием, границы которого не могут быть установлены по каким-либо объективным признакам.

Можно назвать целый ряд признаков, на основании которых могут быть выделены и отграничены друг от друга отдельные абзацы. Наряду со смысловыми существенную роль здесь играют и структурные признаки.

Отметим основные, наиболее часто встречающиеся из этих признаков:

1. *Смена главного смыслового элемента абзаца.*

Viele der Jungen waren schon da, und sie waren nur murrend bereit, im Zirkel von hundert Schritt der Kampfstätte fernzubleiben. Sie saßen an den Grabenrändern und in den Bäumen und sahen den Sonnenweg hinab, an dessen Ende sich Waldemar bald zeigen mußte.

Robert setzte sich in die Heidekraut unter der Schaukelbirke und

lehnte seinen Rücken gegen den Stamm; er hielt die Augen geschlossen, und er sah aus, als schliefe er. Er lauschte den fernen Stimmen der anderen, und er fragte sich, was sie sich fragten: Was wird geschehen?» (H. Kant. "Die Aula");

2. *Выражение конечным компонентом резюме, итога, результата, вытекающего из содержания абзаца.*

Plötzlich schrak sie (Irene) zusammen: an ihren Finger funkelte der Ring. Mit einemmal war sie ganz wach. Die wirren Worte, in halber Ohnmacht gehört, und ein ahnungsvoll dumpfes Gefühl verlockten sich jetzt zu klarem Zusammenhang. Alles verstand sie mit einemmal, die Fragen ihres Mannes, das Erstaunen ihres Liebhabers, alle Maschen rollten sich auf, und sie sah das grauenhafte Netz, in dem sie verstrickt gewesen war. Erbitterung überfiel sie und Scham, wieder begannen die Nerven zu zittern, und fast bereute sie, erwischt zu sein aus diesem traumlosen, angstvollen Schlaf.

Da klang Lachen von nebenan. Die Kinder waren aufgestanden und lärmten wie zwitschernde Vögel in den jungen Tag... (St. Zweig. "Angst");

3. *Смена места действия, маркируемая обстоятельственными словами.*

Ich ging hinunter, nach den Verwundeten zu sehen. Dem Lehmann war der Kopf vornübergesunken. Er schnarchte unruhig und blaß mit offenem Munde. Sander sah immer noch unbeweglich in die Luft. Der stirbt, dachte ich und wollte beten. Aber ich konnte nicht.

Ich ging auf den Hof und schaute um die Hausecke. Da lagen die Toten auf der Straße. Wenn Verwundete darunte wären? Jetzt könnte man helfen. Aber ich hatte keinen Mut mehr. Der Sonnenschein tat mir weh und das Kanonengedröhn.

Ich schlich wieder hinauf und setzte mich auf den Stuhl. Lamm stand am Fenster und beobachtete. Wie entsetzlich lang dieser Tag war! (L. Renn. "Krieg—Nachkrieg");

4. *Смена времени действия, маркируемая обстоятельственными словами.*

...Vetter teilte schon wieder Karten aus. Wolzow legte sich auf die Pritsche und las in seinem Taschenbuch.

Am Nachmittag wurde die Zelle geöffnet, und General Wolzow trat ein. Er winkte mit der Hand, und der Aufseher schob hinter ihm die Tür. ...Wolzow erhob sich von seiner Pritsche, die anderen standen stumm und betreten, eingeschüchert durch all das Gold und die Orden an der Generalsuniform... Habe dafür gesorgt, daß ihr arbeiten werdet", sagte er versöhnlicher...

Am anderen Tag wurden sie auf den Hof geführt. Sie zersägten mannsstarke Kieferstämme und spalteten Brennholz. Während der Arbeit Hören sie von schweren Angriffen auf Berlin. Die Deut-

schen an Rhein und Ruhr seien das Beispiel, dem es nachzueifern gelte. (D. Noll. "Die Abenteuer des Werner Holt");

5. *Временной сдвиг действий, маркируемый изменением временных форм глагола.*

Seine [Karls] Muskeln entspannten sich. Die Gesichtskonturen wurden unsicher. "Es ist Bestimmung, Anna. Es ist Bestimmung", wiederholte er in einem Tone und mit einem Lächeln, in denen schon wieder die tiefe Ruhe der Sicherheit war.

Karl hatte eine feinmodellierte Nase, einen starken Arm und ein kluges Auge.

Beinahe hätte Anna gelacht, weil er ihr so sehr komisch erschienen war, als er vor Erregung auf Zehenspitzen stehend, sich an den Besenstiel angeklammert hatte, um nicht zu fallen. Auch diesmal wieder hatten die Unmittelbarkeit und Kraft seines Gefühles sie erschüttert (L. Frank. "Karl und Anna");

6. *Смена темы или ее отрезка, маркируемая изменением значения одной и той же временной формы глаголов, например, отсутствием-наличием временной локализации.*

Jules war zu alt, um die Ereignisse um sich herum zu verstehen. Mehr als fünfzig Jahre Diener—und er war mehr als dreißig Jahre im Hause des Generalintendanten,—empfand er den Zustand Herr—Knecht als gottgewollte Ordnung. Und sein Schicksal war nun einmal, Knecht zu sein... Wann ihm Bauern erzählten, sien Herr wäre ein Räuber, dessen Reichtum dem Volke gestohlenes Gut, so sprach Jules kaum dagegen. ...Das war nun mal so...

Nun stand er vor seinem Herrn, und da er ihn lange Jahre kannte, merkte er ihm sofort an, daß etwas Besonderes vorgefallen sein mußte. Er blieb stehen in respektvoller Entfernung und wartete. (W. Bredel. "Der Generalintendant des Königs");

7 *Временная последовательность тем или их отрезков, маркируемых придаточными предложениями с союзами als, nachdem и др. в составе начальных компонентов.*

Franziska und ihr Vater mußten mit in die Stadt. Drei Tage lang fragte man sie und ließ sie berichten über ihr Leben und über ihre Ansichten über das Leben. Und manchmal wunderte sich Franziska, wie lang ihr Leben schon gewesen war und wie verdächtig oft.

Als man sie entließ, war sie fast bereit, ihren Beruf zu wechseln, aber sie sagte davon kein Wort ihres Vaters wegen. Dem Saß der Schrecken im Herzen... (H. Kant. "Das Impressum");

Reinhardt versicherte rasch, daß er alles begreife. Als ob es an ihm sei, sich zu entschuldigen, erzählte er eine entlegene Geschichte aus dem Jahr Dreiundzwanzig...

Nachdem ihm also der andere von selbst die ganze Erklärung erspart hatte, erzählte Fiedler sofort ausführlich, was ihn herführte.

Reinhardt horchte still... [A. Seghers. "Das siebte Kreuz"];

8. *Противопоставление темы данного абзаца теме (или ее отрезку) предыдущего абзаца, маркируемого начальным компонентом с союзом aber.*

Edgar schlief schlecht in dieser Nacht. Es war eine Wirrnis in ihm von Glückseligkeit und kindlicher Verzweiflung. Denn heute war etwas Neues in seinem Leben geschehen. Bisher hatte er, einsam erzogen und oft kränklich, wenig Freunde gehabt. Für all sein Zärtlichkeitsgefühl war niemand dagewesen als die Eltern, die sich wenig um ihn kümmerten, und die Diensboten. ...Denn er liebte diesen Menschen, wie er nie einen Freund, nie Vater und Mutter geliebt hatte. Die ganze unreife Leidenschaft seiner frühen Jahre umklammerte das Bild dieses Menschen, dessen Namen er vor zwei Stunden noch nicht gekannt hatte.

Aber er war auch klug genug, um durch das Unerwartete und Eigenartige dieser neuen Freundschaft nicht bedrängt zu sein. [St. Zweig. "Brennendes Geheimnis"];

9. *Смена темы или ее отрезка, маркируемая безличной конструкцией в начальном компоненте.*

...Acht Tage nach meinem Einzug war ich wahrhaft kriminal-richterlich instruiert und hatte jede Geschworenenbank, welche über dieses Naus zu Gericht gesessen haben würde, mit präsidentischer Bestimmtheit ad absurdum geführt ein halbes Jahr später dürfte ich an jenen wilden, rührenden und neiteren Ereignissen, deren Erinnerungen mich an dem grauen, heißen Sommertage des Jahres fünfundsechzig über die schwülste Stunde hinweghob, teilnehmen.

Es war auch ein grauer Tag, aber ein Tag im kühlen, luftigen Monat Dezember... [W. Raabe. "Theklas Erbschaft"];

10. *Смена отрезка темы, маркируемая указательными местоимениями das (чаще всего в сочетании с местоимением alles, es, dieses, и др. в обобщающе-указательном значении).*

Die Mutter hatte ehemals den älteren Bruder vorgezogen, zeitweise den jüngsten. Sie hatte auch sehr an dem Zweiten gehangen, der gut zu ihr war, vielleicht am besten von allen, in seiner dumpfen, einfältigen Art.

Das galt jetzt alles nicht mehr. Denn umgekehrt, wie es sonst im Leben zugeht: je länger Georg weggeblieben war, je spärlicher man von ihm hörte, je weniger man nach ihm fragte, desto deutlicher wurden ihr seine Züge, desto genauer ihre Erinnerungen. Ihr Herz entzog sich den verschiedenen gearteten Plänen, den sichtbaren Hoffnungen der drei Söhne, die frisch um sie herum lebten... [A. Seghers. «Das siebte Kreuz»].

Еще одно подтверждение наличия определенных закономерностей в построении абзаца дает анализ объема абзаца в произведениях разных авторов. Он позволяет установить, чем прежде

всего этот объем определяется,—индивидуальной манерой того или иного автора, его пристрастием к коротким или длинным абзацам, характером выражаемого тем или иным абзацем высказывания,—а также выяснить в связи с этим возможность и частотность употребления абзацев того или иного объема разными авторами.

Результаты проведенного исследования излагаются в приводимых ниже таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Размер абзаца в произведениях
различных авторов

Источник	Количество предложений в абзаце*										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	свы- ше 10
Th. Mann. Buddenbroks	23	24	27	17	20	6	2	1	1	2	2
H. Mann. Fin Zeitalter wird besichtigt	2	6	13	30	26	13	17	11	4	2	1
H. Fallada. Wolf unter Wolfen	15	24	22	28	22	6	3	1	1	3	—
L. Feuchtwanger. Die Bruder Lautesack	11	21	27	21	18	12	8	3	2	1	1
L. Frank. Der Mensch ist gut	33	31	18	11	9	6	6	5	4	—	2

* Исследовано 125 абзацев.

Таблица 3

Частотность употребления абзацев разного размера
в произведениях различных авторов, %

Источник	Количество размеров в абзаце*		
	от 1 до 5	от 5 до 10	свыше 10
Th. Mann. Buddenbroks	90,4	8	1,6
H. Mann. Fin Zeitalter wird besichtigt	61,8	38,1	0,8
H. Fallada. Wolf unter Wolfen	88	12	—
L. Feuchtwanger. Die Bruder Lautesack	78,4	20,8	0,8
L. Frank. Der Mensch ist gut	81,6	16,8	16

* Исследовано 125 абзацев.

Как видно из таблицы 2, у каждого из пяти исследованных авторов в одном и том же произведении можно встретить абзацы самой различной величины: от одного до десяти и более предложений. Наличие у одного автора абзацев самого различного размера подтверждает зависимость их объема не столько от писательской

манеры, сколько от характера выражаемого абзацем высказывания.

Анализ частотности употребления авторами абзацев определенного объема показывает, что несмотря на разницу в стиле, манере письма этих авторов и т. п., процент употребления ими абзацев той или иной величины во многом совпадает. Так, наиболее часто у исследованных авторов встречаются абзацы размером от одного до пяти предложений. Абзацы размером от пяти до десяти предложений встречаются во всех пяти рассмотренных произведениях значительно реже, а абзацы больше чем из десяти предложений не превышают 1,6%. Таким образом, сходство количества абзацев одного и того же размера у ряда авторов также подтверждает, что решающую роль в определении размера абзаца играет не произвол автора, а объем содержащегося в абзаце высказывания. Но хотя объем абзацев и определяется, прежде всего, объективными закономерностями, в известной степени он связан и со стилем произведения, с манерой письма того или иного автора.

Отдельным абзацем может быть выражена и какая-либо мысль автора или какая-либо деталь содержания художественного произведения, которую нужно особо подчеркнуть или обратить внимание читателя. Такие абзацы, являясь своего рода стилистическим приемом, также выделяются авторами в известной степени по субъективным соображениям и, как правило, выражены одним предложением.

Определенные объективные закономерности характера абзаца обусловлены также спецификой того или иного функционального стиля, жанра, ее влиянием. Это признают и противники его рассмотрения в качестве сверхфразовой единицы. Так, определенные закономерности обуславливают построения абзаца в научном стиле и в художественной литературе (33), газетный абзац не может в силу особенностей данного функционального стиля соответствовать размерам книжного абзаца (49), краткость объема абзаца — один из отличительных признаков, по которому эпистолярный текст противостоит произведениям традиционных, «широких» жанров художественной литературы (32).

Наряду с объективными факторами определенную роль в выделении абзацев, в определении их границ действительно играют и субъективные моменты. Однако их наличие при отграничении абзацев друг от друга не опровергает наличия у абзацев целого набора объективных признаков, которые превалируют над ними.

Кроме того, субъективные моменты имеют место не только при выделении абзацев, но и при выделении в связной речи (в тексте)

Для проверки этого тезиса, а также для установления соотношения субъективных и объективных факторов, с одной стороны,

при выделении предложений, а, с другой стороны, при выделении предложений и абзацев, нами был проведен следующий эксперимент.

Двенадцати информантам из числа участвовавших в описанном выше эксперименте по выделению абзацев были предложены три текста, напечатанные без пунктуационных знаков. Информанты должны были расставить в каждом из текстов пунктуационные знаки, прежде всего точки, определяющие окончание отдельных, простых или сложных предложений. Принцип отбора текстов был таким же, как и в эксперименте по выделению абзацев: были отобраны отрывки из двух произведений художественной литературы и один публицистический текст. Третий текст был сделан умышленно короче других двух, для проверки связи текста и соотношения объективных и субъективных факторов при выделении в нем отдельных предложений. В качестве совпадения границ рассматривались случаи, когда автор и информанты одинаково определяют конец простого или сложного предложения, ставя после них точку. Случаи же, когда автор выделяет одно сложное предложение, а информанты вместо этого выделяют несколько простых самостоятельных предложений или когда автор выделяет несколько простых предложений, а информанты объединяют их в одно сложное предложение, рассматривались как несовпадение границ.

Результаты эксперимента изложены в таблице 4.

Сопоставление результатов экспериментов по вычленению абзацев и предложений свидетельствует не только о том, что во втором также наличествуют субъективные факторы, но и о том (и это представляется наиболее существенным), что их роль при этом оказывается ничуть не меньшей, а, как видно из таблицы 4, даже большей. Так, если максимальный процент совпадения границ абзацев у авторов и у информантов в трех текстах составляет соответственно 100%, 91,6% и 100%, то максимальный процент совпадения границ предложений составляет соответственно 90,6%, 83,9% и 81,8%.

На первый взгляд такой вывод может показаться странным. Казалось бы, определить границы предложения — единицы меньшего объема, чем абзац — легче и проще. В действительности же столь большая роль субъективных факторов в определении границ предложения представляется вполне закономерной, поскольку границы целой темы или ее более или менее самостоятельного отрезка очерчены более четко, чем границы каждого отдельного элемента ее. Поэтому и признаки, отграничивающие абзацы друг от друга, «срабатывают» более однозначно, чем и определении границ такой «аксиоматичной» синтаксической единицы, как предложение.

Соотношение совпадения границ предложений
у авторов и у информантов

Источник	Количество совпавших абзацев	Число информатов	Показатель совпадения, %
J. W. Goethe. Die wunderlichen Nachbar- skinder*	29	1	90,6
	27	4	84,4
	25	4	78
	24	2	75
	23	2	71,9
	20	1	62,5
J. Breran. Die Wolkenflote**	19	1	60
	26	2	83,9
	24	2	77,4
	23	4	77,2
	21	1	67,7
	20	1	64,5
Wor 50 Jaren begann Kapitell II der Men- schen geschichte***	17	1	54,8
	16	1	51,6
	18	3	81,8
	17	2	77,3
	15	2	68,2
	14	2	63,6
	13	2	59
	12	1	54,5

* Количество предложений у автора — 31; **—22; ***—32.

признаки, отграничивающие одно от другого предложения в тексте и, в частности, в абзаце. Все это свидетельствует о том, что наличие субъективных факторов при выделении абзацев не является аргументом, подтверждающим неправомочность рассмотрения абзаца как СФЕ.

Границы абзаца определяются постоянными формальными показателями, которыми являются как звуковые, интонационные маркеры, так и их графические эквиваленты.

Интонация вообще служит одним из ведущих элементов структуры абзаца. Большая роль ее объясняется тем, что в единице такого размера, как абзац, именно она предстает средством, в первую очередь оформляющим последний как целостную единицу, сцепляющим, организующим отдельные его компоненты в единое целое и маркирующим его границы.

Абзацу свойствен особый интонационный рисунок, отличающийся от интонационного рисунка других синтаксических единиц. Наиболее характерной особенностью интонационного рисунка абзаца является так называемая «интонационная рамка», сущность которой состоит в специфическом интонационном оформле-

нии его начального и конечного компонентов. «В качестве начальных предложений с интонационно выраженной функцией начала, как правило, выступают предложения с высоким первым ударным слогом и высоким или равновысоким предтекстом»,—пишет Б. С. Кандинский (30, 149). Начальное предложение абзаца «маркируется повышением громкости и высотного уровня произнесения»,—отмечает Н. С. Градобык (21, 20). Для конечных предложений характерны более замедленный темп речи по сравнению с предыдущей частью абзаца, резко финальный интонационный контур, терминальная (завершающая), по сравнению с мелодией срединных компонентов, мелодия или, по выражению С. Карцевского, «настоящая каденция, отмечающая действительный предел» (135, 209).

Каждое предложение внутри абзаца само по себе интонационно завершено. Оно характеризуется падением тона в конце предложения. Если же сравнить интонационный рисунок отдельного предложения внутри абзаца, в частности степень падения тона в конце его, со степенью падения тона в конце всего абзаца, то оказывается, что первая меньше, чем вторая. Это позволяет утверждать, что интонационно завершенным является весь абзац в целом. Каждое же предложение внутри абзаца по отношению к интонационному рисунку всего абзаца в целом является интонационно как бы лишь относительно завершенным.

Итак, начальное предложение абзаца произносится в более высоком регистре, чем остальная его часть, а конечное предложение характеризуется интонацией абсолютного завершения, т. е. падение тона в конце его наиболее глубокое по сравнению с остальной частью абзаца. Таким образом, интонационная рамка является основным признаком, маркирующим границы абзаца, его начало и конец.

Различная степень интонационной завершенности всего абзаца и отдельных компонентов внутри него объясняется прежде всего тем, что вся тема или более или менее автономный отрезок ее выражается абзацем в целом, и это маркируется более глубоким падением тона в конце абзаца по сравнению с падением тона в конце каждого из его компонентов, выражающего лишь один из элементов темы или ее отрезка.

Компоненты абзаца, с одной стороны, семантически объединены друг с другом, поскольку они выражают элементы его одной, общей темы, а с другой — в известной степени семантически отграничены друг от друга, поскольку каждый из них выражает какой-то один, определенный элемент этой темы. Такие семантические отграничения компонентов абзаца друг от друга могут быть названы «семантическими разрывами». Они характерны не только для отдельных компонентов внутри абзаца, но и для

абзацев в целом. Однако характер тех и других семантических разрывов качественно различен: в первом случае они отграничивают друг от друга предложения, излагающие отдельные элементы единой, общей для них темы; во втором — отграничивают друг от друга абзацы в целом, излагающие различные темы или различные автономные отрезки одной темы. Семантические разрывы между компонентами внутри абзаца могут быть охарактеризованы как микроразрывы, а между абзацами — как макро-разрывы.

Семантические разрывы между компонентами внутри абзаца и между абзацами находят свое выражение в речи. Их звуковым маркером являются паузы. Поскольку характер тех и других семантических разрывов различен, не одинаков и характер пауз, их маркирующих.

Как отвечает Н. И. Серкова, проводившая экспериментальное исследование пауз, диерема, т. е. пауза в звучании, сопровождаемая удлинением предыдущего звука или предыдущих звуков, может быть различна по своему характеру. Если измерять протяженность паузы в морях, то диерема между предложениями будет равна двум морям, а пауза между абзацами, как совершенно особая диерема сверхфразовой единицы, будет протяженностью более чем в две моря (77).

Экспериментальное изучение различия характера пауз между предложениями в абзаце и между абзацами проводил и ученый из ГДР К.-Л. Харт. Согласно его выводам, паузы между предложениями составляют максимум 790—900 мс, а паузы между абзацами — 1220—1780 мс (124). Соответственно микроразрывам и макроразрывам паузы между предложениями внутри абзаца могут быть определены как микропаузы, а паузы между абзацами — как макропаузы. Последние также являются звуковым маркером границ абзаца.

Итак, звуковыми показателями, маркирующими границы абзаца, являются интонационная рамка и макропаузы. Графическим эквивалентом этих звуковых граничных сигналов абзаца служит абзацный отступ, красная строка. Указанные формальные показатели границ абзаца всегда маркируют абзац как СФЕ независимо от его контекстного окружения, от его объема, от функционального стиля, в котором он употреблен, и т. д.

Как отмечалось выше, компоненты абзаца семантически объединены друг с другом. Эта семантическая связь компонентов, каждый из которых излагает один из элементов общей темы абзаца, и обеспечивает единство содержания всего абзаца, единство излагаемой им темы. Семантическое единство компонентов абзаца поддерживается различными средствами сцепления — лексическими, грамматическими, интонационными и другими, способст-

вующими их скреплению не только в единое смысловое, но и структурное целое.

В ряде работ средства связи компонентов абзаца подразделяются на так называемые «эксплицитные» и «имплицитные». Эксплицитная связь «характеризуется формальной выраженностью с помощью определенных языковых средств (местоимений, наречий, местоименных наречий, определенной структуры предложения и др.)» (41,6). Для имплицитной связи характерно отсутствие «формально выраженных языковых средств». Имплицитная связь, как отмечают авторы, осуществляется при помощи сцепления содержаний компонентов абзаца и выражается в устной речи посредством интонации.

На наш взгляд, указанные термины, особенно термин «имплицитная связь», «имплицитные средства связи», являются не совсем удачными, не вполне адекватными. Ведь интонация как средство сцепления компонентов абзаца является фактически таким же эксплицитным средством, как и остальные эксплицитные средства: мы воспринимаем ее на слух, а в транскрипции интонационный рисунок может быть передан и графически, а следовательно, воспринят также визуально.

Единство содержания высказывания, выражаемого абзацем, является одним из его основных семантических признаков. «Сквозное» сцепление всех компонентов абзаца в единое целое, осуществляемое различными средствами связи, можно расценивать как один из структурных признаков абзаца. Единство содержания абзаца, «поддерживаемое» сцеплением всех его компонентов в единое целое, образует его своеобразный структурно-семантический стержень.

Признаки абзаца как сверхзвуковой единицы не могут выводиться из признаков предложения как другой самостоятельной коммуникативной единицы. Сопоставительное исследование отдельного предложения, функционирующего как самостоятельная коммуникативная единица, и предложения как компонента абзаца, показывает, что их признаки в том и в другом случае во многом не совпадают.

Причина, обуславливающая данное явление, состоит прежде всего в том, что с функцией предложения в макроконтексте «связаны особые структурные черты и грамматические значения, знаменующие новое качество этой синтаксической единицы» (55, 10). Как отмечает О. И. Москальская, «предложение заключает в себе наряду с конституирующими его как синтаксическую единицу особого уровня структурными чертами и грамматическими категориями также элементы грамматических значений и структурных моментов, полная реализация которых происходит на более высоком уровне — в тексте, по отношению к которому пред-

ложение выступает как составляющее» (там же). Добавим к этому лишь, что наряду с элементами грамматических значений и структурных моментов предложения, полная реализация которых происходит в тексте, можно отметить и такие, которые реализуются и в предложении как единице особого уровня, и в предложении как компоненте макроконтекста по существу полностью, однако реализуются не одинаково.

Отмеченные выше различия признаков предложения как самостоятельной единицы и предложения в макроконтексте касаются в первую очередь: 1) интонационного рисунка, 2) принципов актуального членения, 3) характера ряда грамматических категорий, 4) характеристики постоянных и переменных элементов, 5) смысловой авто- и синсемантии.

На различие интонационного рисунка предложения в макроконтексте и вне его обращается внимание в ряде работ. Несколько авторов провели экспериментальное исследование этого материала (30; 62; 73). На результатах экспериментального исследования интонации предложения в макроконтексте и вне его мы и основываемся, главным образом, при ее сопоставлении.

Модель интонационной структуры предложения как части текста более богата, чем модель отдельного предложения.

Универсальным явлением, характерным для любой интонационной структуры, является так называемая тональная группа, т. е. каждое движение тона как самостоятельная часть интонационной структуры, только в контекстном окружении она выражена иначе, чем вне его.

Вне контекстного окружения интонационная структура предложения приобретает особые черты, выражающиеся в том, что каждая ритмическая группа получает ярко выраженное тональное оформление. Предложения вне контекста воспринимаются как расчлененные акцентные структуры. В предложениях внутри текста ударение становится более централизованным.

Если вне контекста отдельные нейтральные в эмоциональном отношении фразы приближаются друг к другу по высоте их предтактов, то в связном тексте наблюдается значительное разнообразие высоты последних. При трактовке интонационной структуры предложения как части текста движение тона в предтакте становится релевантным для определения смысловых отношений в тексте. Входящий предтакт в этом случае связан с сопоставлением содержания предыдущего отрезка текста. Под влиянием контекстного окружения интонационная структура предложений подвергается интонационной редукции (сокращению движения тона в первой тональной группе предложения), которая является выражением интонационной связи между предложениями (30).

На уровне интонации наблюдается явление, называемое в син-

таксической стилистике «сцеплением» фраз: последующая фраза, частично воспроизводя в себе предыдущую, в то же время как бы интонационно «цепляется» за нее («интонационный подхват»). Интонационный подхват выражается произнесением начала второй фразы с распространенным нисходяще-восходящим тоном. Вырванная из контекста звучащая фраза, начинающаяся с интонационного подхвата, будет восприниматься как интонационно несамостоятельная, интонационно связанная с контекстом, в котором она находилась. Иначе говоря, такие фразы интонационно синсемантические (23; 62). Своеобразным индикатором того, произнесена ли фраза в контексте или вне его, является интонационное оформление начала звучащей фразы: в первом случае оно характеризуется большим высотным уровнем произнесения, чем во втором.

Основными различиями интонации предложения в контексте и вне его являются также: темп и ритм произнесения, нижний уровень основного тона, частотный максимум (73).

Актуальное членение отдельного предложения определяется коммуникативной нагрузкой его членов внутри данного предложения.

К. Боост сопоставляет с этой точки зрения предложения *Ich schenke dem Kinde den Apfel* и *Ich schenke den Apfel dem Kinde*. В первом случае, говорит он, речь идет не о выборе того, кто получит яблоко, а о том, что получит ребенок. Основную коммуникативную нагрузку несет здесь *der Apfel*. Оно является новым, ремой и стоит в конце предложения. Во втором случае новым является не яблоко, а его получатель. *Der Apfel* несет поэтому меньшую коммуникативную нагрузку, чем *das Kind*. Здесь *das Kind* — новое, рема и поэтому стоит в этом предложении в конце его (103, 52; также 38; 70).

Характер актуального членения предложения как компонента абзаца зависит, как правило, от места и роли данного предложения в макроконтэксте, от влияния предшествующего контекста и т. п. Рассмотрим это на следующем примере: *Die Nacht am Geschütz war lang. Kutschera hatte Kurzurlaub. In der Batterie residierte Gottesknecht. Während des Schulunterrichts saßen die Jungen schlafend auf ihren Schemeln. Der Lehrer las mit monotoner Stimme aus dem Buch vor. (D. Noll. «Die abenteuer des Werner Holt»).*

Характер актуального членения третьего предложения данного абзаца определяется содержанием второго, где ремой является *Kurzurlaub*. В следующем предложении основным является элемент, указывающий, кто заменял отпускника. Поэтому ремой здесь является *Gottesknecht*. Ремой следующего предложения является слово *schlafend*, выражающее состояние учеников на

уроке. Характер этого состояния подчеркивается содержанием первого предложения — ночным дежурством у орудия. Наконец, темой последнего предложения является *der Lehrer*, что вытекает из содержания предыдущего предложения, повествующего о том, что речь идет об уроке в школе, и из противопоставления того, чем занимались на уроке ученики, тому, что делал учитель.

Значение и функции ряда грамматических категорий, в том числе морфологических, в отдельном самостоятельном предложении и в предложении как компоненте абзаца во многом различны. Специфика употребления этих категорий в абзаце объясняется контекстуальной обусловленностью этого, что, естественно, не имеет места в отдельном самостоятельном предложении.

Сопоставление характера постоянных и переменных элементов предложения как самостоятельной коммуникативной единицы и предложения как компонента абзаца свидетельствует о том, что он в обоих случаях не одинаков. Постоянные и переменные элементы предложения в макроконтексте и вне его могут не совпадать: переменные элементы отдельно употребленного самостоятельного предложения, не входящие в его ядро, оказываются постоянными элементами предложения как компонента абзаца. Так, если расчленить абзац на отдельные предложения-компоненты, а затем в этих предложениях отчеркнуть все переменные элементы, образовав ядерные предложения, то из одних ядерных предложений нельзя будет реконструировать абзац, равно как только из ядерных предложений вообще нельзя его образовать. Важная роль этих элементов состоит в том, что они являются одним из главных звеньев, обеспечивающих семантическую спаянность отдельных компонентов абзаца в единое целое и способствующих тем самым тому, что он выражает целостное, комплексное высказывание, а не распадается на единичные, не связанные между собой высказывания, выражаемые отдельными его компонентами. Эти элементы обеспечивают во многих случаях смысловое сцепление данного компонента абзаца с предшествующими либо создают своего рода проекцию на содержание последующих. Кроме того, они увеличивают объем информации, содержащейся в предложении.

Отдельное употребленное самостоятельное предложение и предложение как компонент абзаца отличаются друг от друга характером своей смысловой авто- и синсемантии. Под первой подразумевается его смысловая завершенность, т. е. способность выражать законченную мысль самостоятельно, без сочетания с другими предложениями. Синсемантичным является такое предложение, содержание которого может быть раскрыто полностью не в рамках самого предложения, а лишь при помощи других предложений в контексте. Самостоятельные предложения,

функционирующие отдельно, сами по себе не требующие никаких точек соприкосновения с другими предложениями и никакого продолжения, обладают смысловой автосемантией, предложения же компоненты абзаца в смысловом отношении всегда синсемантичны.

Предложения-компоненты абзаца связаны между собой сцеплением своих содержаний, своими внутренними отношениями, что и обеспечивает единство высказывания, выражаемого всем абзацем в целом, и отличает в первую очередь абзац от набора следующих друг за другом отдельных самостоятельных предложений. И поэтому предложение не может быть механически вычленено из абзаца как без ущерба для самого предложения, так и для смысла всего абзаца. Следовательно, именно с точки зрения содержания всего абзаца и роли каждого предложения для раскрытия содержания всего абзаца все предложения в абзаце как его компоненты и являются в смысловом отношении синсемантичными. Различные компоненты абзаца могут отличаться друг от друга лишь большей или меньшей степенью смысловой синсемантии, что во многом связано с позицией и ролью этих компонентов в абзаце.

Авторы ряда работ разделяют и сами предложения-компоненты абзаца на автосемантичные и синсемантичные. Степень самостоятельности того или иного компонента абзаца или зависимости его от остальных, возможность или невозможность вычленения его из абзаца и употребления его в качестве отдельного самостоятельного предложения эти авторы определяют в зависимости от наличия или отсутствия в этом компоненте так называемых «эксплицитных», т. е. материально выраженных средств связи с другими компонентами (союзов, местоимений-субститутов и т. п.) (26; 33).

С подобной точкой зрения нельзя согласиться. Она основана на чисто внешнем, формальном подходе к рассмотрению данного вопроса. Ведь внешние, поверхностные средства связи не создают смысловую синсемантию компонентов абзаца, а лишь выражают ее. Создается же эта синсемантия, как отмечалось выше, на глубинном уровне — сцеплением содержаний компонентов и характером отношений между ними. Подтверждением постоянного наличия синсемантии компонентов абзаца как их глубинного признака является и тот факт, что она и при отсутствии так называемых эксплицитных средств связи (как, впрочем, и при наличии их) выражается на поверхностном уровне, а именно при помощи интонации (34).

Авторы, придерживающиеся рассматриваемой точки зрения, не учитывают, кроме того, различий целого ряда параметров предложения как компонента абзаца и отдельно употребленного

самостоятельного предложения, которые были рассмотрены выше. Эти различия определяют новое качество предложения как компонента абзаца по сравнению с предложением как самостоятельной коммуникативной единицей и не позволяют отождествлять их друг с другом. Это подтверждает невозможность механического вычленения предложения из абзаца. Предложение может быть вычленено из абзаца только в учебных или научных, исследовательских, экспериментальных целях.

Сопоставление признаков отдельного предложения как самостоятельной коммуникативной единицы и предложения как компонента абзаца свидетельствует о том, что в последнем случае изменяется лишь характер его речевой структуры. Языковая же структурная модель предложения как самостоятельной коммуникативной единицы и как компонента абзаца различий не содержит.

Изменение характера речевой структуры предложения в абзаце связано с изменением функций отдельных элементов ее, состоящих уже не в оформлении предложения как самостоятельной коммуникативной единицы, а в конституировании его как компонента другой СФЕ — абзаца. Таким образом, этот новый функциональный аспект элементов речевой структуры предложения обусловлен их макротекстным окружением.

Сказанное свидетельствует, в частности, о неправомерности исследования предложений как единицы речи вообще. Необходимо рассматривать предложения с учетом их особенностей на различных уровнях функционирования.

Рассмотренные нами различия между структурой предложения как самостоятельной коммуникативной единицы и его структурой как компонента абзаца доказывают также, что нельзя рассматривать абзац как простую совокупность отдельных самостоятельных предложений, связанных друг с другом при помощи различных средств сцепления. Структура абзаца как особой СФЕ базируется не на структуре отдельного самостоятельного предложения, а на качественно отличной от него структуре предложения как ее интегранта.

Исследование характерных черт и особенностей абзаца позволяет выделить следующие признаки, свойственные ему как качественно особой сверхфразовой синтаксической единице и конституирующие его как таковую:

1. Наличие границ, а также формальных показателей (звуковых и графических), всегда однозначно маркирующих эти границы;
2. Особое интонационное оформление всего абзаца и отдельных его компонентов;
3. Сквозное сцепление всех компонентов абзаца;

4. Специфический характер постоянных и переменных элементов предложений-компонентов абзаца;

5. Обусловленность актуального членения компонентов, а следовательно, и всего абзаца, позицией и ролью этих компонентов, а также характером их макроконтекстного окружения;

6. Специфический характер ряда грамматических категорий;

7. Смысловая завершенность всего абзаца и смысловая синсемантия отдельных его компонентов.

Исследования материала позволяют определить, по крайней мере в общих чертах, место абзаца как СФЕ в системе языка (в широком смысле этого слова). Этому может способствовать сопоставление абзаца с предложением как единицей языка и с предложением как единицей речи. В первом случае выявляется отсутствие у них сходных признаков: предложению свойственна языковая структурная модель, которая не претерпевает изменений при превращении его в компонент абзаца; у абзаца, наоборот, отсутствует структурная языковая модель. Во втором случае обнаруживается, что у абзаца, как и у предложения, присутствуют интонационные, речевые структурные и семантические признаки, характер которых определяется спецификой каждой из обеих единиц. Кроме того, предложение как самостоятельная единица речи изменяет свои признаки, превращаясь в компонент абзаца.

Отсутствие у абзаца признаков, присущих единицам языка, в первую очередь таких, как структурная модель, стабильная языковая структура, не позволяет рассматривать его в качестве подобной единицы. Наличие же у абзаца признаков, присущих единицам речи, а также формирование его структуры на базе речевой структуры его компонентов, которая поэтому и является по своему характеру тоже таковой, дает основание рассматривать абзац как сверхфразовую синтаксическую единицу речи. Это позволяет, в свою очередь, сделать вывод о том, что предложение является высшей кодовой единицей, высшей единицей языка. С другой стороны, предложение является минимальной единицей речи, минимальной коммуникативной единицей. Высшей же коммуникативной единицей является абзац, в состав которого предложения входят в качестве его компонентов.

На основании вышесказанного можно предложить следующее определение абзаца: абзац — это сверхфразовая синтаксическая единица речи, выражающая комплексное, тематически объединенное высказывание, состоящая, как правило, из двух или более моно- или полипредикативных компонентов, характеризующаяся особой структурой, специфическим интонационным рисунком и регулярно маркируемыми границами и представляющая собой единое смысловое, структурное и интонационное целое.

ВИДЫ АБЗАЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Абзацы в современном немецком языке можно классифицировать по количеству составляющих их компонентов, по характеру их содержания, по характеру их структуры.

В зависимости от количества компонентов могут быть выделены монокомпонентные (из одного предложения) и поликомпонентные (из двух и более компонентов) абзацы.

Статус монокомпонентного абзаца, особенности его структуры и основные случаи его употребления по существу не исследованы и не описаны. В отдельных работах встречаются лишь общие замечания о возможности выражения абзаца одним простым или сложным предложением. Абзац, рассматриваемый нами как СФЕ, является в то же время отрезком, частью целого текста. Учет обеих этих сторон необходим для определения сущности монокомпонентного абзаца и правильного понимания его особенностей. В нем эксплицитно выражены прежде всего те элементы, которые позволяют выделить и отграничить его от других абзацев в тексте, что определяется прежде всего его объемом, наличием в нем лишь одного предложения-компонента. Характер этих элементов монокомпонентного абзаца не отличается по существу от характера аналогичных элементов поликомпонентного абзаца. С другой стороны, он отличен от характера элементов, служащих для отграничения друг от друга отдельных предложений-компонентов в абзаце.

Границы монокомпонентного абзаца маркируются так же, как границы поликомпонентного, а не так, как границы предложения. Интонационный рисунок его также аналогичен рисунку поликомпонентного абзаца, а не предложения: высота тона в начале и глубина падения тона в конце его отличны от соответствующих показателей предложения; характер паузы между монокомпонентным и следующим за ним в тексте моно- и поликомпонентным абзацем такой же, как и вообще характер паузы между двумя абзацами, а не как между двумя предложениями в абзаце. Гра-

фическое оформление границ монокомпонентного абзаца такое же, как и у поликомпонентного абзаца: абзацный отступ.

Элементы структуры абзаца, конституирующие его как СФЕ, в монокомпонентном абзаце не могут быть эксплицированы, поскольку основой их функционирования является макроконтэкстное окружение, что наблюдается только в поликомпонентном абзаце. Однако эти элементы и их функции выражены в монокомпонентном абзаце имплицитно. Подтверждением этого является тот факт, что при «развертывании» монокомпонентного абзаца в поликомпонентный, т. е. при появлении макроконтэкстного окружения, данные элементы структуры абзаца и их функции эксплицируются. Экспликация указанных элементов структуры при развертывании монокомпонентного абзаца в поликомпонентный приводит лишь к увеличению количества его компонентов, но не влечет за собой каких-либо качественных изменений структуры абзаца как особой единицы. Например: Bald erklangen draußen im Korridor Schritte. Zwei bewaffnete SS-Männer traten ein, pflanzen sich beiderseits der Tür auf, mit Maschinenpistolen im Anschlag. Dann erschien zwischen ihnen einer der Terroristen.

Von Bruch schaute hin, wußte im ersten Aigenblick nicht, was er sagen sollte.

Da stand ein Bube, kaum älter als zwölf, selbssicher, gar nicht verschüchtern, das merkte man schon daran. wie er sich die Nase rieb und im Zimmer umguckte. Sicher spielte er noch Murmeln und bemogelte tüchtig die anderen schon aus Spaß an der Sache. (B. Djacenko. «Wie der Mensch Gesicht bekam»).

Второй абзац данного отрывка состоит из одного компонента. В порядке лингвистического эксперимента «развернем» его в поликомпонентный абзац, не изменяя содержания выражаемого им высказывания: Von Bruch schaute hin. Er wollte etwas sagen. Er wußte im ersten Augeblick nicht, was er sagen sollte.

Это ведет к увеличению количественного состава его компонентов, в результате чего были эксплицированы элементы его структуры: средства сцепления, интонационный рисунок компонентов и др. Качественная характеристика абзаца как сверхфразовой единицы при этом не изменилась. Таким образом, структура монокомпонентного абзаца по существу качественно не отличается от структуры поликомпонентного абзаца.

Статус языковой единицы определяется, как известно, в первую очередь характером ее структуры, ее признаков. Показатели, маркирующие границы монокомпонентного абзаца и отделяющие его от других абзацев в тексте, как мы видим, ничем не отличаются от соответствующих показателей поликомпонентного. Отсутствуют качественные различия и в характере других элементов структуры того и другого видов абзаца. Имплицитный характер

ряда элементов структуры монокомпонентного абзаца объясняется лишь его объемом, количеством составляющих его компонентов. Оличие от эксплицитного характера соответствующих элементов структуры поликомпонентного абзаца здесь, следовательно, чисто количественное.

Итак, поскольку структура монокомпонентного абзаца аналогична по своему характеру соответствующей структуре поликомпонентного абзаца и, следовательно, вообще структуре абзаца как сверхфразовой единицы, мы можем, учитывая имплицитный характер ряда элементов структуры первого, рассматривать его как одну из разновидностей абзаца как сверхфразовой единицы, а именно как имплицитную сверхфразовую единицу*.

Говоря об основных случаях употребления монокомпонентных абзацев, следует отметить, что в одном их функции ничем не отличаются от функций поликомпонентных: так же, как и эти последние, первые могут служить для изменения темы или автономного ее отрезка, которые выражены при этом одним предложением-компонентом: *Plötzlich war die Welt ganz anders geworden, aus einer Bresche in der Wand herkömmlichen Lebens war Licht gefallen auf das Kind, ein geheimnisvolles Licht, aus einer geheimnisvollen Zukunft leuchtend.*

Und als dann am nächsten Tage Lieschen Ahlf, Stieftochter Bieneweg, bei den Kindern auftauchte, da faßten die Kinder beide dieses selbe Lieschen bei der Hand und liefen mit ihr gegen den Wald... (H. Fallada. «Hoppelpoppel-wo bist du?»).

Монокомпонентные абзацы в данном случае эмоционально нейтральны, что находит отражение и в их размере — они могут состоять из сложных предложений большой протяженности (118).

В ряде случаев монокомпонентные абзацы употребляются в так называемой «выделительной» функции. При этом абзац может служить для выделения, для подчеркивания какой-либо части, или элемента высказывания, на которые автор хочет обратить внимание читателя. Например: *Da sitzt einer über seiner Schreibmaschine, raucht viel, bläst Staub von den Tasten, beißt in einen Apfel und denkt an Schiller dabei, starrt auf das leere Papier und dann auf die Uhr, kratzt an dem verklebten kleinen a herum, bis es wieder sauber ist, hat schon wieder eine Zigarette in Brand und nennt das alles Arbeit.*

Er lauert auf einen Gedanken.

Der Gedanke steckt der Kopf um die Ecke, zögert noch, zögert

Поскольку поликомпонентные абзацы как главный вид абзацев являются основным объектом данного исследования и, следовательно, рассматриваются во всей работе, мы здесь на них специально не останавливаемся.

lange, aber endlich kommt er näher.

Er kommt!

Macht er einen einzigen Schritt, einen winzigen Schritt, dann schnappt die Falle zu, dann ist er ausgedacht, und ein Mann schlägt ihn ins Papier (H. Kant. «Die Aula»).

С точки зрения тематического членения данный отрывок может быть разделен на два абзаца: первый — ожидание появления мысли (у автора — первый и второй абзацы), второй — появление мысли (остальная часть отрывка). Однако для подчеркивания, выделения основного элемента отрывка — саму мысль — автор выделяет каждое предложение, содержащее ее, в отдельный абзац.

Наряду с выделением какого-либо элемента высказывания очень короткие абзацы, состоящие из одного предложения, употребляются для того, чтобы лучше акцентировать динамику действия. Эту функцию монокомпонентных абзацев можно также проследить на материале приведенного отрывка.

При помощи монокомпонентного абзаца очень хорошо можно передать экспрессию действия, высказывания и т. п. (см. абзац в приведенном выше отрывке).

Характерной для монокомпонентных абзацев, употребляемых в выделенной функции, является их эмоциональная окрашенность. В данном случае они служат своего рода стилистическим приемом, используемым авторами для достижения наибольшего воздействия на читателя, слушателя. Для таких абзацев характерен наибольший субъективизм в их выделении по сравнению со всеми другими их видами, что вытекает из их выделительной синтаксической функции.

Если тема выражена несколькими абзацами, то итог, резюме, суммирующее содержание темы, содержащее вывод из нее, также часто выделяется в отдельный, монокомпонентный абзац. Этим подчеркивается отнесенность этого резюме ко всей теме, ко всем излагающим ее абзацам. Выражение же этого резюме конечным компонентом последнего абзаца могло бы создать впечатление отнесенности его не ко всем абзацам темы, а только к последнему из них. Например: Einmal morgens—er (Karl) war schon mehrere Stationen gefahren—sprang er wieder ab, überzeugt, im Begegnungswagen Richard erkannt zu haben. Er rannte zurück und sah schon von weitem den Soldaten im langen Mantel ins Haus gehen. Als er vor dem Tor anlangte, war ihm, als hätte er einen wuchtigen, betäubenden Fauststoß vor die Brust bekommen. Jetzt war er da, das furchtbare Ereignis. Er stieg ganz langsam hinauf. Vor der Tür befahl ihn wieder Kopfschwindel. Er wußte nicht, wie er die Tür geöffnet hatte.

Kein Soldat. Anna saß am Fenster, untätig, reglos. Sie wartete.

Sie war gar nicht erstaunt, ihn zu sehen, sein entgeistertes Gesicht.

Wortlos ging er zu ihr, nahm ihren Kopf an seine Brust und ging wortlos wieder hinaus (L. Frank. «Karl und Anna»).

В зависимости от характера содержания могут быть выделены абзацы, вводящие тему; абзацы, продолжающие изложение темы, уже введенной в предыдущих абзацах; абзацы, завершающие изложение темы.

Абзацы первого вида могут либо полностью излагать вводимую ими тему, либо (что встречается значительно чаще) излагать лишь начало темы, продолжение же темы излагается в последующих абзацах. Новая тема может быть как связана с предыдущей темой, так и не связана с ней. Последнее обычно наблюдается в абзацах, открывающих новую главу, новый раздел и, конечно, в начальных абзацах всего произведения.

Начальный компонент абзаца, вводящего новую тему, как бы формирует в виде тезиса ее характер, который подробно раскрывается в последующем изложении. Конечный компонент абзаца, завершающего изложение темы, как бы содержит резюме, подытоживающее ее изложение.

В зависимости от характера структуры абзаца могут быть выделены однолинейные и многолинейные абзацы. Первые содержат изложение одной линии повествования, вторые излагают их несколько.

Многолинейные абзацы, в свою очередь, могут быть разделены на две группы: многолинейные абзацы, излагающие главную и дополнительную линии основного повествования, и излагающие две линии, одна из которых относится к основному повествованию, а другая не относится к нему, представляя побочную линию. Дополнительная линия связана своим содержанием с главной линией, она является как бы ответвлением от нее, расширяя главную, разъясняя, конкретизируя. Побочная линия, наоборот, не зависит от содержания главной, это главным образом авторский комментарий, авторские отступления и т. п.

Дополнительная линия может передавать:

1. *Обстановку, в которой происходят события главной, излагать действия, сопутствующие ее действия и происходящие одновременно с ними*, например: Wir blickten uns an, stießen die Gläser gegeneinander, tranken und rauchren. In unserem Schweigen war etwas herrlich Tierliches. Das einzig feindliche Geräusch war der Einschlag eines Scharfschützengeschosses, das mit minutiöser Pünktlichkeit in gewissen Abständen genau vor den Balken schlug. der die Böschung am Eingang unseres Bunkers schützte... Dieses Geräusch hatte etwas Beruhigendes, denn es vergewisserte uns, daß die köstliche Stunde, die nun anbrach, nicht Traum war, nichts

Unwirkliches, sondern ein Stuck unseres wahrhaften Lebens [H. Böll. «Wiedersehen in der Alee»).

2. *Ощущения, чувства, переживания, мысли героев, испытываемые ими при совершении событий главной линии*, например: Harry holte sein Notizbuch aus der hinteren Hosentasche und begann umständlich darin zu blättern. Die Augen geradeaus gerichtet, starrte ich auf eine einsame Birke am Rande des Waldes. Mein Blick hetzte den Stamm hinauf und herunter: schwarzer Fleck, weißer Fleck — schwarzer Fleck, weißer Fleck. Harry blätterte noch immer nach dem Namen, den er in diesem Augenblick gewiß besser kannte als sein Träger... (W. Gorrisch. «Solidarität»).

3. *Добавочную информацию о героях произведения, позволяющую более полно охарактеризовать их, расширяющую наши знания о них*, например: Hans und Tonio hatten Zeit, nach der Schule spazieren zu gehen, weil sie beide Häusern angehörten, in denen erst um vier Uhr zu Mittag gegessen wurde. Ihre Väter waren große Kaufleute, die öffentliche Ämter bekleideten und mächtig waren in der Stadt. Den Hansens gehörten schon seit manchen Menschenalter die weitläufigen Holzlagerplätze drunten am Fluß, wo gewaltige Sägemaschinen unter Fauchen und Zischen die Stämme zerlegten. Aber Torio war Konsul Krögers Sohn, dessen Getreidesäcke mit dem breiten schwarzen Türmendruck man Tag für Tag durch die Straßen kutschiedern sah, und seiner Vorfahren großes altes Haus war das herrschaftlichste der ganzen Stadt... Beständig mußten die Freunde, der vielen Bekannten wegen, die Mützen herunternehmen, ja, von manchen Leuten wurden die Vierzehnjährigen zuerst begrüßt... [Th. Mann. «Tonio Kröger»).

Здесь начальное и конечное предложение излагают содержание главной линии повествования — они описывают прогулки героев новеллы; остальные предложения этого абзаца относятся к дополнительной линии — в них сообщается о том, к каким семьям принадлежали мальчики. Это дает читателю представление о их социальном положении и позволяет составить более полную картину их жизни, поведения и т. д.

4. *Описание природы, являющейся как бы фоном, на котором происходят события главной линии*, например: Die obere Klappe des Fensters stand offen. Draußen im Garten von «Einfried» zwitscherten die Vögel, und in diesen kleinen, zarten und kecken Lauten lag fein und durchdringend der ganze Frühling ausgedrückt. Einmal sagte Herr Spinnelleise vor sich hin: «Unausbleiblicher Beruf...» Dann bewegte er den Kopf hin und her und zog die Luft durch die Zähne ein, wie bei einem heftigen Nerwenschmerz. [Th. Mann. «Tristan»).

Дополнительная линия повествования может быть в ряде случаев не только выражена одним или несколькими предложениями

внутри одного многолинейного абзаца, но и выделена в отдельный абзац. Последнее обычно наблюдается тогда, когда автор хочет дать какое-то целостное, законченное описание обстановки, фона, явлений и т. п., сопутствующих основным событиям главной линии. Чаще всего в отдельные абзацы дополнительная линия выделяется при описании природы, на фоне которой происходят события главной линии повествования.

Объединение предложений главной и дополнительной линий в одном абзаце подчеркивает их тесную смысловую связь, их взаимодополняющую и взаимообъединяющую роль в абзаце. Связь между ними более тесная, чем связь между двумя абзацами, выражающими отдельные отрезки темы. Смысловая связь дополнительной линии с главной повествовательной в абзаце подчеркивается и языковыми средствами: в предложениях как главной, так и дополнительной линии употребляются, как правило, одни и те же временные формы глагола; кроме того, дополнительная и главная линии объединяются в единое целое при помощи различных средств сцепления.

В многолинейных абзацах, излагающих главную и побочную линии повествования, последняя, как отмечалось выше, не связана непосредственно с содержанием главной линии абзаца. Однако именно содержание главной линии является тем отправным моментом, тем толчком, который и вызывает появление в абзаце побочной линии. Именно наличие семантической проекции содержания главной линии на побочную объясняет включение предложений последней в единый абзац с предложениями первой, причем не просто включение, а расположение их в контактной позиции к предложениям главной линии, обуславливающим появление этой побочной линии. Расположение же их не в контактной позиции к соответствующим предложениям главной линии, а дистантно по отношению к ним, например в конце абзаца, после всех предложений главной линии, сделало бы наличие побочной линии непонятным и тем самым нарушило бы архитектуру абзаца, его целостность.

Таким образом, позиция предложений побочной линии в многолинейном абзаце не может являться формальным средством отграничения их от предложений главной. Это не значит, однако, что подобные средства в данном случае вовсе отсутствуют. Формальным, грамматическим средством, отграничивающим в подобных многолинейных абзацах предложения побочной линии от предложений главной в авторской речи, являются временные формы глагола. В предложениях обеих линий употребляются различные временные формы. Преобладающей временной формой глаголов в предложениях главной линии является претерит, побочной — презенс, та его разновидность, которая имеет внепре-

менной, обобщающий характер, так называемый «обобщающий» презенс (96, 57). Конкретный, единичный факт, относящийся к основному повествованию, к его главной линии, вызывает у автора ассоциации, относящиеся не только к данному факту, но имеющие всеобщий, постоянный, вневременной характер. Поэтому в подобных случаях и употребляется обобщающий презенс, ибо именно эта разновидность презенса наиболее адекватно передает сущность побочной линии. Так, в абзаце ...Ich habe in Paris einen Türken kennengelernt, der war französischer Untertan, sprach englisch und konnte Deutsch. Mitunter ist es nicht so leicht im menschlichen Leben. Im Kriege hatte dieser Polyglott Kuntze bei der türkischen Armee Dolmetscherdienste getan, und da hat er wohl vieles gelernt, vieles aufgeschnappt. (K. Tucholsky. «Der Türke») предложение Mitunter ist es nicht so Leicht im menschlichen Leben является предложением лобочной линии. Оно не связано непосредственно с содержанием основной, главной линии и представляет собой авторский комментарий к предыдущему предложению ее. Однако именно содержание указанного предложения главной линии является причиной появления предложения побочной. В этом и состоит связь главной и побочной линий в подобных многолинейных абзацах.

Выделенные нами многолинейные абзацы аналогичны по своему характеру абзацам, состоящим, в трактовке упоминавшихся выше авторов, из нескольких ССЦ. Каждая линия в подобных многолинейных абзацах соответствует в их интерпретации отдельному ССЦ внутри абзаца. На первый взгляд, казалось бы, отсутствует различие в рассмотрении подобных абзацев в работах указанных авторов и в настоящей работе. В действительности же наш подход к многолинейным абзацам и к отдельным линиям внутри них принципиально отличается от подхода упомянутых авторов. Если указанные авторы подходят к выделению ССЦ в подобных абзацах только с точки зрения того, что эти ССЦ разъединяет, то мы, исходя из предпосылки о единстве абзаца, о его целостности как сверхфразовой единицы (а это в работах упомянутых авторов, как мы видели, вообще отрицается), рассматриваем отдельные линии внутри многолинейного абзаца не только с точки зрения того, что их разъединяет, но и с точки зрения того, что их объединяет, с точки зрения того, почему они, отличаясь в известной степени друг от друга своим содержанием, тем не менее объединены в одном абзаце. Данный факт весьма важен, и его нельзя игнорировать.

В одном абзаце не могут быть объединены любые, отличающиеся друг от друга своим содержанием линии (в другой трактовке — ССЦ). Внутри одного абзаца могут, как это видно из приведенных на с. 57—58 примеров, находиться лишь линии, не только

отличающиеся друг от друга своим содержанием, но, с другой стороны, и связанные друг с другом и поэтому могущие быть объединены в одном абзаце. Эта связь проявляется как в содержательно-смысловой стороне их, так и в их структуре. Причем, если в содержании каждой линии (каждого ССЦ) внутри абзаца на первый план выступают их отличия друг от друга (именно последнее и служат основанием для их выделения и отграничения друг от друга), то элементы структуры многолинейных абзацев, кроме других функций, как правило, служат и для объединения отдельных линий абзаца друг с другом, создавая тем самым сквозное сцепление всех линий абзаца, всех его компонентов в единое целое.

Эта вторая сторона, наличие факторов, объединяющих отдельные линии (ССЦ) в абзаце, упомянутыми выше авторами, как уже отмечалось, фактически игнорируется, следствием чего является односторонний подход к исследованию данного явления. Кроме того, односторонним является и изучение отдельных ССЦ в абзаце только с точки зрения их содержания, без достаточного учета структурных факторов. Правда, в указанных работах идет речь и о структуре ССЦ внутри абзаца, но, на наш взгляд, попытки подкрепить выводы, основанные только на анализе содержания таких единиц, какими-то структурными показателями в том виде, как они делаются, как правило, оказываются несостоятельными, поскольку последние либо относятся не к отдельным ССЦ внутри абзаца, а ко всему абзацу в целом, либо не к ССЦ вообще как к синтаксической единице, обладающей объективными релевантными показателями, не связанными с конкретной реализацией этих ССЦ в речи, а к определенному ССЦ в определенном тексте, т. е. опять-таки все сводится к анализу содержания ССЦ.

Недостаточная оправданность выделения внутри многолинейных абзацев нескольких ССЦ только на основании разграничения их содержаний и рассмотрение каждого из них как СФЕ определяется, на наш взгляд, еще и другими факторами. В одном абзаце можно выделить несколько ССЦ, которые отграничены друг от друга своим содержанием, причем каждое из этих ССЦ выражает свою микротему и поэтому легко вычленяется, что, скажем, является возможным, если эти ССЦ следуют в абзаце одно за другим, т. е. последующее начинается после того, как заканчивается предыдущее. Этого нельзя сделать, если тематические линии в абзаце как бы «переплетаются», т. е. если, например, сначала излагается часть содержания главной линии, затем следует дополнительная линия, а далее — остальная часть главной линии (см., например, абзац из новеллы «Tonio Kröger» на с. 88). Еще сложнее обстоит дело, когда главная и дополнительная линии

несколько раз «перебивают» друг друга в абзаце или если между ними вклинивается еще и побочная линия. Если же исходить из того, что каждое ССЦ в абзаце выражает свою микротему, т. е. какое-то содержание, то, как об этом свидетельствует, например, упомянутый выше абзац, начало и конец его, излагающие главную линию и выражающие одну микротему, должны составлять одно ССЦ, а находящаяся между ними часть абзаца с дополнительной линией — другое ССЦ. Но как тогда объяснить с точки зрения структуры, что начало и конец абзаца образуют одно ССЦ, как эти части абзаца структурно объединяются в единое ССЦ? Думается, что найти ответ на этот вопрос вряд ли удастся.

Рассмотрение многолинейного абзаца именно как единого целого с точки зрения наличия в нем сквозного смыслового и структурного сцепления всех его компонентов, всех его линий является, на наш взгляд, более правильным, более продуктивным для изучения и понимания абзаца как сверхфразовой единицы, чем искусственная «атомизация» его, выделение в нем отдельных, не связанных друг с другом ССЦ, приводящее к тому же итогу, как мы старались показать, без всестороннего учета всех факторов и являющееся вследствие этого недостаточно обоснованным и оправданным.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ-КОМПОНЕНТОВ АБЗАЦА

Предложения в абзаце характеризуются рядом особенностей, обусловленных задачами, которые они выполняют в нем, будучи подвергнуты влиянию макроконтекстного окружения на их специфику как компонентов абзаца. Сюда относятся и функциональные особенности, свойственные в абзаце отдельным его компонентам.

Можно выделить следующие разновидности компонентов абзаца в зависимости от их позиции в нем: начальные, срединные и конечные. С позицией в значительной степени связаны роль и функции, которые эти компоненты выполняют в абзаце.

Другим фактором, влияющим на специфику функций отдельных компонентов, является характер содержания абзацев, в которых они употреблены: вводит ли абзац новую тему, продолжает ее изложение или же завершает изложение темы, начатое в предыдущих абзацах. В различных по характеру своего содержания абзацах функции одних и тех же его компонентов могут не совпадать.

Одним из важнейших аспектов функциональной характеристики компонентов абзаца, связанным с их позицией и особенностями содержания абзацев, является характер их смысловой синсемантии.

Функции компонентов абзаца, в первую очередь начальных и конечных, в той или иной степени описаны в ряде работ (79; 130). Однако описание этих функций в указанных работах проводилось по существу без учета характера содержания абзацев. Вследствие этого функциональные особенности компонентов абзаца отражены в литературе недостаточно полно, что проявляется еще и в том, что не все они получили освещение в указанных работах.

Недостаточно полно и, на наш взгляд, не всегда правильно дается и характеристика их синсемантии. Дело не только в том,

что авто- и синсемантия отдельных компонентов определяется рядом авторов только в зависимости от наличия или отсутствия материально выраженных средств их связи друг с другом, но и в том, что этот важный аспект функциональной характеристики компонентов абзаца также рассматривается вне связи с другими факторами, влияющими на характер синсемантии этих компонентов (80).

Наконец, сколько-нибудь подробное исследование синсемантии компонентов абзаца, насколько можно судить по отражению этого вопроса в специальной литературе, вообще не проводилось. Это является, думается, серьезным пробелом в исследовании проблемы, ибо не позволяет дать полную, всестороннюю характеристику функциональной стороны отдельных компонентов абзаца и, следовательно, абзаца как сверхфразовой единицы в целом.

Смысловая синсемантия является, как отмечалось выше, обязательным признаком компонентов абзаца. Ее характер не всегда одинаков. Можно выделить такие параметры смысловой синсемантии отдельных компонентов абзаца, как ее направленность и степень проявления. Исследование последней по каждому из этих параметров с обязательным учетом позиции как компонентов абзаца, так и характера его содержания, позволяет получить правильное представление об этом явлении.

По направленности могут быть выделены перспективная и ретроспективная синсемантия. Под первой мы понимаем семантическое сцепление компонента абзаца с последующими компонентами, под второй — с предшествующими. Обе они могут проявляться у различных компонентов абзаца в большей или меньшей степени под влиянием указанных выше факторов.

Для начальных компонентов абзаца характерна в первую очередь перспективная синсемантия, для конечных и срединных — ретроспективная.

Сказанное не исключает, однако, наличия в определенных случаях у начальных компонентов и ретроспективной, а у конечных и срединных компонентов — перспективной синсемантии.

Наличие перспективной, а также ретроспективной синсемантии у начальных компонентов абзацев, так же как и степень ее проявления, равно как и другие их функциональные особенности, связаны с характером содержания абзацев. В абзацах, вводящих новую тему, степень перспективной синсемантии начальных компонентов более низкая, чем в продолжающих или завершающих изложение темы, т. е. в них связь начальных компонентов с остальной частью менее тесная, чем в других видах абзацев. В подобных случаях эти компоненты как бы формируют в общих чертах тему абзаца. Сущность проявления перспективной синсемантии начальных компонентов в таких абзацах состоит в том,

что, формируя тему, которая раскрывается в остальной части абзаца, они семантически объединяют остальные компоненты и, «притягивая» их к себе, сцепляются с ними.

В абзацах, продолжающих или завершающих изложение темы, степень перспективной синсемантии начальных компонентов более высокая, чем в абзацах, вводящих новую тему, т. е. их связь с остальными компонентами более тесная. Если в абзацах, вводящих новую тему, начальные компоненты как бы формулируют тему всего абзаца и сцепляются со всей остальной его частью, то в других видах абзацев эти компоненты не выполняют подобную функцию, и их перспективная синсемантия проявляется, как правило, в семантическом сцеплении начального компонента со следующим за ним компонентом абзаца.

Авторы большинства работ, в которых анализируются функции начальных компонентов абзаца, не учитывают связь этих функций с характером его содержания. Определяя начальные компоненты абзаца как предложения, которые заключают в себе главные мысли и составляют его структурную и смысловую основу, они без достаточных на то оснований распространяют функции этих компонентов, свойственные им по существу лишь в абзацах, вводящих новую тему, на все абзацы вообще (44; 76).

Vor der Schreibstube diskutierten die erregten Blockältesten noch lange. Der Kommandant hatte sie mit seiner seltsamen Ansprache durcheinandergebracht. Ihre Meinung über die Echtheit seiner Versicherung durchkreuzten sich und gerieten in Unordnung. ...Andere Blockälteste lachten über die Hirngespinnste. Mit seiner Ansprache hatte ihnen der Kommandant nur Sand in die Augen gestreut.

Krämer, inmitten des Haufens der Erregten, hätte das Gewirr der Meinungen mit ein paar Worten klären können. Gleich jener Gruppe der Zweifler hatte auch er die Demagogie des Kommandanten durchschaut, aber in ihrer Gesamtheit waren die Blockältesten nicht einheitlich gesinnt, und es gab unter ihnen so manche, deren politische und charakterliche Beschaffenheit zur Vorsicht mahnte. Darum konnte Krämer das offene Wort, dessen die Situation gerade jetzt bedurfte, nicht sprechen (H. Fallada. «Nackt unter Wölfen»).

Начальный компонент первого из приведенных выше абзацев (он вводит новую тему) определяет в общих чертах тему этого абзаца — дискуссию старост блоков лагеря о речи коменданта. Содержание этого компонента связано со всей остальной частью абзаца, с которой этот компонент, «притягивая» ее к себе, и сцепляется.

Начальный компонент второго абзаца, продолжающего изложение данной темы, непосредственно связан своим содержанием со следующим за ним вторым компонентом, где говорится о причине, по которой Кремер мог разъяснить суть речи коменданта.

Степень синсемантии начального компонента второго абзаца выше, чем начального компонента первого, который связан своим содержанием со всей остальной частью абзаца, а не с одним лишь следующим компонентом. Соответственно ниже степень независимости начального компонента второго абзаца, продолжающего изложение темы, от содержания последующих компонентов этого абзаца, степень его автосемантии.

При особенно тесном семантическом сцеплении абзаца, продолжающего (или завершающего) изложение темы, с предыдущими абзацами, излагающими отрезки этой же темы, степень перспективной автосемантии его начального компонента может быть почти равной нулю, т. е. в этом случае степень этой его смысловой синсемантии является наивысшей, она фактически не отличается от степени смысловой синсемантии других, например срединных, компонентов. ...Mit der gefühlseligen Art seiner Frau war Heßling durchaus nicht einverstanden. Sie verdarb das Kind fürs Leben. Übrigens ertappte er sie genauso auf Lügen wie den Diedel. Kein Wunder, da sie Romane las Am Sonnabend war nicht immer die Wochenarbeit getan, die ihr aufgegeben war. Sie klatschte, anstatt sich zu rühren, mit dem Dienstmädchen... Und Heßling wußte noch nicht einmal, daß seine Frau auch naschte, gerade wie das Kind. Bei Tisch wagte sie sich nicht satt zu essen und schlich nachträglich an den Schrank. Hätte sie sich in die Werkstatt getraut, würde sie auch Knöofe gestohlen haben.

Сие бетете мит дем Кинд «aus dem Herzen», nicht nach Formeln und bekam dabei gerötete Wangenknochen. Sie schlug es auch, aber Hals über Kopf und verzerrt von Rachsucht. Oft war sie dabei in Unrecht... (H. Mann. «Der Untertan»).

В обоих абзацах приведенного отрывка излагается одна и та же тема — характеристика госпожи Гесслинг. Начальный компонент второго абзаца, тесно примыкающего к первому, ничем не отличается по характеру своего содержания и по степени своей синсемантии от последующих компонентов: в них всех перечисляются отдельные элементы поведения данного персонажа, все они одинаково взаимосвязаны и взаимозависимы.

В ряде случаев перспективная синсемантия начальных компонентов абзацев, вводящих новую тему, может приближаться по своему характеру к перспективной синсемантии этих компонентов в абзацах, продолжающих или завершающих изложение темы. Тогда сцепление начального компонента с остальной частью абзаца состоит не только в том, что, формулируя тему всего абзаца, он объединяет остальную часть его и «притягивает» ее к себе, но и в том, что какие-то элементы его содержания требуют раскрытия в последующих компонентах абзаца. Это наблюдается в тех случаях, когда в начальном компоненте употреблены слова

с общим значением, которое уточняется в последующих предложениях абзаца, а также при употреблении многозначных слов или слов в переносном, метафорическом значении и т. д. Их значение в составе начальных компонентов может быть раскрыто только при опоре на содержание последующих компонентов абзаца. Alles ist hingeströmt in die Versammlung. Johann Wiedemann und Hermann Persicke waren die ersten. Der Lehrer ist gegangen und der reiche Bauer Böse. Neumann, Schindler, Müller, der Flüchtling mit seiner Familie, Tomaschewski schreiten die Stufen hinauf. ...Sogar Witzke hatte sich schüchtern an die Tür gestellt (P. Körner-Schrader. «Die Landnahme»).

Неопределенное местоимение alles, употребленное в начальном компоненте приведенного абзаца, требует уточнения своего значения и, тем самым, конкретизации содержания всего начального компонента. Эту функцию выполняют последующие компоненты, чем и создается семантическое сцепление начального с остальными компонентами абзаца.

Начальным компонентам может быть свойственна также ретроспективная синсемантия. Ее характер отличается от характера ретроспективной синсемантии срединных и конечного компонентов. Если у последних ретроспективная синсемантия проявляется в их семантическом сцеплении с предшествующими им компонентами данного абзаца, то сущность ретроспективной синсемантии начального компонента состоит в его семантическом сцеплении с предыдущим абзацем, прежде всего с его конечным компонентом.

Степень ретроспективной синсемантии начальных компонентов может быть, так же как и их перспективная синсемантия, не одинаковой в различных по характеру своего содержания абзацах. Наиболее низкая степень ее наблюдается в абзацах, вводящих новую, но не связанную с предыдущей тему, что наблюдается главным образом в начале произведения, главы или раздела (эта синсемантия, как правило, равна нулю). В абзацах, продолжающих или завершающих изложение темы, степень ее более высокая.

...Niemand durfte erfahren, daß Karl in der Wohnküche schlief.

IV.

Annas Freundin, Marie, wohnte bei ihrer Schwester im vierten Stock des zweiten Hintergebäudes. Die Kammer war genauso lang wie das schmale Eisenbett, das den Raum zwischen Tür-und Fensterwand bis auf den letzten Zentimeter ausfüllte.

Beim Fenster verbreitete sich die Kammer etwas. Dort stand das dreibeinige, geschwungene Eisengestell mit der Waschschüssel.

Wenn Marie sich morgens wusch, mußte sie im Bett aufknien und von hier aus das Gesicht ins Wasser stecken.

An einem Sonntagsnachmittag saß Anna auf dem Fußende des Bettes, während Marie völlig nackt auf dem Bette stand und dabei war, sich für den Spaziergang anzukleiden... (L. Frank. «Karl und Anna»).

Начальные компоненты первого и третьего абзацев, вводящих новую тему, обладают низкой степенью ретроспективной синсемантии. У начального компонента первого абзаца, открывающего главу, по существу отсутствует семантическое сцепление с последним абзацем предыдущей главы. Сцепление начала третьего абзаца (вводящего новую тему, связанную с темой первых двух), с конечным компонентом предыдущего абзаца (завершающего изложение другой темы), менее тесное, чем сцепление начального компонента второго абзаца с конечным компонентом первого, так как второй продолжает изложение темы, начатое в первом.

Степень перспективной и ретроспективной синсемантии начальных компонентов в одинаковых по характеру своего содержания абзацах различна. Если перспективная синсемантия этих компонентов в семантически тесно спаянных абзацах может быть почти равной нулю, то в отношении ретроспективной синсемантии начальных компонентов этого не наблюдается: даже в очень тесно семантически спаянных абзацах она не приближается к нулевой. Как видно из примера на с. 99, оба абзаца вводят хотя и тесно связанные между собой, но все же отдельные разделы темы: первый — отношение матери к своим обязанностям в доме, второй — ее взаимоотношения с сыном; поэтому они и разделены.

Таким образом, смысловое сцепление начального компонента с последующими предложениями данного абзаца оказывается более тесным, чем смысловое сцепление с конечным компонентом предыдущего абзаца. Степень перспективной синсемантии начальных компонентов абзацев является, следовательно, более высокой, чем степень их ретроспективной синсемантии.

Особенности конечных компонентов абзаца также связаны с характером содержания абзацев, в которых эти компоненты употреблены. Они в значительной степени обусловлены тем, завершает ли данный абзац тему, изложенную в нем или в нескольких абзацах, или же излагает лишь часть темы, продолжение которой содержится в последующих абзацах. В первом случае конечный компонент как бы подытоживает высказывание, содержащееся в данном абзаце. Ретроспективная синсемантия, характерная для конечных компонентов, состоит в подобных случаях в семантическом их сцеплении с содержанием

всего абзаца, она направлена на всю предшествующую конечно-му компоненту часть абзаца, а не только на непосредственно стоящий перед ним компонент.

Dupon sank schnell immer tiefer; wie jemand, der bei einem Bergaufstieg ins Gleiten kommt, erschreckend schnell in den Abgrund kullert. Die Polizei hatte nicht den geringsten Grund, jemanden zu schonen, der bestimmt leicht nachgab. Und weil er nach seinem Mißerfolg, als er ganz nutzlos zum Verräter geworden war, sich anstrengen mußte, der Polizei seine Schuldlosigkeit zu beweisen, gab es bald keinen Spitzeldienst mehr, den er nicht auf sich genommen hätte. Als er wirklich zum Dank die Freiheit bekam, war aus dem gewöhnlichen Dupon, der beschränkt und feige war, ein Achtgroschenjunge geworden (A. Sehgers. «Die Kastanien»).

В подобных абзацах связь конечного с предшествующим ему срединным компонентом менее тесная, чем в абзацах, излагающих часть темы, ее раздел, но не завершающих ее. В абзацах последнего вида он, как правило, тесно сцеплен с непосредственно предшествующим ему срединным компонентом и мало чем, а то и вовсе не отличается от него по своим функциям.

Die Soldaten schauten in das leere Schaufenster eines Schuhladens, als ginge sie der Wortwechsel nichts an. Sie trugen alte französische Gewehre ohne Schulterriemen. Alex wußte, daß sie als Schreiber auf dem Wehrbezirkskommando saßen. Es schien, als sei dies einzige reguläre Truppe, über die der Kommandant noch verfügte. Trotz heftigen Widerspruchs ließ der Obergefreite Alex zur Sammelstelle bringen. Im Terrassensaal standen ungefähr hundert Männer umher, zumeist Bergarbeiter, die von der Schicht kamen. Er schwitzte (O. Gotsche. «Fünf Minuten vor zwölf»).

Перспективная синсемантика, которая также может быть присуща конечному компоненту абзаца, проявляется не только в тех случаях, когда он, излагая часть темы, семантически связан с начальным компонентом следующего абзаца, продолжающего изложение этой же темы. Она может наблюдаться и тогда, когда конечный компонент употреблен в абзаце, завершающем изложение темы.

Одна из функций конечного компонента такого абзаца состоит в том, что он может одновременно как бы вводить предложение следующего абзаца. Будучи связан с содержанием «своего» абзаца, он в то же время оповещает о содержании следующего, формулирует его тему, которая в нем будет раскрыта подробно. Этим достигается более тесное семантическое сцепление абзацев, более плавный переход от одной части повествования, от одной темы к другой. Подобную функцию конечный

компонент выполняет тогда, когда абзацы излагают хоть и разные, но связанные друг с другом темы.

В семантическом сцеплении конечного компонента абзаца, выступающего в указанной функции, с начальным компонентом следующего абзаца, и проявляется его перспективная синсемантия, степень которой достаточно высока, чтобы обеспечить сцепление содержания обоих абзацев.

Dies, daß Tonio Kröger sich an die lustige Inge Holm verlor, ereignete sich in dem ausgeräumten Salon der Konsulin Hustede, die es an jenem Abend traf, die Tanzstunde zu geben; denn es war ein Privatkurs, an dem nur Angehörige von ersten Familien teilnahmen, und man versammelte sich reihum in den elterlichen Häusern, um sich Unterricht im Tanz und Anstand erteilen zu lassen. Aber zu diesem Berufe kam allwöchentlich Balletmeister Knaak eigens von Hamburg herbei.

Francois Knaak war sein Name, und was für ein Mann war das! Wie wunderbar der seidig schwarze Rock sich an seine fetten Hüften schmiegte. In weichen Falten fiel er hinab... (Th. Mann. «Tonio Kröger»).

Для срединных компонентов абзаца более характерна ретроспективная синсемантия, которая состоит в их семантическом сцеплении с предшествующими компонентами. Поскольку они находятся в полном контекстном окружении внутри абзаца и семантически связаны с компонентами «своего» абзаца, характер содержания абзаца на их синсемантию по существу не влияет.

Наличие у них ретроспективной синсемантии объясняется отнесенностью содержания срединного компонента прежде всего к содержанию предшествующего ему компонента: его содержание как бы присоединяется к предыдущему, излагает мысль, связанную с мыслью предыдущего компонента, в известной степени развивает, продолжает ее.

Eines Nachts ritt die Bäuerin zur Belustigung der Knechte nackt auf einem Besen um den Misthaufen. Die Knechte bewarfen sie mit Pferdekaulen. Darauf wurde die Bäuerin in die Irrenanstalt gebracht. In der Anstalt starb sie bald nach ihrer Einlieferung mit einer Schar anderer Besessender. Es ging das Gerede im Dorf, man habe die Irren in der Anstalt mit dem Gas umgebracht, weil ihr Schweinefutter dem Staat zu teuer war. Sie fraßen den tapferen Soldaten die Kartoffeln weg... (E. Strittmatter. «Tinko»).

Если смысловая зависимость срединного компонента абзаца от предшествующего наблюдается всегда, то необходимость раскрытия его содержания в последующем встречается не часто. Поэтому ретроспективная синсемантия является постоянным,

обязательным признаком срединных компонентов абзаца, перспективная же синсемантия к постоянным их признакам не относится.

Перспективная синсемантия срединного компонента проявляется главным образом тогда, когда в нем в общих чертах излагается мысль, получающая дальнейшее развитие, конкретизацию в последующих компонентах абзаца, когда мысль, выраженная в нем, составляет единое целое с мыслями последующих компонентов абзаца, например при перечислении ряда факторов, каждый из которых сообщается в отдельном предложении, при противопоставлении фактов, каждый из которых также излагается в отдельном компоненте, и т. д.

Unser Zimmer lag neben dem Eßzimmer. Wenn bei den Eltern Gesellschaft war, konnten wir die Gäste nebenan hören. Zuerst kamen sie aus dem Salon durch Mamas Zimmer herein. Dann wurden Stühle gerückt. Allmählich begann die Unterhaltung, die immer lauter wurde... (L. Renn. «Meine Kindheit und Jugend»).

Во втором предложении абзаца сообщается о том, что слышали дети, когда в доме бывали гости. Его содержание конкретизируется в последующих компонентах этого абзаца. Третье и четвертое предложения содержат перечисление того, что делали гости. Содержание третьего предложения поэтому тесно связано своим содержанием со следующим за ним, четвертым предложением.

Der berühmte Verteidiger beging den Fehler, daß er nicht heut und hier von seiner Berühmtheit absah. Er mußte sich nur kleinmachen und hatte schon gewonnen. Statt dessen ritt er die Hohe Schule, warf die Reitpeitsche in die Luft und grüßte mit dem Zylinderhut — was noch harmlos gewesen wäre. Aber er bestand auf der unverantwortlichen Haltung, des Staates gegen Wirtschaft und Nation. Er geißelte gern Mißbrauch des Krieges als eines Vorwandes, um die Autorität zu übertreiben (H. Mann. «Ein Zeitalter wird besichtigt»).

Здесь второе и третье предложение тесно связаны своим содержанием; при этом содержание второго предложения требует своего полного раскрытия в последующем, третьем компоненте абзаца. Этого же по отношению к следующему, четвертому предложению требует содержание третьего компонента. Во втором и в третьем, а также в третьем и четвертом предложениях излагаются противопоставляемые друг другу факты, чем и объясняется в данном случае перспективная синсемантия второго и третьего предложений.

Наличие перспективной синсемантии срединных компонентов не отрицает их ретроспективную синсемантию, т. е. и при наличии семантического сцепления срединного компонента с

последующим всегда сохраняется сцепление его с предшествующим ему компонентом, чем подтверждается обязательность ретроспективной синсемантии как признака срединных компонентов абзаца.

Употребление в качестве начальных, конечных и срединных компонентов абзаца различных типов предложений способствует модификации их функций, накладывает на них дополнительные оттенки. Это особенно наглядно видно на примере одной из разновидностей вопросительных предложений — риторических вопросов. Последние в качестве начального компонента употребляются главным образом в абзацах, вводящих новую тему. Такой начальный компонент более четко, чем повествовательное предложение, выделяет ее начало, а также концентрирует внимание читателя на дальнейшем ее изложении в абзаце.

Waren wir schon soweit, daß Herr Klöterjahn in die Heimat zurückgekehrt war? Ja, er wollte wieder am Ostseerande, bei seinen Geschäften und seinem Kinde, diesem rücksichtslosem und lebensvollen kleinen Geschöpf, das seiner Mutter sehr viele Leiden und einen kleinen Defekt an der Luftröhre gekostet hatte (Th. Mann. «Tristian»).

Как конечные компоненты, риторические вопросы употребляются обычно в абзацах, завершающих изложение темы, подчеркивая резюмирующий характер содержания этого компонента и тем самым конец темы.

...Dazu hatte er (Fabian) seine zwei Söhne, denen er in tiefer Libe zugetan war. Sie gediehen prächtig und waren gesund. Was wollte ein Mann mehr? (B. Kellermann. «Totentanz»).

Выступая в качестве срединных компонентов абзаца, риторические вопросы служат для подчеркивания, выделения отдельных элементов высказывания.

Es war in der winterlichen Steppe südlich des Don am 21. Januar 1943, als sich die Geschichte mit den siebzehn Broten zutrug. Weshalb ich mich des Datums noch genau entsinne? Man wird es sogleich erfahren (Er. Wolf. «Siebzehn Brote»).

Эмоциональная окрашенность риторических вопросов как их постоянный признак придает дополнительные, коннотативные оттенки содержанию абзаца, создавая тем самым определенный стилистический эффект и способствуя оживлению повествования.

Рассмотренные функции компонентов присущи как однолинейным, так и многолинейным абзацам. В то же время можно выделить функции, которые они выполняют только в многолинейных абзацах. Из этого следует, что они связаны не только с позицией компонентов в абзаце и с характером его содержания, но и с характером его структуры.

Функции, выполняемые компонентами только в многолинейных абзацах, состоят прежде всего в объединении всех линий абзаца в единое целое, в создании сквозного сцепления всех предложений такого абзаца. В этом случае они способствуют формированию многолинейного абзаца как целостной единицы. Выступая в аналогичной функции, компоненты могут служить и для сцепления многолинейного абзаца с другими абзацами, объединяя их в единое повествование. Подобные функции компонентов в многолинейных абзацах могут быть названы объединительными функциями.

В качестве одной из разновидностей последних может рассматриваться также употребление компонентов (прежде всего начальных и конечных) для сцепления абзацев разных линий. Выполняя в этом случае определенные функции внутри «своего» абзаца, они объединяют одновременно абзацы главной и дополнительной или главной и побочной линий, «включают» их в общую ткань повествования.

Если функции компонентов в однолинейных абзацах нашли известное отражение в специальной литературе, то их роль только в многолинейных абзацах не рассматривалась вообще. Между тем ее исследование представляется важным для правильного толкования проблемы абзаца в целом и соотношения между абзацем и сложным синтаксическим целым в частности.

Отдельные линии многолинейного абзаца могут объединяться при помощи срединных компонентов. Этот компонент является своего рода предложением-связкой, он представляет собой обычно сложное предложение, связанное своей семантикой с обеими линиями абзаца: первое элементарное предложение такой связки связано с предшествующей ему линией абзаца, второе — со следующим за ним линией. Предложение-связка способствует объединению их в абзаце в единое целое и создает тем самым сквозное сцепление всех его компонентов.

Röder trat auf die Straße. Er wischte sich das Gesicht mit dem Ärmel. Nie hatten Menschen ihn so sonderbar angesehen. Er kam durch die Metzgerstraße. Sein Gesicht erhellte sich. Er trat in eine der offenen Torfahrten. In dem großen Hof unter hohen Häusern lag die Garage, die zu dem Fuhrunternehmen seiner Tante Katharina gehörte. Sie ward mal früher, erzählte man in der Familie, an den Fuhrunternehmer Graber geraten, einen verstoffenen Kerl, hatte selbst saufen gelernt, war grob und finster geworden. Es hatte noch zweite Geschichte in seiner Familie gegeben von einem Kind, das die Tante Katharina plötzlich im Krieg geboren hatte, elf Monate nach dem letzten Urlaub des Fuhrunternehmers... (A. Sehgers. «Das siebte Kreuz»).

Обе линии этого абзаца, Редера (главная) и его тетки Ка-

терины (дополнительная) объединены друг с другом при помощи предложения-связки. In dem großen Hof unter hohen Häusern lag die Garage, die zu dem Fuhrunternehmen seiner Tante Katharina gehörte. Первое элементарное предложение ее относится к описанию того, что делал в это утро Редер (эта связь выражена при помощи синонимического повтора (Torfahrt — Hof), второе вводит характеристику Катерины и относится таким образом к дополнительной линии (эта связь с началом дополнительной линии выражена при помощи субститута Katharina — sie).

Многолинейный абзац, содержащий главную и дополнительную линии, может иметь различную структуру: он начинается с изложения главной линии, в остальной его части проводится дополнительная, и конечное предложение снова затрагивает главную. Таким образом, начало и конец абзаца, излагая содержание одной и той же, главной линии, сцепляют обе его линии в единое целое. Помимо этого, конечный компонент служит средством сцепления данного абзаца с последующим, в котором продолжается изложение главной линии.

Ernst der Schäfer hatte seine Schafe eingetrieben; er pfeift seinem Hündchen. Abend ist es hier oben noch nicht. Über den Hügeln und Bäumen ist der Himmel erst blaß gelb, wie das Leinen, das die Frauen zu lange in ihren Schränken aufbewahren. Auf dem Tal liegt der Nebel so dicht und so flach, daß man meinen konnte, die Ebene sei hochgestiegen mit großen und kleinen Lichtschwärmen und das Dorf Schmiedtheim liegt statt auf dem Abhang am Rand der Ebene. Aus dem Nebel hinauf schreien die Höchster und die Eisenbahnzüge. Schichtwechsel. In den Dörfern und Städten richten die Frauen das Abendessen. Schon klingeln die ersten Fahrräder unten auf der Chaussee. Ernst steigt hinauf bis zu dem Straßengraben.

Er stellt ein Bein vor. Er verschränkt die Arme auf der Brust (A. Seghers. «Das Siebte Kreuz»).

Начальный и конечный компоненты первого абзаца излагают главную линию повествования. Они и образуют своего рода рамку, в которую заключены остальные компоненты абзаца, излагающие содержание дополнительной линии — описание предвечерней поры в горах. Второй абзац продолжает изложение главной линии, и его начальный компонент связан при помощи местоимения-субститута с конечным компонентом предыдущего абзаца.

Абзац, содержащий главную и дополнительную линию, может, однако, и не иметь рамочной структуры. В этом случае его начало передает содержание главной линии, а вся остальная его часть, включая конечное предложение, — содержание допол-

нительной. Продолжение же главной линии содержится в начальном компоненте следующего абзаца. Эти начальные компоненты и являются в этом случае средством сцепления таких абзацев.

An einem freien Platz, umgeben von Wachholdergebüsch, setzte sie (Else Schneider) sich nieder und träumte. Abendblauer Frieden lag über der Landschaft und über dem See. Ein blauer Wind kam vom Wasser, er fächelte ihr Gesicht und die dunkelblonden Haare. Kleine Wellen schwabbelten und glucksten gegen das flache Ufer, als wollten sie ihr im Geplauder alle Geheimnisse der Tiefe preisgeben. Die untergehende Sonne ließ einen rosigen Schimmer am Himmel zurück. Leuchtend winkte die Ferne, doch die Natur ahnte schon den Hauch des kommenden Winters. Die ersten rostbraunen und goldstaubfarbenen Blätter waren müde von den Bäumen gefallen, der leichte Wind ließ sie zu Boden schwanken und zittern (B. Voelkner. «Die Brüder Hölding»).

Конечный компонент абзаца с главной линией повествования может быть связан своим смыслом и с последующим многолинейным абзацем, являясь как бы вводящим предложением этого абзаца, определяющим кратко его тему, которая затем подробно в нем раскрывается. Весь он, за исключением конечного компонента, излагает содержание дополнительной линии. Последний же относится к главной линии повествования и семантически связан поэтому не с предыдущей частью своего абзаца, а с начальным компонентом следующего, также продолжающего изложение главной линии повествования. Он является, таким образом, по существу вводящим предложением следующего абзаца.

Er (Hans Castorp) folgte linkshin in der Richtung gegen den Ort, einen Pfad, der abwärts führte. Hochstämmiger Nadelwald nahm ihn auf, und indem er ihn durchwanderte, begann er sogar ein wenig zu singen... Aber aus dem Gehölz hervortretend, stand er überrascht vor einer prächtigen Szenerie von friedlich — großartiger Bildmäßigkeit.

In flachem steinigem Bett kam ein Bergwasser die rechtsseitige Höhe herab, ergoß sich schäumend über terrassenförmig gelagerte Brücke und floß dann ruhiger gegen das Tal hin, weiter, von einem Stege mit schlicht gezimmerten Geländer malerisch überbrückt. Der Grund war blau von den Glockenblüten einer staudenartigen Pflanze, die überall wucherte... Jenseits des Baches bemerkte Hans Gastorp eine Ruhebänk.

Er überschritt den Steg und setzte sich, um sich vom Anblick des Wassersturzes des treibenden Schaums unterhalten zu lassen. (Th. Mann. «Der Zauberberg»).

Здесь начальный компонент второго абзаца содержит глав-

ную линию, остальные компоненты этого абзаца — побочную: размышления автора о том, что такое случай. Начальный компонент третьего абзаца развивает главную линию. В начальном компоненте второго абзаца употреблена одна временная форма глагола — плюсквамперфект, в остальных — презенс. В начальном компоненте третьего абзаца снова употреблен плюсквамперфект.

Главная линия повествования может прерываться абзацем дополнительной линии, вклинивающимся между абзацами главной. Такой абзац дополнительной линии является, как правило, однолинейным и не содержит в своем составе компонентов, связывающих его с абзацами главной линии. В этом случае конечный компонент предшествующего ему и начальный компонент следующего за ним абзацев главной линии сцепляют эти абзацы и находящийся в интерпозиции к ним абзац дополнительной линии в единое целое, включая этот абзац в общее повествование.

Vielleicht hätte sich ihr (Peters und Julkas) Leben nun glücklicher gestaltet, wenn nicht der wilde Wazeck da gewesen wäre. Der Graf brauchte wieder einmal Geld. Deshalb ließ er mehrere Hektar Wald schlagen, um die Bäume als Nutzholz zu verkaufen. Jeder Bauer, wenn er nur ein Pferd hatte, beteiligte sich am Abfahren der Stämme. So auch der Förster mit seinem Gespann. Da sein Knecht krank war, besorgte Peter die Arbeit, um sich ein paar Taler zu verdienen.

Wenn die Gespanne dem wilden Wazeck begegneten, fuhren sie ängstlich an die Seite auf den Sommerweg. Der Graf wurde sehr ungehalten und stellte jeden Bauern zur Rede, dem es einfiel, es anders zu machen. Die Bauern fügten sich, rissen die Mützen vom Kopf und machten eine tiefe Verbeugung. Nicht selten erwiderte der Graf den Gruß, indem er ihnen die Peitsche in die Ohren schlug.

Peter war mit seiner Fuhre unterwegs zur Bahnstation. Die Pferde hatten schwer zu ziehen. Peter lief nebenher und schwang die Peitsche. Da kam in wilder Fahrt der Wazeck mit seinem Rappengespann heran und wollte ihn überholen. Peter lenkte die Pferde hart rechts an den Sommerweg. Aber da kurz vorher ein starker Regen gefallen war, wagte er nicht, die gepflasterte Straße zu verlassen. Er überzeugte sich, daß genügend Raum blieb, um Wazeck vorbeizulassen, und unbekümmert... (Th, Harrich. «Hinter den schwarzen Wäldern»).

Первый из этих абзацев имеет рамочную структуру: начальный и конечный его компоненты содержат главную линию повествования, срединные — дополнительную, поясняющую события главной. Второй абзац представляет целиком дополни-

тельную линию. Третий снова излагает главную линию. Конечный компонент первого абзаца семантически связан с начальным компонентом третьего. Тем самым создается сцепление обоих этих абзацев друг с другом, а также сцепление с ними интерпозиционного абзаца дополнительной линии.

ПРИНЦИПЫ СЦЕПЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ-КОМПОНЕНТОВ АБЗАЦА

Сцепление предложений-компонентов, являющееся одной из особенностей структуры абзаца, исследовано и описано в специальной литературе наиболее полно и подробно по сравнению с другими особенностями абзаца. Анализ изучения этого явления в макроконтексте позволяет выделить следующие направления:

1. Исследование сцепления двух контактно расположенных самостоятельных предложений, вычлененных из макроконтекста, вне их связи с содержанием всего абзаца;

2. Рассмотрение сцепления предложений в макроконтексте с учетом их связи с содержанием всего абзаца.

Не одинаков и подход к характеру, описания сцепления предложений в макроконтексте. Ряд авторов изучают лишь связи между содержанием предложений, не учитывая разновидности отношений между ними, а в ряде случаев даже отрицая наличие таковых. Другие авторы, напротив, обращают все внимание на необходимость исследования в качестве одного из важнейших аспектов сцепления предложений отношений, возникающих между ними в процессе их функционирования как компонентов макроконтекста. При этом среди авторов наблюдаются самые различные взгляды на специфику отношений между самостоятельными предложениями в макроконтексте.

Исследование сцепления контактных пар предложений, вычлененных из текста, проводимое отдельными лингвистами (90; 144), не может дать полного представления о роли предложения в макроконтексте, о предпосылках, определяющих характер и средства сцепления его с другими предложениями-компонентами, а тем более о характере отношений между последними, о причинах, обуславливающих эти отношения, и т. д. Все это может быть раскрыто только при рассмотрении сцепления отдельных компонентов на фоне всего абзаца.

Не случайно при рассмотрении сцепления контактных пар самостоятельных предложений исследователи ограничиваются по существу исследованием лишь внешней его стороны: выделе-

нием средств, служащих для связи таких предложений, и описанием функций этих средств, способствующих объединению этих предложений.

Вычленение контактных пар предложений из абзаца и рассмотрение особенностей их сцепления, как правило, так же неправомерно, как и вычленение из абзаца отдельных предложений-компонентов и рассмотрение их особенностей в отрыве от содержания всего текста и роли этих компонентов в нем.

Возможность полного раскрытия особенностей отдельных компонентов, в том числе характера их сцепления друг с другом, только на фоне всего абзаца признается большинством авторов, которые и проводят подобным образом исследование этого аспекта сверхфразовых единиц (16; 140). Однако и при таком исследовании сцепления предложений в макроконтексте оно в ряде случаев проводится односторонне, подобно тому, как рассматривается сцепление контактных пар самостоятельных предложений, вычлененных из текста: выделяются различные по своему характеру средства связи этих предложений и описываются способы, при помощи которых эта связь осуществляется. Анализ же отношений, возникающих между самостоятельными предложениями в процессе их взаимодействия в макроконтексте, при этом обычно вовсе не проводится, в отдельных случаях лишь упоминается вскользь их наличие.

Отдельные авторы вообще отрицают, как упоминалось выше, наличие каких бы то ни было отношений между предложениями в макроконтексте и возможность их выражения. Так, П. В. Чесноков, рассматривая особенности сверхфразовых единиц, пишет, что отношения между их конституентами не эксплицированы (108, 857). Такой подход к компонентам сверхфразовых единиц и связей между ними приводит автора к выводу о том, что между этими единицами и простым сочетанием отдельных самостоятельных предложений вообще нет четкой грани (93).

С подобной точкой зрения вряд ли можно согласиться. Одной из особенностей, отличающих текст от простого сочетания отдельных самостоятельных предложений, является не только кореферентность предложений-компонентов текста, но и наличие определенных отношений между ними. Кореферентные предложения образуют текст не всегда, а только в тех случаях, когда между ними существуют те или иные смысловые отношения. Именно поэтому, как справедливо замечает С. Д. Кацнельсон, «лингвиста не могут не интересовать содержательные отношения между предложениями в тексте» (31, 120) как один из важнейших аспектов его исследования.

Наличие определенных отношений между предложениями-компонентами макроконтекста — важнейшее из его особенно-

стей — признается большинством исследователей. Однако трактовка их характера различными учеными не одинакова. Большинство авторов, занимающихся изучением этой проблемы, считает, что отношения между самостоятельными предложениями не отличаются по своему характеру от отношений между частями сложного предложения (31; 80; 102). При этом в ряде работ отмечается, что первые в макроконтексте выявляют большее количество оттенков, чем вторые (80; 132).

Согласно другой концепции, отношения между законченными предложениями в тексте не могут отождествляться с отношениями, которые устанавливаются внутри сложных предложений. Они лишь в большей или меньшей степени приближаются к ним, но это качественно новые отношения (15; 45; 82).

Сопоставление отношений между частями сложносочиненного предложения и предложениями-компонентами абзаца свидетельствует о том, что они аналогичны. Однако эти похожие по характеру отношения реализуются в обоих случаях в различных конструкциях. Так, если отношения между элементарными предложениями сложносочиненного предложения реализуются внутри одной, целостной языковой структуры — сложного предложения, то отношения между компонентами в макроконтексте выражаются посредством соотнесенности различных языковых структур — отдельных самостоятельных предложений-компонентов этого макроконтекста. Таким образом, отличия касаются не сущности самих отношений, а способов их выражения.

Говоря об особенностях выражения отношений внутри сложносочиненного предложения — между простыми — и в абзаце — между его компонентами, — необходимо отметить, что часто одни и те же отношения могут быть выражены как частями первого, так и связанными друг с другом самостоятельными предложениями-компонентами абзаца. В связи с этим возможна трансформация элементарных предложений сложносочиненного предложения в контактно расположенную пару самостоятельных предложений и, соответственно, — двух контактно расположенных компонентов абзаца в элементарные предложения одного сложносочиненного предложения. В ряде же случаев эти отношения могут быть выражены либо только сочетанием предложений внутри одного сложносочиненного, либо только сочетанием самостоятельных предложений в абзаце.

Подробный и интересный анализ отношений между простыми предложениями сложносочиненного предложения и между самостоятельными предложениями в абзаце провел В. И. Запорожцев (25). Он установил ряд ограничений, препятствующих трансформации сложносочиненного предложения в два самостоятельных и двух самостоятельных в одно сложносочиненное при

наличии у них аналогичных смысловых отношений. Разделению сложносочиненного предложения на два самостоятельных препятствуют, по его мнению, внутренние и внешние факторы. К первым он относит тесную смысловую взаимосвязь компонентов друг с другом, свидетельствующую о неразрывном смысловом единстве сложносочиненной конструкции, а также единство структуры сложносочиненного предложения, наличие в элементарных предложениях формальных признаков, противопоставляющих их самостоятельным предложениям, например, наличие в них парных союзов типа *bald — bald* и др. Ко вторым автор причисляет особенности макроконтекста, способствующие смысловому объединению элементарных предложений сложносочиненных конструкций, например, наличие в нем так называемых «объединяющих предложений», содержащих мысль, выраженную в общем виде, которая раскрывается содержанием компонентов сложносочиненного предложения, и т. п.

Объединение двух самостоятельных предложений-компонентов макроконтекста в одно сложносочиненное оказывается невозможным при несоответствии структур контактно расположенных самостоятельных предложений, например, при нарушении правила прономинализации, при «ложной» прономинализации и т. п., при отсутствии тесной смысловой общности, позволяющей превратить их в элементарные предложения одной сложносочиненной конструкции (22).

Наличие определенной зависимости между характером смысловых отношений и способами их выражения свидетельствует о необходимости рассмотрения этих явлений в их совокупности и взаимосвязи, что, однако, учитывается не всеми авторами.

Анализ характера сцепления компонентов абзаца свидетельствует о том, что предложения в абзаце связаны между собой двояко: во-первых, они объединены друг с другом семантически, т. е. своим содержанием; во-вторых, они находятся друг с другом в определенных отношениях. Семантическое сцепление компонентов является «сквозным», т. е. все предложения в абзаце связаны друг с другом определенным содержанием. Такая связь может быть определена как «непосредственная». В определенных же смысловых отношениях друг с другом находятся, как правило, контактно расположенные компоненты абзаца.

Отдельное предложение абзаца соотносится, таким образом, с последующим, и вследствие этого они также оказываются «спаянными» в единое целое. Такая связь компонентов друг с другом может быть определена как «опосредованная связь».

Der Inspektor sah, daß der Junge für Ohrfeigen zu klein war, wenn man sie ihm vom Sattel aus geben wollte. Er hob die Reit-

peitsche und schlug zu. Blitzschnell ließ sich der Junge fallen, und der Schlag traf das Pferd am Bauch. Erschrocken riß der Gaul den Kopf hoch, die Kandare schnitt ihm schmerzhaft ins Maul, er drängte nach rückwärts, der Kinderwagen fiel um, und das Kind flog heraus (J. Brèzan. «Die Wolkenflöte»).

В приведенном абзаце все предложения связаны друг с другом своим содержанием. А контактно расположенные предложения связаны друг с другом также и определенными смысловыми отношениями: между первым и вторым — причинно-следственное отношение (инспектор поднял хлыст, так как увидел, что ребенок мал и что дать ему пощечину, сидя на коне, неудобно); между вторым и третьим — противительное отношение (инспектор поднял плетку и ударил, но мальчик мгновенно бросился на землю, и удар пришелся лошади по животу), между третьим и четвертым предложениями — снова причинно-следственное отношение (удар пришелся лошади по животу, поэтому она резко подняла голову) и т. д.

Как семантическое сцепление, так и выражение отношений между компонентами осуществляется при помощи различных средств связи. Исследование этих средств позволяет провести их классификацию по способу выражения, по употребляемости и по функции.

По способу выражения могут быть выделены лексические, лексико-грамматические, грамматические, фонологические средства связи. К первым относятся различные виды лексических повторов, слова-субституты, лексические синонимы, выраженные самостоятельными частями речи. Вторые представлены союзами и союзными наречиями. Третьими являются временные формы глагола, артикль, порядок слов (инверсия), синтаксический параллелизм и др. Фонологическим средством связи является интонация.

По употребляемости их можно разделить на обязательные и не обязательные средства связи. Обязательным способом связи компонентов абзаца является интонация, так как именно она в первую очередь является средством, отличающим предложения как компоненты абзаца от ряда последовательных, единичных, изолированных самостоятельных предложений и объединяющими эти компоненты друг с другом. Все остальные средства связи являются не обязательными, т. е. они могут и не использоваться в абзаце.

По функции различаются средства связи, служащие для сцепления содержаний компонентов абзаца и для выражения смысловых отношений между ними или только для сцепления содержаний компонентов. К первой группе относятся лексико-

грамматические и фонологические средства, ко второй — все остальные.

В приведенном выше примере субститут *eg* во втором предложении (лексическое средство) и порядок слов в третьем и четвертом предложениях (грамматические средства) служат, как мы видим, только для сцепления их содержаний. Смысловых отношений же между ними они не выражают. Интонация же как в совокупности с другими средствами, так и без них выражает связь содержаний и отношения между предложениями абзаца. В этом же абзаце интонация в качестве средства сцепления содержаний компонентов выступает в сочетании с субъектом *eg* и инверсией. Средством же выражения отношений между содержаниями контактно расположенных предложений этого абзаца служит только интонация.

Выполняя функцию средства связи, служащего для выражения отношений между компонентами абзаца, она «сигнализирует» о том, что связанные с ее помощью предложения в абзаце — не единично употребленные самостоятельные предложения, а предложения, содержания которых находятся в определенных отношениях друг с другом.

Следует отметить, что интонация играет большую роль и при наличии союзов между компонентами абзаца, особенно если они многозначны, т. е. могут служить выразителями различных отношений между содержаниями объединяемых ими предложений. Это проявляется, например, при использовании одного из наиболее употребительных союзов *und*, служащего для соединения самостоятельных предложений. Предложения, соединенные им, могут находиться в противительных, причинно-следственных и других отношениях друг с другом. Но наличие, например, причинно-следственных отношений между подобными предложениями выражается не только и, собственно, не столько при помощи союза *und*, сколько при помощи интонации, а также последовательности расположения предложений с определенным содержанием.

Сквозное сцепление содержаний компонентов абзаца подразумевает не только контактно, но и дистантно расположенные по отношению друг к другу предложения абзаца. В этом плане можно говорить о контактной и дистантной связи содержаний компонентов абзаца.

Ограниченный объем работы не позволяет подробно рассмотреть все виды отношений между предложениями в абзаце и все средства их выражений, равно как и все виды связи содержаний компонентов абзаца и средства ее выражения. Рассмотрим лишь дистантную связь в абзаце и основные средства ее выражения.

Акцент именно этой стороны вопроса объясняется тем, что

если сцепление контактно расположенных самостоятельных предложений подробно рассмотрено в целом ряде исследований (45; 80; 89; 106; 128; 137), то дистантная связь подобных предложений и средства ее выражения в грамматической литературе почти не описаны.

Если лексико-грамматические и фонологические средства служат главным образом для сцепления контактно расположенных предложений в абзаце, то большинство лексических и грамматических средств используются для сцепления как контактно, так и дистантно расположенных компонентов абзаца.

В абзаце в ряде случаев встречается сцепление при помощи тех или иных средств только дистантно расположенных предложений. В других случаях определенные средства сцепления соединяют в единое целое как контактно, так и дистантно расположенные компоненты, выступая здесь в качестве средств контактно-дистантной связи.

Среди лексических средств, служащих для связи дистантно расположенных предложений в абзаце, наиболее употребительными являются повторы. Одни из них служат для создания только дистантной, другие — для создания контактно-дистантной связи. Чаще всего встречается повтор, который можно было бы назвать «дистантным». В этом случае компонент, названный в первом предложении, повторяется не в следующем за ним, контактно расположенном предложении, а в предложении, расположенном дистантно. Этот повтор может служить для связи предложений, между которыми расположены одно или несколько предложений. Выполняя функции средства, сцепляющего дистантно расположенные предложения с повторяющимся компонентом, он включает в абзац, сцепляет с остальной его частью предложение, расположенное между предложениями с повторяющимися компонентами, в интерпозиции к ним. Последнюю роль дистантный повтор играет чаще всего в многолинейных абзацах с главной и дополнительной линиями. Будучи употреблен в дистантно расположенных предложениях главной линии, он включает в единое содержание абзаца и расположенные в интерпозиции к ним предложения дополнительной линии.

... Ich überholte den Motor, um uns eine Panne im Dschungel zu ersparen, und hatte keine Zeit, die Tanzerei anzuschauen, ich lag unter unserem Landrover. Die Mädchen saßen reihenweise um den Platz, die meisten mit einem Säugling an der brauen Brust. ... Die Mädchen trugen... amerikanische Konfektion zur Feier ihres Mondes, ein Umstand, worüber Marcel, unser Künstler sich ständig autregte. Ich hatte andere Sorgen. Wir besaßen Waffe, keinen Kompaß, nichts... (M. Frisch. «Homo Faber»).

Повтор местоимения *ich* в дистантно расположенных предло-

жениях главной линии служит как для сцепления их содержания, так и для включения в абзац составляющих дополнительной линии (описание праздника индейцев), находящихся в интерпозиции к ним.

Если при дистантном повторе компонент, подлежащий повторению, является сложным словом, то он может быть повторен не весь, а лишь одна из его составных частей. Компонент, повторяющийся в дистантно расположенном предложении, может в этом случае также быть сложным словом, в состав которого входит, однако, одна из составных частей предыдущего компонента.

Im ersten Morgengrauen wurden wir geweckt, um uns den Sonnenuntergang anzusehen. Es blies ein eisiger Wind. Ich hatte kein Interesse für die Sonne, und Mutter auch nicht... (L. Renn. «Meine Kindheit und Jugend»).

Wir drängten uns um die Waschkau im Nebenraum. Harry jagte den Alten, der sich weigerte aufzustehen, mit Gewalt aus dem Bett. Vor dem Wasserhahn hatte sich eine Schlange gebildet. Ich stand neben Erwin, Achini und Nettelsack befanden sich auf der anderen Seite des Waschraumes (W. Horrisch. «Die tönende Spur»).

Одним из видов дистантного повтора является повтор, который можно назвать «рамочным». В данном случае один из компонентов начального предложения повторяется в конечном предложении абзаца. Вследствие этого абзац оказывается как бы заключенным в рамку, образованную начальным и конечным предложениями с повторяющимся компонентом. Эта рамка и является средством, сцепляющим все предложения абзаца в единое целое.

Jetzt nach dem Essen durften wir auch hinunter in die Küche. Auf den Tischen standen in Bergen gebrauchte Teller. Eine fremde Kochfrau saß breit und streng da und wischte sich die schwitzige Stirn ab. Unsere Köchin und das Stubenmädchen hatten sich in die Ecke verzogen und aßen. Manchmal war auch ein Lohndiener da, ein alter krummer Mann, der traurig und geduckt lächelte, wenn er uns sah. Aber wegen der strengen Blicke der Kochfrau verließen wir die Küche bald wieder (L. Renn. «Meine Kindheit und Jugend»).

В ряде случаев при повторах возникает контактно-дистантная связь. Она создается при так называемом многократном повторе, когда один и тот же компонент повторяется не только в двух контактно расположенных предложениях, но и в целом ряде последовательно, в том числе и дистантно расположенных предложений абзаца. Этот повторяющийся компонент способствует сцеплению предложений абзаца, расположенных как кон-

тактно, так и дистантно по отношению друг к другу, в единую цепь, в которой связаны не только расположенные рядом, но и отдаленные друг от друга звенья.

...Das Essen für Block 20 wurde von den Trägern an die Tür niedergestellt: es wurde von den SS selbst in den Block gebracht. Die Insassen bekam man nur in totem Zustand zu Gesicht. Jeden Morgen holte das Krematoriumskommando mit seinem Karren eine Anzahl Leichen, die nachts vor der eisernen Tür eingelegt worden waren. Man hatte nichts mehr in Erfahrung bringen, als daß Häftlinge im Block 20 ausschließlich Offiziere der Roten Armee waren. Die vollständige Absperrung des Blocks konnte für die Insassen nichts Gutes meinen; es war von allen Anfang an offenbar, daß keiner mit dem Leben davonkommen konnte, das kollektive Todesurteil wurde mittels Typhus und Hunger vollstreckt... (St. Hermlin. «Die Zeit der Gemeinsamkeit»).

Одним из видов данного повтора является многократный словообразовательный повтор, при котором контактно-дистантная связь образуется не повторением одного и того же слова, а употреблением в цепочке предложений различных слов, образованных при помощи различных словообразовательных средств от одного и того же корня.

Der Mensch lebt... um zu erkennen, was die Welt im Innersten zusammenhält. Kein anderer Lebensinhalt lohnt! Und die höchste Form der Erkenntnis ist die Verwandlung der bunten, verführerischen Qualität der Welt in die strenge, unbestechliche Quantität. Was nicht mathematisch formuliert werden kann, das ist noch nicht richtig erkannt. Die Welt ist aber erkennbar, und glauben sie denen nicht, die es leugnen... (D. Noll. «Die Abenteuer des Werner Holt»).

Контактно-дистантная связь создается и при многократном синонимическом повторе. В этом случае в последующих предложениях повторяется не сам компонент, названный в первом предложении, а его синонимы.

In den engen Grenzen, die meinem Vater in unserer Erziehung blieben, versuchte er zu erreichen, daß wir lernten, bei Tisch munter zu parlieren, wie er das nannte. Victor brauchte nicht erst zum Sprechen ermuntert zu werden, Er war fast überlebensfähig und redete einfach los. Ich aber schwieg. Mir erschien alles viel zu dumm, was ich sagte. Bevor ich einen Satz noch gesagt hatte, war mir Victor schon mit solcher Geschwindigkeit und Energie über den Mund gefahren, daß ich nicht mehr wagte, etwas zu sagen, außer gegenüber den wenigen Klassenkameraden, die meine Schwierigkeiten im Sprechen nicht ausnutzten und mich nur ihrem Mundwerk nicht überführten (L. Renn. «Meine Kindheit und Jugend»).

Одним из лексических средств контактно-дистантной связи является перечисление. Как и повтор, оно связывает в единую цепь как предложения, непосредственно следующие друг за другом, так и предложения, отстоящие одно от другого (первое с третьим, четвертым, второе с четвертым и т. д.). Кроме того, все эти предложения вместе, а следовательно, и каждое из них в отдельности сцеплены также с предложением, предваряющим перечисление, как вводящим его.

...Die Menschen verhielten sich unterschiedlich. Der eine war sehr gelehrt, besaß die Gabe des Geistes, verachtete diese barausische Gefahr, was ging ihn der nahende Marschtritt an? Andere aus Dummheit. Bosheit lachten sich ins Fäustchen, als erwarteten sie von der Katastrophe etwas Gutes. Wieder andere sammelten Briefmarken, benahmen sich harmlos, rechneten damit, das keinem was geschah, wenn er nur immer harmlos gewesen war. Auf all diese kam es letztlich nicht an. Entscheidend waren die vielen... Aber sie waren uneins. Die einen, unter ihnen der Untersetzte, Muskulöse, sahen die Dinge einigermaßen klar und wünschten unverzüglich zu handeln, sie verschmähten es, ihre Ansichten und Absichten zu verheimlichen, sie hatten nichts zu verlieren als ihre Ketten, sie wußten genau, es rettete sie kein höheres Wesen, sie mußten das schon selber tun; Die Erinnerung war nun ganz deutlich. Die anderen, der Große, Fabrige war dabei, wünschten im Prinzip ja auch, sich aus dem Elend zu erlösen, aber sie waren übelberaten, wußten gar nicht, was sie wollten, man hatte sie konfus gemacht... (D. Noll. «Die Abenteuer des Werner Holt»).

Средством связи дистантно расположенных предложений в абзаце может служить риторический вопрос. Специфика структуры и употребления превращает его как бы в мостик, соединяющий два дистантно расположенных предложения: предложение, предшествующее риторическому вопросу, и предложение, следующее за ним. ...Adam malte ein Haus, daneben einen Baum, und zwischen beides. Na, wen schon? Natürlich, Lehrer Matthias... (H. Jobst. «Der Findling»).

Одним из наиболее часто встречающихся грамматических средств сцепления дистантно расположенных предложений в абзаце являются временные формы глагола, выступающие в этой функции в однолинейных и многолинейных абзацах. Временные планы, в которых совершается действие в различных предложениях однолинейных абзацев, могут перекрещиваться. Предложения или их группы одного времени чередуются в этом случае с предложениями другого временного плана и т. д. Таким образом, они оказываются расположенными дистантно по отношению друг к другу. В предложениях одного и того же плана употребляются одинаковые временные формы глагола,

которые и служат в данном случае средством сцепления одноплановых дистантно расположенных предложений.

Er (Argus Hallstein) klagte seinen Mut an und seine Furchtlosigkeit. Er habe alles im Leben verkehrt angefangen, sei tapfer gewesen, wo man vernünftigerweise der Stimme der Furcht nachgegeben hätte, und habe sich vor Angst leiten lassen, wenn es richtig gewesen wäre, den Mut nicht zu verlieren, Sein Leben zubröckelte bei solcher Betrachtung wie ein alter morscher Ziegel. Die Zusammenhänge lösten sich, aus dem Ganzen wurde ein Haufen grauroten Staubes. Es war nicht wert, es gelebt zu haben, dieses Leben, um das er jetzt zu zittern begann. Widerwillig war er der Frau treu gewesen, die er lange Zeit geliebt. Lange müßmutig ertragen hatte und die er ohne Erschütterung hatte sterben sehen; mühselig hatte er an seinen Kindern die Pflichten des Vaters erfüllt, und den Genossen war er im Grunde auch nur mit halbem Herzen ein Genosse gewesen, seit er — bald nach der Heirat — sich auf eigenen Füßen gefühlt und mit dem Geld der Frau eine Werkstatt eröffnet hatte. (B. Uhse, «Die Partioten»).

В первом, третьем, четвертом и пятом предложениях этого абзаца действия совершаются в одном временном плане, во втором и шестом — в другом. Средством сцепления первой группы предложений здесь является претерит, второй — плюсквамперфект (во втором предложении — также перфект как грамматический синоним плюсквамперфекта).

В многолинейных абзацах, излагающих содержание главной и побочной линий, предложения последней располагаются чаще всего в интерпозиции к предложениям первой. Временные формы, служащие для сцепления дистантно расположенных предложений главной линии, выполняют в таких абзацах еще одну функцию: включаются в абзац для соединения с остальной его частью подобных интерпозиционных предложений побочной линии, способствуя тем самым созданию сквозного сцепления всех его компонентов, как компонентов, излагающих главную линию, так и компонентов, излагающих побочную линию.

Ich spielte auf dem Klavier, das Frau Dowkin von ihrem Mann in schönen vergangenen Jahren geschenkt bekommen hatte, einem schönen Instrument, haltbar und von mittelgutem Klang. Ein Künstler bin ich nicht, aber wenn es dämmt, phantasiere ich manchmal vor sich hin, damit es wohl klinge und über unser bezauberndes Dasein den dunklen Schleier wundervoller Töne lege, wie die ehemals neuere Lyrik sich ausdrücken würde. Aber besser als ich spielte das Mädchen. ...Es steckte was in ihr, etwas Straffes, aber auch etwas Weiches. Viele Menschen in dieser Gegend sind ja sehr Musik gestellt, und wenn sie nicht fiedeln, dann spielen sie eben Klavier oder singen. Ich weiß nicht, wer von den ver-

ehrwürdigen Genies unserer so siegreichen wie kunstvollen Heimat behauptet hat, Genie sei Fleiß. Das Diktum klingt streng, bedeutend und nach Schulaufsatz; aber lassen wir's dabei. Stimmt das Diktum-aber es stimmte natürlich nicht so steckte in dem Mädchen ein Genie... (A. Zweig «Gerufene Schatten»).

Главная линия этого многолинейного абзаца — описание событий, происходивших в доме госпожи Довкин и касающихся прежде всего игры ее дочери на пианино. В абзац вкраплены три авторских отступления, не связанные по смыслу с остальной частью абзаца: Ein Künstler bin ich nicht... sich ausdrücken würde; Viele Menschen ...oder singen; Ich weiß nicht... aber lassen wir's dabei, что подчеркивается, в частности, постановкой в этих отступлениях другой временной формы глаголов (презенс). Средством связи дистантно расположенных предложений главной линии абзаца, в интерпозиции к которым расставлены указанные авторские отступления (и одновременно их включения в абзац) и является общая временная форма (претерит). Сцепляя дистантно расположенные предложения главной линии, претерит одновременно включает в абзац и находящиеся в интерпозиции к этим предложениям компоненты, несущие содержание побочной линии, создавая тем самым сцепление всех компонентов абзаца, относящихся к обеим его линиям, в единое целое.

УПОТРЕБЛЕНИЕ АРТИКЛЯ В АБЗАЦЕ

Исследование и описание употребления артикля является одной из сложных и не до конца решенных проблем грамматики современного немецкого языка. Несмотря на большое количество работ, посвященных ей (52; 83; 86; 122; 147), теории, объясняющей все случаи употребления артикля и способной выступать как руководство в практической речевой деятельности, пока нет (52; 3). Причина этого, на наш взгляд, кроется прежде всего в том, что многообразие функций этого присубстантивного слова, способствующих определению различных параметров имени существительного при его употреблении в речи, не всегда укладывается в жесткие рамки правил. Кроме того, например, в художественной литературе нередко случаи окказионального употребления артикля тем или иным автором для достижения определенного стилистического эффекта. Это также не всегда соответствует требованиям грамматических правил.

Авторы упомянутых выше, а также других работ уделяют главное внимание исследованию общих вопросов теории артикля и описанию его функций главным образом в микроконтексте, в рамках одного предложения. Роль же его в макроконтексте, в абзаце, исследована и описана недостаточно полно, хотя этот аспект его функционирования представляет несомненный интерес.

Большинство авторов, рассматривающих функции артикля, выполняемые им за пределами одного предложения, делают это на материале двух контактно расположенных предложений, вычленив их из макроконтекста. Между тем, именно эти его функции отнюдь не всегда могут быть проанализированы в полной мере подобным образом. Поскольку многие из них проявляются именно в макроконтексте, в абзаце, исследование их должно проводиться обязательно с учетом содержания всего абзаца, на фоне всего макроконтекста.

Сопоставление задач артикля в микро- и макроконтексте свидетельствует о том, что, с одной стороны, в абзаце ему свойственны те же функции, что и в предложении, с другой стороны. в абзаце он может приобретать новые, не свойственные ему в

пределах одного предложения функции, возможность выполнения которых обусловлена именно наличием макроконтекстного окружения предложений, в которых он употреблен. В частности, макроконтекстное окружение создает возможность расширения сферы стилистического употребления артикля, что имеет особое значение для функционального стиля художественной литературы.

Текстовое окружение оказывает влияние и на функции артикля, которые он выполняет как в микро-, так и в макроконтексте. Оно прежде всего проявляется в том, что в последнем эти функции могут расширяться, приобретать дополнительные оттенки. Так, выполняя в нем роль показателя категории определенности-неопределенности имен существительных, расположенных в разных компонентах абзаца, он одновременно служит средством их сцепления. Аналогичным может быть назначение артикля и при выполнении им коммуникативной функции. Являясь средством оформления темы и ремы, расположенных в различных компонентах абзаца, он также служит одновременно средством сцепления этих компонентов.

Eines Tages schickte mich der Meister in die Vorstandsiedlung zu einem Kunden, der eine elektrische Pumpe hatte, die mehr Sand als Wasser in die Eimer spie. Der Kunde war Prokurist in der Papierinühle und hieß Chartin (H. Kant. «Im Waldfisch»).

Соотнесенные друг с другом неопределенный и определенный артикли (ein — der), характеризующие категорию неопределенности-определенности существительного Kunde в первом и втором компонентах абзаца, способствуют одновременно их сцеплению.

Die Villard erzählte... das gestern mittag die Gestapo einen Mieter verhaften habe, der sich im Hotel als Elsässer eingetragen, jedoch, wie sich inzwischen herausgestellt hatte, aus einem deutschen Konzentrationslager vor einigen Jahren entflohen war. Der Mieter... sei in die Sante gebracht worden, von dort aus würde er bald nach Deutschland abtransportiert werden und wahrscheinlich an die Wand gestellt (A. Seghers. «Das Obdach»). Здесь неопределенный артикль ein при существительном Mieter, являющемся ремой первого предложения данного абзаца, и определенный артикль der, характеризующий это же существительное как тематический элемент второго, соотносятся друг с другом и способствуют тем самым сцеплению обоих предложений.

Употребление артикля в абзаце в значительной степени связано с особенностями предложений-компонентов, в которых артикль выполняет свои функции, с их позицией в абзаце, с направленностью и степенью их смысловой синсемантии, с характером содержания абзаца.

Для неопределенного артикля характерно употребление в компонентах абзаца, обладающих в первую очередь перспективной синсемантией, для определенного — в компонентах с ретроспективной.

Связью функций неопределенного артикля с перспективной направленностью синсемантии компонентов абзаца, в которых он употреблен, объясняется преобладание его в начальных компонентах абзацев, открывающих новую тему, не связанную с предыдущей, и обладающих, следовательно, минимальной или даже нулевой степенью ретроспективной синсемантии. Наибольшей степенью перспективной и нулевой ретроспективной синсемантии обладают прежде всего начальные компоненты абзацев, открывающих произведение. Высокая степень перспективной синсемантии присуща также начальным компонентам абзацев, открывающих главу, раздел и т. п. Поэтому в начальных компонентах подобных абзацев чаще всего и употребляется неопределенный артикль.

Der Unbekannte.

Betäubt von Schulstunden trabt durch winkelige Straßen ein Knabe, ein gewöhnlicher Bücherträger, der hier und da ausweicht, um einen Lehrer nicht grüßen zu müssen, dan und wann errötend den Hut abreißt vor einem kleinen Mädchen, mit dem er getanzi hat. Die Gassen stiegen und fallen; der Knade bedenkt, daß er jetzt, entgegen sämtlichen Gesetzen, sich etwas Glück stehlen wird, ein Stück Marzipan kaufen wird, obwohl es ihm den Magen verdirbt, und aus der Leihbibliothek etwas holen, auf dessen Genuß schließlich auch bloß Jammer folgte... (H. Mann. «Der Unbekannte»).

Но, с другой стороны, неопределенный артикль употребляется также в начальных компонентах абзацев, вводящих новую тему, связанную с темой, излагавшейся в предыдущих абзацах. Несмотря на то, что они обладают не только перспективной, но и ретроспективной синсемантией, степень первой в подобных случаях все же выше. В них в общих чертах формулируется содержание абзаца, которое раскрывается в следующих за начальным компонентом предложениях. Поэтому связь начального компонента с содержанием последующих компонентов «своего» абзаца более тесная, чем с содержанием предшествующего абзаца. Это и определяет возможность употребления в начальных компонентах указанных абзацев неопределенного артикля, который в свою очередь подчеркивает преобладающий характер перспективной синсемантии данных компонентов.

Der tote Hund lag auf der kahlen, schmutzigen Erde, und sie (Bärlach und Tschanz) schauten auf ihn nieder. Es hatte sich zu ihren Füßen eine große schwarze Pfütze ausgebreitet: Blut.

das dem Tier wie ein dunkler Lawastrom aus dem Rachen quoll.

Wie sie nun wieder aufschauten, bot sich ihnen ein verändertes Bild. Die Musik war verstummt, die erleuchteten Fenster hatte man aufgerissen, und Menschen in Abendkleidern lehnten sich hinaus (Fr. Dürrenmatt. «Der Richter und sein Henker»).

В начальных компонентах абзацев, продолжающих изложение темы, обычно употребляется определенный артикль. Он подчеркивает высокую степень ретроспективной синсемантии подобных компонентов и одновременно указывает, что абзац, в начальном компоненте которого употреблен определенный артикль, не вводит новую тему, а продолжает изложение темы, начатое в предыдущем абзаце.

Andreas Markus, ein Stude der gesellschaftswissenschaftlichen Fakultät in Rostok war. Dr. Berner bereits bei der ersten Vorlesung aufgetallen durch sein frisches, intelligentes Gesicht, das ihm zugenandt war wie ein weitgeöffnetes Fenster. Und dieser Student war es, der eines Tages nach einer Vorlesung kam und Ein vände gegen die vom Dozenten entwickelten Grundzüge der Dialektik vorbrachte...

Der Dozent und der Student gingen durch die Wallanlagen, sprachen über die Weisheit der alten Griechen und kamen dabei auf die Borniertheit vieler gegenwärtiger Genossen... (W. Bredel. «Das schwiegende Dorf»).

В конечных компонентах абзацев, завершающих изложение темы, неопределенный артикль употребляется относительно редко. Здесь преобладает определенный артикль. Это объясняется тем, что, подытоживая содержание всего абзаца, конечный компонент в этих случаях обладает ретроспективной синсемантией. А для компонентов абзаца, которым присуща ретроспективная синсемантия, характерно прежде всего употребление определенного артикля.

1940 sah ich Barcelona, vormals ein Handelshafen der Klasse Marseille und Hamburg. Die Stadt war verödet und sie hungerte. Noch immer kein Stück gutes Brot, aber gegen zwei Dutzend schwacher unternährter Soldaten, ein gemästeter Falangist: der Klassenstaat, höchst anschaulich. Auf der Rampa, Hauptstraße und Corso, dieselben bombardierten Häuser, kein Faschismus wird sie wegräumen, er habe gewonnen oder ausgespielt. Sein Beruf sind gerade die Trümmer (H. Mann. «Ein Zeitalter wird besichtigt»).

Употребление неопределенного артикля, обусловленное влиянием особенностей компонентов абзаца, характерно, таким образом, прежде всего для начальных предложений, обладающих перспективной синсемантией. Употребление же неопределенного артикля в срединных и конечных компонентах, для

которых типична ретроспективная синсемантия, регулируется в основном теми же правилами, что и употребление его в микроконтексте.

Влияние особенностей компонентов абзаца на функции определенного артикля связано в первую очередь с его употреблением в срединных и конечных предложениях. Его использование в начальных предложениях встречается главным образом в тех случаях, когда им присуща ретроспективная синсемантия, для подчеркивания которой он и применен здесь. Этим, в частности, объясняется его употребление не только в начальных компонентах абзацев, продолжающих изложение темы, но в ряде случаев и в начале абзацев, открывающих новую тему, в том числе и в начале главы, раздела и т. п. Здесь он употребляется для создания непрерывности повествования, для подчеркивания связей данной темы, главы и т. д. с содержанием предыдущих.

Определенный артикль встречается в произведениях художественной литературы и в начальных компонентах абзацев, обладающих нулевой степенью ретроспективной синсемантии и, казалось бы, не допускающих поэтому его применения, особенно в абзацах, открывающих все произведение. Употребление имени существительного, обозначающего главный смысловой элемент абзаца, уже при первом его назывании с определенным артиклем в начальных предложениях указанных абзацев создает ситуацию, при которой повествование начинается не с чего-то, читателю вовсе неизвестного, а в какой-то степени уже знакомого. При помощи подобного приема достигается больший эффект восприятия излагаемых автором событий.

Der nackte Schädel schwamm wie ein blankgebohrter Mond unter der blassen Nachtbeleuchtung. Er schwamm durch die tote Fabrikhalle, Und die Nachtbeleuchtung blinzelte wie blasses Gestirn von oben herunter... (W. Borchert. «Preußens Gloria»).

Указанный стилистический эффект достигается в этом случае не только благодаря самому определенному артиклю, но и в результате столкновения узуального и окказионального его употребления в данном макроконтекстном окружении. Поскольку начальные компоненты рассматриваемых абзацев обладают только перспективной синсемантией, а степень ретроспективной у них, следовательно, равна нулю, в них должен быть применен неопределенный артикль. Использование же в подобном макроконтекстном окружении артикля определенного, который обычно встречается в компонентах абзаца, обладающих ретроспективной синсемантией, создает своего рода противоречие между характером компонента и выбором употребленного в нем артикля. Это противоречие и придает особую стилистическую окраску

эффекту известности описываемой ситуации, создаваемому здесь этим артиклем.

Противоречие между характером компонента абзаца и выбором артикля может создавать стилистический эффект и при использовании определенного артикля в конечном компоненте абзаца, завершающем изложение темы. Последний может одновременно служить предложением, вводящим содержание следующего абзаца. В этом случае конечный компонент формулирует в общих чертах тему следующего за ним абзаца, которая подробно раскрывается в нем. При этом конечному компоненту присуща перспективная синсемантия, и в нем, следовательно, должен быть употреблен неопределенный артикль. Применение же здесь определенного артикля способствует подчеркиванию, выделению имени существительного, впервые называющего предмет и являющегося главным смысловым элементом следующего абзаца. Тем самым достигается концентрация внимания читателя на содержание этого следующего абзаца.

Ich hätte die Perücke doch umbringen sollen. Einmal heizte er mir so ein, daß mein Blut an zu kochen fing. Das war, als ich die Entdeckung machte. Keine große Sache. Nur eine ganz kleine Entdeckung.

Habe ich schon gesagt, daß wir jeden Morgen eine halbe Stunde lang einen kleinen grünen schmutzigen Fleck Rasen umkreisen? In der Mitte der Manege von diesem seltsamen Zirkus war eine blasse Versammlung von Grashalmen, blaß und ohne Gesicht... Und da entdeckte ich unter ihnen einen unscheinbaren gelben Punkt, eine Miniaturgeisha auf einer großen Wiese. Ich war erschrocken über meine Entdeckung... Ich erkannte eine Blume, eine gelbe Blume. Es war ein Löwenzahn — eine gelbe Hundebblume (W. Borchert. «Die Hundebblume»).

Здесь заключительная часть первого абзаца приведенного отрывка выражена предложением с двумя парцеллированными элементами. Парцелляция может быть снята, поэтому концовка абзаца выражена по существу одним предложением-компонентом, который вводит тему следующего за ним абзаца — описание сделанного открытия, которая лишь называется в этом компоненте, а раскрывается в следующем абзаце. Следовательно, этот компонент обладает перспективной синсемантией, и в нем должен быть употреблен неопределенный артикль. Подтверждением этого является его применение в eine ganz kleine Entdeckung. Определенный же артикль, стоящий перед существительным Entdeckung при его первом употреблении, и создает противоречие между характером компонента и выбором употребленного в нем артикля, в результате чего все внимание читателя фиксируется на слове Entdeckung, несущем основную стилистическую

нагрузку, а тем самым и на содержании следующего абзаца, раскрывающего причину этого.

Еще одним фактором, определяющим влияние макроконтэкстного окружения на употребление артикля в абзаце, является сквозное сцепление содержаний отдельных предложений. Его влияние обуславливает в первую очередь возможность употребления в абзаце определенного артикля, в том числе в тех случаях, когда его использование в микроконтексте неуместно: при первом упоминании о предмете.

Определенный артикль может быть употреблен в абзаце перед именем существительным, впервые встретившимся в нем, если оно является синонимом существительного, входящего в предшествующие предложения абзаца.

Сцепление компонентов абзаца позволяет прибегать к определенному артиклю перед именами существительными, упоминаемыми в абзаце впервые, если они относятся к слову, выражающему главный смысловой элемент абзаца, названный ранее, и связаны с ним своим лексическим значением.

Als der Bauer Andre Clerval mit seinem Wägelchen früh am anderen Morgen seine Cate in Jericy erreichte, wurde er von den Seinen recht unfreundlich empfangen. Um die Mittagsstunde des vergangenen Tages war er erwartet worden. Seine Frau, die in ihrer Unruhe kaum Schlaf gefunden hatte, meinte, als sie ihren Mann vor sich sah, er habe die Einnahmen vertrunken, Doch er lächelte verschmitzt und erwiderte auf alle ihre unfreundlichen Reden kein Wort. Erst als der Sohn, der das Pferd in den Stall geführt hatte, in die Stube zurückkam legte der Bauer mit der Miene eines Triumphators einen goldenen Louisdor auf den Tisch. Er weidete sich an den erstaunten Gesichtern und begann dann, immer noch schweigend, die Gemüsesuppe zu löffeln, zuversichtlich die Wirkung, die das Geldstück hervorrufen würde, abwarten (W. Bredel. «Der Generalalintendant des Königs»).

В этом примере сквозное сцепление содержаний компонентов делает возможным употребление с определенным артиклем имен существительных, относящихся к главному смысловому элементу абзаца — Der Bauer Andre Clerval — даже при их первом упоминании. Это слова, обозначающие членов его семьи (der Sohn), его комнату, обстановку в ней (die Stube, der Tisch), связанные с описанием его хозяйства (das Pferd, der Stall).

Допустимо использование имен существительных, связанных своим лексическим значением с главным смысловым элементом абзаца, и с неопределенным артиклем. Это встречается обычно тогда, когда автор или рассказчик хочет особо подчеркнуть, что главный смысловой элемент обозначает какой-то неизвестный, незнакомый ему предмет. Для этой цели с данным артик-

лем употребляется не только имя существительное, выражающее главный смысловой элемент, но и слово или слова, относящиеся к нему. Необычность его применения в подобном случае, накладываемая на присущее ему обозначение неизвестности предмета, и создает необходимый стилистический эффект.

Links stand ein kleines, wie plattgedrücktes Haus, wie es sich Arbeiter nach Feierabend bauen; wankelnd, fast taumelnd bewegte ich mich darauf zu. Nachdem ich eine ärmliche und rührende Pforte durchschritten hatte, die von einem kahlen Heckenrosentrauch überwachsen war, sah ich die Nummer, und ich wußte daß ich am rechten Haus war.

Die grünlichen Läden deren Anstrich längst verwaschen war, waren fest geschlossen, wie zugeklebt; das niedrige Dach, dessen Traufe ich mit der Hand erreichen konnte, war mit rosigen Blechplatten geflickt. ...Ich stockte einen Augenblick lang vor der Haustür, und ich wünschte mir, ich wäre gestorben, damals... anstatt nun hier zu stehen, um in dieses Haus zu treten... (H. Böll. «Die Botschaft»).

Герой новеллы, от лица которого ведется повествование, приезжает в городок, где он никогда не был, чтобы сообщить жене солдата о гибели ее мужа. Подойдя к незнакомому ему дому, где она живет, он описывает его, не будучи уверен, тот ли это дом, который он ищет. Этим объясняется употребление в начальном компоненте первого абзаца, обладающем также перспективной синсемантией, неопределенного артикля перед существительным Haus. Неопределенный артикль, употребленный во втором предложении перед словом Pforte, относящийся к существительному Haus, ставит целью подчеркивание «незнакомости» дома и всего, что связано с ним.

Во втором абзаце (герой уже убедился, что это именно тот дом, который ему нужен) все имена существительные, связанные своим значением со словом Haus (die Läden, das Dach, die Haustür), употреблены с определенным артиклем. Это противопоставление определенного артикля при именах существительных во втором абзаце неопределенному артиклю в первом абзаце также подчеркивает «незнакомость» предмета, описываемого в первом абзаце (ср., например: eine Pforte — die Haustür).

Для создания определенного стилистического эффекта иногда используется и отсутствие артикля. Так, при перечислении предметов и действий в абзаце это может способствовать созданию впечатления динамики, движения. В подобных случаях артикль может отсутствовать и тогда, когда он согласно правилам должен употребляться, например, при порядковых числительных.

Man stand auf Saaltüren wurden geöffnet. Abgang: Richter, Schöffen Staatsanwalt. Verurteiler. Auch eine Rangordnung. "Los!"

Erster Schritt, zweiter, fünfter, zehnter... Menschenschlucht. Raffende Gesichter. Flur. Schlüsselrasseln. Türenklappen. Die Zelle. Allein, endlich allein, bis der Transportwagen eintreffen und mich zum Untersuchungsgefängnis zurückbringen würde (H. Schneider. «Nacht ohne Allibi»).

Здесь интересный стилистический эффект создается сочетанием отсутствия артикля и употребления определенного артикля в начале второго абзаца. Использование ряда существительных без артикля создает впечатление динамики. Введение же последнего существительного этого ряда Zelle с определенным артиклем подчеркивает завершение движения, переход от динамики к статике.

В настоящей главе были рассмотрены лишь основные особенности употребления артикля в абзаце, обусловленные влиянием макроконтекстного окружения. Подробное же описание всех случаев артикля в макроконтексте в современном немецком языке выходит за рамки данной работы и должно стать материалом отдельного, самостоятельного исследования.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА
В АБЗАЦЕ

Исследование значения и особенностей функционирования временных форм глаголов в немецком языке, как и во многих других языках, свидетельствует о необходимости разграничения отдельных, отличных друг от друга сфер, в которых эти временные формы встречаются, отдельных функциональных стилей, ибо специфика последних оказывает существенное влияние на их характер. Сказанное подтверждается, в частности, сопоставлением характера временных форм глаголов в устной речи — в сфере непосредственного общения собеседников — и в стиле художественной литературы.

Как отмечает З. Я. Тураева, «для уровня высказывания, на котором реализуется план непосредственного общения, характерно наличие коррелята моменту речи в мире реалий. В художественном тексте момент речи — это некий векторный нуль, где за знаком не стоит денотат. Таким образом, различие в структуре временных отношений в двух планах коммуникации сводится к следующему: план непосредственного общения ориентирован на грамматический момент речи, который представляет собой отражение в языке внеязыкового момента речи как элемента объективного времени. План сюжета ориентирован на векторный нуль, где за знаком нет конкретной реальности» (87, 8).

Отсутствие денотативной отнесенности форм сюжетного времени, т. е. отсутствие в данном случае реальной ситуации, которую бы они отражали (К. Гамбургер обозначает ситуацию, описываемую в художественной литературе, термином *Fiktion*) (123, 21), и отсутствие в связи с этим реального субъекта, к которому бы могло относиться совершаемое в том или ином времени действие, ведет здесь к утрате временными формами глагола своего основного грамматического значения. «Речь о настоящем, прошедшем или будущем в подлинном их значении может идти лишь в отношении действительного, истинного субъекта», — пишет К. Гамбургер (123, 30). «Отсутствие реальной ситуации (*die Fiktionalisierung*), действия, мыслимые как совершаемые здесь и сейчас вымышленными лицами (*fiktive Personen*), — отмечает она, — все это уничтожает временное значение грамма-

тической формы, в которой ведется повествование» (123, 49). Анализируя в этой связи значение протерита в художественном повествовании (*in der Fiktion*), одной из наиболее употребительных здесь временных форм, К. Гамбургер говорит, что претерит является здесь «лишь субстратом, в котором оно должно осуществляться, и, утрачивая подобно холсту в написанной, готовой картине, свою собственную материальную ценность, т. е. значение прошедшего времени, претерит сохраняет от финитной формы глагола, с которой он связан, лишь семантический аспект — выражение действия, состояния и т. п., но не указание на то, что это действие и т. д. происходит в прошедшем времени» (123, 50).

Утрачивая в произведениях художественной литературы свое основное грамматическое значение, временные формы приобретают здесь новые, специфические для данного стиля функции. Основными функциями временных форм глаголов в абзаце в художественной литературе являются: создание временной перспективы, временного «разрыва» между действиями; разграничение модальных планов описываемых событий; разграничение различных видов речи: разграничение главной и побочной линий повествования в многолинейных абзацах; сцепление предложений-компонентов абзаца.

Функции временных форм глаголов в произведениях художественной литературы описаны в ряде работ (50; 145). Однако они не всегда достаточно систематизированы. Кроме того, их рассмотрение проводится обычно на фоне всего произведения, вне связи с характером абзаца, в котором они выполняют свои функции, в то время как именно подобный аспект исследования функций временных форм в ряде случаев весьма существен для их понимания. В данной главе будут рассмотрены функции временных форм глаголов, выполняемые ими прежде всего в абзаце.

Временная перспектива, т. е. маркирование «разрыва» во времени совершения описываемых событий, создается при помощи сочетания в абзаце разных временных форм. Разнообразие вариантов сочетания временных форм, их употребление в тех или иных предложениях-компонентах абзаца позволяет передать разновидности временной перспективы в зависимости от задач, которые ставит перед собой автор.

События, предшествующие по времени их совершения основным событиям, описываемым в произведении, представляют собой обычно особую тему, выделяемую в отдельный абзац, а иногда и в несколько абзацев.

Если целью автора является лишь указание на то, что события в таком абзаце предшествуют основным событиям, то

временная форма, служащая для обозначения описываемых здесь действий, обычно это плюсквамперфект, употребляется, как правило, лишь в начальном компоненте абзаца. В остальной же его части может употребляться претерит. Начальный компонент подобного абзаца определяет в общих чертах его тему, которая затем раскрывается в остальной его части. Перспективная синсемантика начального компонента такого абзаца, вводящего новую тему, сцепление его с остальной частью обуславливает наличие «проекции» этого компонента и отдельных его элементов, в том числе и временного маркера, на остальную часть абзаца. Именно это и делает возможным употребление плюсквамперфекта не во всем абзаце, а лишь в начальном его компоненте.

...Der Name dieser Stadt (Tarragona) nämlich ließ jeden Spanier an einen der größten Triumphe der Inquisition denken.

Das war im Jahre 1494 gewesen. Damals wütete in Barcelona die Pest, und der Inquisitor von Barcelona, de Contreras, floh mit seinen Beamten nach Tarragons. Die Behörden erschienen am Stadttor, stellten dem Inquisitor vor, wenn sie ihm den Aufenthalt in der Stadt erlaubten, würden auch Beamte des Königs verlangen, daß sie aus der Quarantäne ausgenommen würden... (L. Feuchtwanger. «Goya»).

Если тема—описание предшествующих событий—излагается в нескольких абзацах, то плюсквамперфект может употребляться только в начальном компоненте первого абзаца, вводящего тему. В абзацах же, продолжающих ее изложение, может употребляться во всех компонентах претерит, в том числе и в начальных, ибо «проекция» начального предложения абзаца, вводящего тему, распространяется на все абзацы, излагающие ее содержание.

Однако в плюсквамперфекте глаголы могут стоять и во всем абзаце, а не только в начале его. Это наблюдается обычно в тех случаях, когда автор хочет специально подчеркнуть, что события, описываемые им в данном абзаце, предшествуют по времени их совершения основному повествованию, хочет обратить на это внимание читателя.

Наличие временной связи предшествующих событий с тем, что происходило позднее, может быть подчеркнуто употреблением в конечном компоненте абзаца, излагающего эти события, глаголов в перфекте.

Ich hatte zu einer Gruppe Hitlerjungen gehört, die längst ohne Führung war. Manche gingen nachts weg und kamen nicht zurück. Manche schlossen sich einem Trupp von Werwölfen an, der elbeaufwärts zog; sie waren mit Pistolen und Panzerfäusten bewaff-

net. Wir haben nie wieder einen von ihnen gesehen (B. Reimann.' «Das Geständnis»).

Для подчеркивания связи основных событий с предшествующими, их «преемственности», для создания временной проекции вторых на первые глаголы в конечном компоненте абзаца, излагающего прошлые события, могут стоять в той же временной форме, что и глаголы в абзацах, излагающих основные события.

Vor sechzehn Jahren, im zweiten Kriegsjahr, hat er (Alois) Oskar kennengelernt, an der Ostfront. Vom ersten Augenblick an hat ihn der Oskar behext, und Alois ließ sich die Behexung gefallen lassen. ...Und während ihre Kameraden an der Front Entbehnungen litten und starben, haben sie in der Etappe ein angenehmes Leben geführt. Zusammengeschmiedet sing sie seit jener Zeit, spießgesellenhaft, spitzbübisch, in gegenseitiger Anerkennung (L. Freuchtwanger. «Die Brüder Lautensack»).

В то время как глаголы во всех предложениях данного абзаца употреблены в перфекте, в конечном предложении использован презенс, одна из форм (наряду с протеритом), в которой стоят глаголы при описании основных событий повествования. Это и создает временную связь основных и предшествующих им событий.

Нередко в произведениях художественной литературы повествование ведется от первого лица. При этом оно может быть стилизовано под устный рассказ — воспоминания о прошлом, которые излагаются воображаемому собеседнику в разговоре с ним. Для создания «разрыва» между временем совершения самих событий и временем рассказа о них в соответствующих частях абзаца употребляются разные временные формы глаголов. В предложениях, излагающих события основного повествования, чаще всего употребляется претерит; в предложениях, содержание которых относится к моменту рассказа об основных событиях — презенс.

Ach, das ist eine ziemlich umständliche Geschichte. Wir waren damals im Lager, wissen sie. Schachspielen war der Ersatz für alles. ...An Kino, Theater, Radio, Bücher, Sport oder gar Liebe war noch kaum zu denken; der Krieg war knapp vorbei, und die Polen, bei denen wir im Lager saßen, hatten andere Sorgen als die Freizeitgestaltung für deutsche Kriegsgefangene (H. Kant, «Kleine Schachgeschichte»).

Одной из функций временных форм глаголов в абзацах в произведениях художественной литературы является разграничение модальных планов содержания повествования, т. е. отграничение того, что излагается автором как реальное, действительно совершающееся в произведении, от того, что он описы-

вает как нереальное, лишь кажущееся кому-либо из персонажей, в действительности же не происходящее. В подобных случаях речь идет, думается, не столько об изменении перспективы временной, как пишут Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс, отмечая возможность употребления презенса для описания снов, мечтаний персонажей, и т. п. (142, 277), сколько об изменении перспективы модальной, о «переключении» событий из одного модального плана в другой.

Разграничение модальных планов содержания повествования при помощи временных форм глаголов имеет место обычно в многолинейных абзацах, излагающих главную и дополнительную линии повествования. При этом события, переданные автором как реальные, содержатся в предложениях главной линии, а события, преподнесенные как нереальные — в предложениях дополнительной.

Если в микроконтексте описываемую модальную функцию выполняют формы конъюнктива, для которых выражение нереальности действия является основным, парадигматическим значением, то в макроконтексте для этого употребляются чаще всего временные формы индикатива, конъюнктив же встречается здесь значительно реже. В исследованном нами материале встретились лишь несколько примеров, где в указанной функции в абзаце употребляются формы конъюнктива. Приведем один из них.

Zu lange hörte er (Gerhard Rikow) schon das Lied über dem Kettenklirren und Dieseldrohn und dem tausendfachen Schritt. Er erwachte damit und schlief ein mit ihm, und einmal in der Nacht hatte er einem traumhaften Gedanken gehabt: das Lied stiege am fernen östlichen Ozean und flöge über den Kolonnen bis in den fernen Westen, der Gerhard Rikows Heimat war, und die Kolonnen waren eine, wie das Lied eines war, und die Kolonnen waren unaufhaltsam, wie das Lied unaufhörlich war (H. Kant. «Das Impressum»).

В предложениях дополнительной линии, излагающих нереальные события, употребляются, как правило, временные формы глаголов, отличные от таковых главной линии, где описываются события реальные. Выше мы отмечали, что в многолинейных абзацах с главной и дополнительной линиями в предложениях обеих линий употребляются одни и те же временные формы глаголов. Использование же в рассматриваемом случае в предложениях обеих линий разных временных форм служит в первую очередь для разграничения реального и нереального модальных планов событий, описываемых в абзаце, а не для разделения друг от друга главной и дополнительной линий.

Если в предложениях главной линии, излагающих реаль-

ные события, глаголы стоят в форме претерита, то в предложениях дополнительной линии, где сообщается о нереальных событиях, чаще всего применяют презенс. Как отмечают Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс, «презенс в претеритальном окружении маркирует границу между изображаемой действительностью и снами, которые сняты персонажу» (142, 271).

Интересно отметить, что разные временные формы употребляются для разграничения реального и нереального планов даже в тех случаях, когда эти модальные планы встречаются в пределах одного и того же компонента абзаца.

Der Eisenbahnzug saust schwarz in die Ebene hinein, schiebt sich am Horizont strichdünn durch das Grün: Karl lauscht auf das langgezogene, ferne, kaum vernehmbare Pfeifen der Lokomotive, das aus Richards behutsam zugespitztem Munde tönt, und öffnete die Augen.

Morgensonne lag in der Wohnkuche... (L. Frank. «Karl und Anna»).

В тех случаях, когда основное повествование содержит глаголы в претерите, не исключена возможность их употребления в предложениях дополнительной линии, излагающих нереальные действия. Поскольку при этом в главной и дополнительной линиях глаголы стоят в одной и той же временной форме — в претерите, разграничение модальных планов, маркирование перехода от реальных событий главной линии к нереальным событиям дополнительной линии осуществляется при помощи лексических средств существительного *der Traum* или других аналогичных по значению слов.

Употребление претерита в предложениях, описывающих нереальные действия, может наблюдаться и тогда, когда содержание дополнительной линии подобного абзаца имеет важное значение для характеристики персонажа, для описания связанных с ним событий и т. п. Использование в предложениях дополнительной линии той же временной формы, что и в предложениях главной, и подчеркивает важность ее содержания.

Претерит в главной и дополнительной линиях рассматриваемых абзацев может служить для подчеркивания постепенности, «плавности» перехода от реального к нереальному.

In dieser Nacht, der ersten, die sie allein in einem fremden Raum verbrauchte, schritt Mathilde im Traum über die Wogen des Meeres auf das Pfarrhaus zu, das als Überseedampfer schon in voller Fahrt war und sie immer weiter forttrug von ihrem bisherigen Leben... Am fernen Horizont und doch ganz nah stand ein Mann in einem Ruderboot und wartete auf sie... Der Prinz ohne Gesicht hob sie heraus und behielt sie gleich in den Armen. Sie

wehrte sich. Ihr Herz tobte. Sie drehte die Nachttischlampe an (L. Frank. «Mathilde»).

Начало и конец этого абзаца относятся к главной линии — изложению реальных событий, остальная его часть — к дополнительной — описанию сна. «Плавность» перехода от нереальности к реальности особенно хорошо чувствуется в конце абзаца. Предложение «Ihr Herz tobte» может по своему содержанию относиться и к дополнительной и к главной линии. Оно является связкой между дополнительной линией и конечным компонентом, относящимся к главной линии этого «рамочного» многолинейного абзаца. Осуществлению данной функции указанного предложения способствует употребление в предложениях главной и дополнительной линий одной и той же временной формы — претерита.

Задачу разграничения модальных планов повествования временные формы выполняют и в абзацах, где излагается описание картин, скульптур и т. п. То, что изображено на картине, не относится к реальной сюжетной действительности, а принадлежит к нереальному плану. Поэтому при описании картин, скульптур и т. п. используются временные формы, отличные от тех, которые употреблены при описании событий и действий. В данном случае, как и при описании снов, глаголы в предложениях, относящихся к нереальному плану, чаще всего стоят в презенсе.

Sie (Josefa) war ein gutes, geduldiges Modell. Gerade aufgerichtet, wie er sie geheiß en hatte, saß sie auf ihrem Stuhl, einen kostbaren, etwas steifen Schal um die Schultern ...Er sah sie mit Liebe; er verschonte sie nicht, doch verjüngte er sie ein wenig. Da sitzt sie, sie trägt den Kopf hoch unter den schweren Zöpfen des goldroten Haares, den Schmallippigen Mund unter der großen Nase hält sie fest geschlossen... Die Hände aber liegen schwer auf den Knien, sie steck'en in grauen Handschuhen, die Finger der linken liegen steif und seltsam gespreizt über der rechten.

Es war ein gutes, liebevolles, doch kein frohliches Bild (L. Feuchtwanger. «Goya»).

В произведениях художественной литературы временные формы могут служить для разграничения разных видов речи, например авторской от размышлений персонажей. Если в предложениях авторского повествования глаголы стоят в претерите, то в той части абзаца, где излагаются мысли действующих лиц, — в форме презенса.

Sie (Karla) fing lautlos an zu weinen, und sie wischte sich die Tränen mit der bloß en Hand ab, sie lachte verzweifelt: Es hat keinen Sinn. Es ist anständig, aber es hat keinen Sinn. Ich kann nicht mehr glauben, daß es gut und sinnvoll ist, sich wegen

so einer alten Geschichte das Leben kaputt zu machen. (B. Reimann. «Das Gestöndnis»).

Временные формы служат и для разграничения авторской речи и внутреннего монолога персонажей произведения. В предложениях авторской речи употребляется чаще всего претерит, в предложениях, содержащих внутренний монолог,—презент.

Robert lief durch den Regen zur U-bahn und beschimpfte sich ...Robert Iswall kann man nur raten... Na, was könnt ihr ihm raten, ihr Experten, ihr Kenner, ihr Fachleute, Neunmalklugen, Siebenmalgescheiten, Besserwisser und Salomone, was steht dann so in euren Büchern? Ich sage euch: nichts steht da, und nichts wißt ihr, denn ihr wart nicht dabei, als Riech und Iswall Freunde waren, und da fehlt euch der Anfang von allem (H. Kant, «Die Aula»).

В абзацах, содержащих несобственно-прямую речь (кроме внутреннего монолога как ее разновидности), в предложениях авторской речи и в предложениях, передающих несобственно-прямую речь, употребляется, как правило, одна и та же временная форма глагола. Однако встречаются случаи, когда в части абзаца, излагающей авторскую речь, употребляется претерит, а в части абзаца, включающей несобственно-прямую речь,—презент.

Groß, blond, dünn saß Kathe Severin vor der Maschine, ihre fleischlosen Hände schlugen geübt auf die Tasten. Wenn ihr Stiefbruder Paul ihr Auftrag gegeben hat, dieses dicke Manuskript "Richard Wagner" abzuschreiben, dann auch nur, weil er sie nicht ganz unbeschäftigt herumsitzen lassen will. Denn nötig hat er die Kopien nicht. Das Buch ist eine einzige scharfe Kritik an der Erscheinung Richard Wagner; für so was findet er in dieser Zeit keinen Verleger (L. Feuchtwanger. «Die Bruder Lautensack»).

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА АБЗАЦЕВ КАК
СВЕРХФРАЗОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Рассмотрение вопросов, относящихся к целому тексту, сопоставление взглядов различных ученых на его характер и особенности приводит к выводу, что целый текст не является СФЕ, так как он не обладает специфической синтаксической структурой, не имеет четко определенных границ, показателей, маркирующих эти границы, и т. д. Структурные признаки, которые определяются рядом авторов как признаки целого текста и на основании которых его считают СФЕ, являются не признаками его в целом, а лишь отдельных его отрезков. Именно последние имеют свою особую синтаксическую структуру и свои границы, которые маркируются формальными показателями. Текст же образуется из сочетания связанных между собой его отрезков.

Все сказанное выше о соотношении между целым текстом и его отрезками в полной мере относится и к абзацу, определяемому нами именно как такой структурированный отрезок текста.

Абзац, таким образом, может быть рассмотрен в двух аспектах: с одной стороны, — это самостоятельная СФЕ, с другой — часть более крупного речевого произведения — целого текста. Этой двuasпектностью определяется, в частности, специфика элементов его структуры, функции которых могут быть разнонаправленными. Они могут быть направлены «внутрь» абзаца и реализоваться в нем самом. В этих случаях данные элементы определяют его внутреннюю структуру как самостоятельной СФЕ и являются, следовательно, элементами внутренней структуры абзаца. Направленные вне абзаца, они определяют его статус как части целого текста, т. е. служат, с одной стороны, для отграничения отдельных абзацев друг от друга, а с другой — для объединения данного абзаца с другими. В последних случаях эти единицы могут быть определены как элементы внешней структуры абзаца.

Итак, мы различаем внутреннюю и внешнюю структуру абзаца. Внутренняя структура — это совокупность средств, выполняющих свои функции в пределах одного абзаца и конституирующих его как самостоятельную СФЕ. Внешняя структура — это совокупность средств, служащих для отграничения абзацев,

друг от друга, а также для сцепления их друг с другом и определяющих его статус как части более крупного речевого произведения, как части целого текста.

Вопросы, относящиеся к характеристике абзаца как отрезку текста, не нашли по существу отражения в лингвистической литературе, хотя актуальность и необходимость изучения этого аспекта абзаца представляется очевидной. В работах ряда авторов ставится вопрос о возможности выделения более крупных единиц речи, чем абзац, промежуточных между абзацем, т. е. между структурированным отрезком текста, и целым текстом (18; 98; 114). Для его решения необходимо изучение закономерностей «выхода» абзаца в целый текст, описание средств, способствующих сцеплению отдельных абзацев в тексте, выявление наличия или отсутствия структурных признаков у названных промежуточных образований и т. д., исследование всего комплекса проблем, связанных с внешней структурой абзаца.

Отдельные попытки выделения и описания образований, состоящих из нескольких отрезков текста, мы встречаем у сторонников рассмотрения ССЦ как СФЕ. Так, утверждая, что ССЦ может состоять из нескольких абзацев, ряд авторов тем самым выделяет единицу, промежуточную между абзацем и целым текстом. Однако никакой характеристики ССЦ такого объема не дается, не показывается, вернее, даже не упоминается о различии в структуре ССЦ, составляющих часть абзаца, совпадающих с ним или состоящих из нескольких абзацев. Это, по-видимому, объясняется тем, что исследователи не обнаруживают здесь никаких различий, рассматривая все эти разнообъемные образования как одну сверхфразовую единицу — ССЦ (45; 49; 82).

Абзац как структурированный отрезок целого текста может либо полностью излагать содержание какой-либо темы (в этих случаях он отличается по характеру выражаемой им темы от других абзацев текста, выражающих содержание других тем), либо излагать лишь часть, раздел целой темы. Вся тема в этом случае излагается несколькими (двумя или более) абзацами. Группа абзацев, каждый из которых выражает раздел, часть единой для всей группы абзацев темы, образуют, таким образом, некую тематическую общность. Такая группа абзацев, объединенная единством выражаемой ими темы, может быть названа тематическим единством (ТЕ) абзацев. Оно представляет собой промежуточное образование между абзацем и целым текстом. Абзац, излагающий часть темы, непосредственно «выходит» в ТЕ и лишь через него, т. е. опосредованно, — в целый текст.

Все описанные элементы внутренней структуры абзаца могут выполнять и функции элементов его внешней структуры, кото-

рые подразделяются на объединительную и разграничительную.

Выступая в роли первой, элементы внешней структуры абзаца служат для объединения отдельных абзацев. Объединительная функция большинства элементов внешней структуры абзаца проявляется чаще всего в пределах одного ТЕ абзацев. Функционируя внутри тематически объединенной группы абзацев, элементы внешней структуры и способствуют объединению их в ТЕ.

Если элементы внешней структуры абзаца употреблены в объединительной функции в пределах одного ТЕ, то, сцепляя отдельные абзацы друг с другом внутри него, они одновременно как бы отграничивают различные ТЕ друг от друга, выполняя тем самым и разграничительную функцию, поскольку в другом, следующем ТЕ данные элементы в большинстве случаев уже не употребляются.

Разграничительная функция элементов внешней структуры абзаца может проявляться как на стыках абзацев или ТЕ абзацев, излагающих разные темы, как и внутри одного ТЕ, когда отдельные абзацы внутри такого единства отграничиваются друг от друга. Как видим, разграничительная функция элементов внешней структуры абзаца не связана, как это имеет место при их объединительной функции, с наличием или отсутствием у абзацев тематической общности.

Природа ТЕ абзацев обуславливает роль различных элементов внешней структуры абзаца в формировании этих единств. Поскольку они образуются на семантической основе — на базе единства содержания составляющих их абзацев, — ведущую роль в их создании играют лексические элементы (различные виды повторов, субститутов и др.). Другие элементы внешней структуры абзаца выступают в ТЕ главным образом во взаимодействии с последними, «поддерживая» их, «усиливая» объединение абзацев в ТЕ.

Рассмотрим функции отдельных элементов внешней структуры абзаца. Поскольку специфика их объединительной функции наиболее наглядно проявляется внутри ТЕ абзацев, уделим главное внимание описанию ее именно в этих случаях. Подобное рассмотрение позволяет более детально выяснить особенности ТЕ как промежуточных образований между абзацем и целым текстом. В связи с тем, что разграничительная функция элементов внешней структуры абзаца не обязательно связана с его тематической общностью абзацев, проследим ее проявление как на стыках ТЕ, так и отдельных абзацев.

Лексические средства сцепления как основной элемент внешней структуры абзаца, способствующий формированию ТЕ, чаще всего осуществляют объединительную функцию внутри их

комплексно, т. е. объединению отдельных абзацев в ТЕ способствуют одновременно несколько таких лексических средств.

Первые шесть абзацев романа Г. Канта "Die Aula"* излагают разделы одной темы; описание того, как главный герой романа Роберт Извалл сидит за пишущей машинкой, собирается работать и ждет появления первых мыслей. Таким образом, указанные абзацы образуют тематическое единство. Главный смысловой элемент данного ТЕ абзацев — ожидание первой мысли. Объединение этих шести абзацев в ТЕ осуществляется при помощи целого ряда лексических средств как элементов внешней структуры абзацев рассматриваемого единства. Это дословный повтор главного смыслового элемента (*der Gedanke — der Gedanke*), употребление однокоренных слов (*denken — der Gedanke*), субститутов (*der Gedanke—er*), контекстуальных синонимов (*der Gedanke—die Beuteder Anfang*) и т. д.

В следующем тематическом единстве абзацев лексические средства того же содержания, что и объединяющие друг с другом абзацы рассмотренного выше ТЕ, уже не встречаются. Это объясняется тем, что следующее единство абзацев излагает другую тему и в ней другой, отличный от первого единства главный смысловой элемент. Поскольку перечисленные повторы, синонимы, субституты и другие лексические средства первого ТЕ абзацев связаны с главным смысловым элементом этого единства, вследствие этого указанные лексические средства и не могут быть употреблены во втором ТЕ абзацев.

Функционируя в пределах сферы действия главного смыслового элемента, указанные средства способствуют объединению отдельных абзацев в ТЕ, выполняя тем самым объединительную функцию. Прекращение их функционирования сигнализирует об окончании сферы действия этого главного смыслового элемента и, следовательно, о завершении данного ТЕ абзацев, об отграничении его от другого, следующего за ним, ТЕ.

Объединительная и разграничительная функция лексических средств в ТЕ может осуществляться и другими способами. Так, в начальном и завершающем абзаце ТЕ могут повторяться одни и те же лексические показатели. В начальном абзаце их вводят в содержание ТЕ, в завершающем абзаце они это содержание подытоживают. Все единство оказывается как бы заключенным в рамку, создаваемую начальным и завершающим абзацами ТЕ. Начальный и завершающий абзацы таких ТЕ могут быть названы обрамляющими абзацами. Указанные лексические показатели в обрамляющих абзацах, с одной стороны, объединяют

* См. пример на с. 55—56. В данном случае мы не останавливаемся на принципах выделения этих абзацев, а рассматриваем их так, как их выделил автор.

абзацы внутри рамки в одно ТЕ (объединительная функция), а с другой — отграничивают данное ТЕ абзацев от других единств, находящихся за пределами рамки (разграничительная функция).

Der Tag hatte eigentlich wie alle anderen begonnen... Für meine Eltern begann er, wie Tag eben beginnt, wenn der Mann um sieben zur Arbeit fahren muß und im Stall ein Haufen Viehzeug nach Futter verlangt.

So war es jeden Morgen: meine Mutter klapperte mit den Tellern... und mein Vater erklärte unserer Ziege, die sich wieder einmal nicht melken lassen wollte, sie sei ein ganz "obstinates Beest"...

Wenn meine Mutter ihm die Tasche mit dem Essen und einer Blechflasche voll Kaffee an das Fahrrad gehängt hatte, fuhr er zur Arbeit...

Wenn mein Vater fort war, klopfte meine Mutter an die Schlafstube und fragte, ob sie es vielleicht noch einmal tun solle. So war es auch an diesem Tag gewesen... (Н. Кант «Kronungstag»).

В начальном и в завершающем абзацах данного ТЕ употребляется одинаковый по смыслу лексический показатель: Der Tag hatte eigentlich wie alle anderen begonnen" и So war es auch an diesem Tag gewesen. Все ТЕ находится внутри рамки, создаваемой обрамляющими абзацами, в которых употреблены вводящий и подытоживающий содержание данного единства лексические показатели. Эти же показатели отграничивают данное тематическое единство абзацев от находящихся за пределами рамки, предшествующих ему и следующих за ним ТЕ.

Содержание некоторых элементов отдельных абзацев ТЕ в ряде случаев оказывается непонятным без раскрытия его при помощи опоры на другие абзацы единства. В одних случаях — это опора на лексическое значение определенного слова, употребленного в другом абзаце ТЕ, в другом — опора на все содержание одного из абзацев, в третьем — это опора на все содержание ТЕ. Сюда относится прежде всего раскрытие значения окказиональных синонимов, словосочетаний, стилистически окрашенных слов и т. п.

В рассмотренном выше отрывке из романа Г. Канта "Die Aula" в начальном предложении последнего абзаца ТЕ, которое представляет собой этот отрывок, употреблено существительное die Beute, являющееся контекстуальным синонимом существительного der Gedanke, которое встречалось ранее, в предшествующих абзацах. Значение этого синонима в данном случае может быть раскрыто только при опоре на предыдущие абзацы, где было употреблено само существительное.

Полное раскрытие содержания лексических элементов или содержания отдельных абзацев внутри ТЕ при помощи опоры на семантику других элементов также способствует более тесному сцеплению абзацев и объединению их в одно ТЕ. Элементы внутри последнего, способствующие раскрытию значения других элементов этого единства, могут быть названы опорными элементами такого единства. Они способствуют более тесному сцеплению абзацев и объединению их в ТЕ и являются, таким образом, одной из разновидностей элементов внешней структуры абзаца.

Значительная роль в формировании ТЕ принадлежит лексическим элементам в составе начальных предложений абзацев внутри такого единства.

В начальных предложениях абзацев употребляются одни и те же лексические элементы или их варианты; соотносясь друг с другом своим значением, они способствуют сцеплению абзацев, в которых они употреблены, в ТЕ, а также его отграничению от других единств, в которых отсутствуют лексические элементы, соотносящиеся своим значением с лексическими элементами данного тематического единства.

Er (Enno Kluge) liegt ganz still in dem schmalen Bett, die Hände gewissermaßen an der Hosennaht, und starrt gegen die Decke. Er zittert vor Kälte, vor Erschöpfung, vor Schmerzen. Aber er spürt das gar nicht...

Um diese Zeit schlafen auch alle Persickes, es schlafen Frau Gesch und Frau Kluge, es schläft das Ehepaar. Borkhausener hat der Otti wortlos erlaubt, zu ihm ins Bett zu kriechen.

Es schläft geängstigt, schwer atmend, Frau Rosenthal. Auch die kleine Trudel Baumann schläft. Sie hat am Nachmittag einem ihrer Verschworenen zuflüstern können, daß sie unbedingt etwas mitteilen müsse...

Frau Anna Quangel, die im Bett liegt, aber nicht schlafen kann, hält noch immer ihren Mann für völlig kalt und herzlos. Wie er die Nachricht von Ottochens Tod aufnahm...

Frau Anna Quangel liegt im Dunkeln im Bett, während ihr Mann wie immer um diese Nachtzeit in seiner Werkstatt steht und aufmerksam jeden Arbeitsgang verlogt. Sie haben ihn nicht zur technischen Leitung wegen Verbesserung für Fabrikation gerufen. Um so besser.

Der Kammergerichtsrat a. D. Fromm wacht noch, wie immer ist er in der Nacht wach. Er schreibt mit seiner kleinen gestochenen Schrift einen Brief... (H. Fallada. «Jeder stirbt für sich allein»).

Здесь лексические элементы начальных предложений абзацев соотносены друг с другом своим значением; в первом, четвертом и пятом абзацах — это повторы *liegt im Bett*, во втором и в

третьем абзацах — это также повторы *schlafen* — *schläft*. Лексические элементы начальных предложений первого, четвертого и пятого абзацев, с одной стороны, и лексические элементы начальных предложений второго и третьего абзацев, с другой — соотносены друг с другом по сходству значений и могут в данном контексте рассматриваться как синонимы. Лексический же элемент начального предложения шестого абзаца *wacht, ist in der Nacht wach* соотносится с лексическими элементами начальных предложений первых пяти абзацев по противопоставлению значения, он является их антонимом. Совокупность указанных лексических элементов одного тематического плана способствует объединению всех абзацев отрывка, связанных друг с другом своим содержанием, в ТЕ.

Содержание начального предложения первого абзаца ТЕ может относиться не только к этому абзацу, но и ко всему единству. Вводя тему всего единства, это предложение «проецируется» на свое содержание, способствуя тем самым более тесному сцеплению друг с другом абзацев, связанных общностью излагаемой темы.

Die Zusammenkunft der ILK ging unauffällig vor sich. Kurz vor der festgesetzten Zeit begab sich Bochow nach dem vereinbarten Treffpunkt. ...Auf dem dunklen Reviergelände betrat Bochow eine Baracke, die als Lagerraum für Krankenutensilien diente... Die Genossen des ILK, die hier um eine Kerze hockten, unterbrachen ihr Gespräch und blickten Bochow entgegen. Der kauerte sich zu ihnen und hörte dem Streit zu, der gegen Josef Pribula entbrannt war. ...

Die Beschreibung hatte keine halbe Stunde gedauert, und die Genossen verließen einzeln und unauffällig den Tagungsort. Sie verteilten sich auf ihre Blocks (H. Fallada. «Nuckt unter Wölfen»).

К грамматическим элементам внешней структуры абзаца относятся: актуальное членение (функциональная перспектива) предложений-компонентов абзаца; структура предложений-компонентов абзаца; залоговые и временные формы глагола.

Функции актуального членения как элемента внешней структуры абзаца состоят во взаимодействии тематических и рематических элементов предложений-компонентов абзацев внутри ТЕ, в первую очередь — начальных и конечных предложений этих абзацев. Средствами их выражения являются: порядок слов, интонация и артикль.

Объединение абзацев внутри ТЕ может происходить при помощи выделения рематических элементов начальных предложений абзацев, осуществляемого при помощи различных средств выражения этого выделения.

Wir fingen zu sprechen an...

Über den Krieg, unsere Gegenwart, hatten wir kein Wort mehr zu verlieren. Zu oft und zu innig hatten wir seine Zähnefleetschnerde Frätze gesehen...

Auch die Zukunft konnte nicht Gegenstand dieser Gespräche sein. Sie war ein schwarzer Tunnel voll spitzer Ecken, an denen wir uns stoßen würden, und wir hatten Furcht vor ihr. ...

Wir sprachen von der Vergangenheit, von jener kümmerlichen Andeutung dessen, was unsere Väter vielleicht Leben genannt hatten... (H. Böll. «Wiedersehen in der Alle»).

Во втором абзаце этого тематического единства рема начального предложения дополнение Krieg, Gegenwart вынесена на первое место, что подчеркнуто инверсией и обеспечивает эмфатический порядок слов: рема выделена логическим ударением.

В третьем абзаце рема начального предложения — подлежащее Zukunft — также вынесена на первое место. Здесь прямой порядок слов, а рема также выделена логическим ударением.

В четвертом абзаце рема начального предложения Vergangenheit стоит в нормальной для него позиции — в конце предложения. Если бы этот абзац не входил в ТЕ, в данном случае не было бы необходимости в дополнительных средствах выделения ремы его начального предложения. Однако поскольку этот абзац является частью ТЕ абзацев и рема его начального предложения связана с ремой начальных предложений первых двух абзацев этого единства, ее содержание противопоставлено содержанию их ремы, она, несмотря на свою «нормальную» позицию в конце предложения, также подчеркивается логическим ударением. Таким образом, обычный порядок слов этого предложения также дополняется элементом эмфазы — логическим ударением.

Рематические элементы второго, третьего и четвертого абзацев рассматриваемого ТЕ, выделенные здесь в первую очередь эмфатическим средством — логическим ударением, — способствуют объединению этих абзацев внутри единства.

Актуальное членение как грамматический элемент внешней структуры абзаца выполняет свою объединительную функцию во взаимодействии с лексическим элементом этой структуры в данном ТЕ абзацев — с содержанием начального предложения первого абзаца. Если оно способствует объединению второго, третьего и четвертого абзацев, то содержание начального предложения первого абзаца относится ко всем абзацам тематического единства, формулируя его тему — беседу офицеров во время трапезы. Таким образом, актуальное членение выступает здесь в объединительной и разграничительной функциях в качестве дополнительного, вспомогательного элемента внешней структу-

ры абзацев. Последняя в данном ТЕ состоит в том, что прекращение соотнесенности содержания рематических элементов начальных предложений абзацев сигнализирует о завершении этого единства.

Объединение абзацев внутри ТЕ может происходить путем сцепления ремы конечного предложения предшествующего абзаца и темы начального предложения последующего.

Außer dem von Melun, Augustin Colinne, wußten nur der alte Jules und die Haushälterin Elmire von der Anwesenheit des Hausherrn. Da Foullon aber selbst seinen beiden Bedienten nicht traute, durften sie das Haus nicht verlassen. Boten des Maires brachten Nahrungsmittel und Post.

Die ersten Briefe aus Versailles versetzten Foullon in froheste Stimmung. Der Hof gab die Hoffnung, den Volksaufruhr zu ersticken, nicht auf. Wenn auch der König den ihr demütigenden, für ihn schnachvollen Weg ins Pariser Rathaus angetreten hatte, seine Pläne blieben die gleichen: es galt, das Volk in Sicherheit zu niegen, um es zu überlisten. Die Armee war intakt... [W. Bredel. "Der Generalintendant des Königs"].

Объединению этих абзацев в ТЕ способствует сцепление ремы конечного предложения первого абзаца — Post и темы начального предложения второго абзаца — Briefe. Интересно отметить, что функциональная перспектива конечного предложения первого абзаца сориентирована на то, чтобы служить средством сцепления с последующим абзацем, она как бы «проецируется» на него. Если бы функциональная перспектива конечного предложения первого абзаца была направлена в сторону своего же абзаца, членение его на тему и рему было бы другим: Die Bedienten durften das Haus nicht verlassen. Nahrungsmittel und Post brachten Boten des Maires, т. е. его ремой в этом случае служило бы Boten des Maires. В представленном же виде рема Post непосредственно сцепляется с темой начального компонента Briefe, чем и достигается объединение обоих абзацев в ТЕ.

В данном случае актуальное членение как грамматический элемент внешней структуры абзаца выступает во взаимодействии с лексическими элементами: значение темы и ремы наслаивается на лексическое значение слов Briefe и Post, являющихся синонимами. Синонимический повтор их и является основным средством, сцепляющим оба абзаца в ТЕ.

Объединению абзацев может способствовать сочетание темы конечного предложения предшествующего абзаца и темы начального предложения последующего абзаца.

Es war fast finster, aber man sah doch, daß bei uns hinten den Wagen eigentlich nichts fehlte, obgleich sie schief standen. Aber vorn — fünfzehn oder zwanzig Schritte weiter vorn! Nicht umsonst

hatte der Stoß in sich so abscheulich gekracht. Dort war eine Trümmerwüste — man sah ihre Ränder, wenn man sich näherte, und die kleinen Laternen der Schaffner irrten darüber hin.

Nachrichten kamen von dort, aufgeregte Leute, die Meldungen über die Lage brachten. Wir befanden uns dicht bei einer kleinen Station, nicht weit hinter Regensburg, und durch Schuld einer defekten Weiche war unser Schnellzug auf ein falsches Geleise geraten... [Th. Mann. "Das Eisenbahnglück"].

Тема конечного предложения первого абзаца dort и тема начального предложения второго абзаца dort во взаимодействии с лексическим повтором наречия dort способствуют объединению обоих абзацев.

Объединению абзацев внутри ТЕ может способствовать характер функциональной перспективы начального предложения. Рема этого предложения «спроецирована» в этом случае на содержание предыдущего абзаца и способствует тем самым объединению обоих абзацев.

...Mit den Klassikerbänden war es seltsam, ich hatte beide Ausgaben nämlich schon einmal gelesen, Shakespeare in der Gefangenschaft, und Goethe unendlich weit davor. Einmal, in der Gefangenschaft, habe ich in einem Lebensmittelkonsum gearbeitet. ...Im Keller lagen sechs große Kisten mit Büchern. ...In einer waren die Shakespearebände. Es war meine erste Begegnung mit Falstaff und Hamlet und den blutigen Königen. ...

Mit Goethe bin ich schon in meiner Lehrzeit bekannt geworden... Ich sah auf einem Schrank den Umriß eines Bücherstapels... Und am Abend hatte ich den Faust, den ersten Teil, gelesen... [H. Kant. "Die Aula"].

Оба приведенных абзаца связаны друг с другом своим содержанием. Рема конечного предложения второго абзаца mit Goethe вынесена в этом предложении на первое место, она выделена эмфатическим порядком слов, чем достигается указание на непосредственное продолжение изложения повествования, начатого в первом абзаце, на тесную связь содержания обоих абзацев. В этом случае характер функциональной перспективы предложения выполняет объединительную функцию в сочетании с лексическими элементами. Содержание предложения Mit den Klassikerbänden... unendlich weit davor относится к обоим абзацам данного единства*, во втором абзаце встречается повтор Goethe и др.

Возможность объединения абзацев при помощи артикля как

* Два предложения, открывающие этот абзац, не относятся непосредственно к его содержанию, это как бы вводные предложения. Поэтому тематическое единство абзацев начинается фактически с третьего предложения.

одного из средств выражения функциональной перспективы вытекает из характера его коммуникативной функции: неопределенный, как правило, оформляет ремю, а определенный — тему высказывания. Следовательно, если какой-либо элемент одного из предложений абзаца является его ремой и, будучи введен в абзац впервые, сопровождается неопределенным артиклем, то, встречаясь в следующем абзаце, чаще всего в его начальном предложении, повторно и являясь его темой, он употребляется уже с определенным артиклем. Сочетание неопределенного и определенного артиклей, оформляющих один и тот же лексический элемент в первом случае в качестве ремы, а во втором — в качестве темы соответствующих предложений абзацев, и способствует, во взаимодействии с лексическим повтором этого элемента или его синонима, объединению абзацев внутри их единства, например:

Zusammen mit dem Heilgehilten, der Tee und Gebäck, brachte, betrat ein preußischer Major die Lazarettkammer, salutierte, vor dem Obersten und bat um die Erlaubnis, einen Blick auf den "Hochwohlgeborenen Verwundeten" werfen zu dürfen.

Oberst von Swinwn erhob sich und reichte dem Major die Hand. Ihm war nicht unlieb, daß ein Besich die tristen Stunden des Wachens verkürzten. Der Preuße, mit Namen Arnold Gründtner, ein Universitätsprofessor aus Greifswald, bediente sich der französischen Sprache, obwohl er auf den ersten Blick sah, daß der Oberst ein Russe war... [W. Bredel. "Der Tod des Genarals Moreau"].

Одним из грамматических элементов внешней структуры абзаца может являться синтаксический параллелизм, сущность которого состоит в аналогичном характере синтаксической структуры предложений-компонентов абзацев внутри ТЕ. Последняя взаимодействует с лексическими элементами внешней структуры абзаца: для указанных предложений характерен повтор их лексического состава.

Объединение абзацев внутри ТЕ может осуществляться при помощи синтаксического параллелизма начальных предложений абзацев.

Damals, als wir zum zweiten Male unsere Ruhe und Reserve mit Exerzieren und Langeweile dort [im Dorf] abzumachen hatten, ging es bergab mit ihr [Renee]. Sie hielt nicht mehr auf sich...

Damals, als wir zum zweiten Male in das Dorf kamen, hatte ich mich gleich krank gemeldet. Ich hatte mir eine Krankheit ausgesucht, derentwegen der Arzt mich unbedingt zum Spezialarzt nach Amiens oder Paris fahren lassen mußte... [H. Böll. "Unsere gute, alte Renee"].

Объединению абзацев внутри тематического единства может

способствовать также синтаксический параллелизм конечных предложений абзацев.

Er [David] wurde an etwas erinnert, daß er nicht wußte, und zuerst war das ein freundliches Erinnern. Immer, wenn sein Vater das Meisterwerk der International Watch Company aufgezogen hatte, ließ er die Uhr vor den Augen seines Sohnes pendeln und sagte dabei: "Die hat dir der Herr Blumenthal geschenkt!" So kam es, daß eine lustig blinzelnde Helle und das fröhliche Gesicht seines Vaters in Davids Kopf eins wurde mit dem Namen des Herrn Blumenthal.

...Seine Mutter sagte: "Wenn du groß bist, wirst du noch viel lernen dürfen, dafür hat der Herr Blumenthal gesorgt!" So kam es, daß die Lust am Raten und Entdecken und seltenen Minuten, in denen seine Mutter nicht gar ängstliche Augen hatte, in Davids Kopf eins wurde mit dem Namen des Herrn Blumenthal.

Manchmal, wenn das Wort Geld öfter als sonst ausgesprochen wurde hörte David seine Elterh einander sagen, aber dem Jungen werde wenigstens diese Sorge erspart, der werde nicht kratzen müssen und nicht buckeln, da habe der Herr Blumenthal vorgebaut. Und so kam es, daß ein Gefühl von ferner Ruhe und unbestimmter und doch bestimmter Erleichterung in Davids Kopf eins wurde mit dem Namen des Herrn Blumenthal... (H. Kant. "Das Impresum").

Первый и второй абзацы отрывка объединены при помощи синтаксического параллелизма их конечных предложений. В третьем абзаце синтаксическую структуру, аналогичную структуре конечных компонентов первых двух абзацев, имеет, однако, не конечное предложение, а одно из его срединных предложений. Объяснение этого следует, на наш взгляд, искать в архитектонике и композиции произведения.

Если первый и второй абзацы содержат по одному отрезку общей для всего единства абзацев темы, то третий излагает два отрезка ее: еще один аспект заботы господина Блюменталья о Давиде и судьбу господина Блюменталья. Если бы третий абзац выражал, как и каждый из первых двух, один отрезок темы, его конечное предложение имело бы синтаксическую структуру, аналогичную структуре конечных предложений первых двух, и налицо был бы синтаксический параллелизм конечных предложений трех абзацев тематического единства. Но тогда предложение с аналогичной структурой отсутствовало бы в четвертом абзаце, что нарушило бы архитектонику отрывка. Если же два отрезка темы объединены в один абзац, то и в нем наличествует предложение, поддерживающее основу этого отрывка,— синтаксический параллелизм структуры предложений в каждом из абзацев. Таким образом, здесь синтаксический параллелизм

служит не только для объединения абзацев. Как отмечает Э. Г. Ризель, «если параллелизм свойствен не отдельным предложениям, а распространяется на большие отрезки, он получает архитектурное значение» (142, 249). Данный пример подтверждает также тезис Т. И. Сильман о том, что в отрезках текста, превышающих своим объемом абзац, вступают в силу повествовательные закономерности литературного произведения, его композиционные принципы (80).

Данный пример является, кроме того, также иллюстрацией известного субъективизма автора при выделении абзацев, в данном случае — это объединение двух отрезков темы в один абзац по композиционно-архитектоническим причинам.

Объединение абзацев внутри ТЕ может осуществляться также при помощи предложений, имеющих структуру риторического вопроса. Обычно это начальное предложение абзаца, связывающее его содержание с содержанием предыдущего. Помимо объединения абзацев риторический вопрос придает содержанию высказывания определенную эмоциональную окраску: автор старается обратить особое внимание читателя или слушателя на то, о чем пойдет речь дальше.

...Er [Tonio Kröger] ließ Frühstück kommen und ging dann aus unter den abschätzenden Blicken des Portiers und des feinen Herrn in Schwarz durch das Vestibül und zwischen den beiden Löwen hindurch ins Freie.

Wohin ging er? Er wußte es kaum. ...Die Muskeln seines Gesichts entspannten sich, und mit stille gewordenem Blick betrachtete er Menschen und Dinge...

Wohin ging er? Ihm war, als stehe die Richtung, die er einschlug, in einem Zusammenhang mit seinen traurigen und seltsam ruhvollen Träumen zur Nacht...

Wohin ging er? Heimwärts. Aber er nahm einen Umweg, machte einen Spaziergang vors Tor hinaus, weil er Zeit hatte... [Th. Mann. "Tonio Kröger"].

Здесь в качестве одного из грамматических элементов внешней структуры абзаца выступает страдательный залог глагола. Как пишет Е. И. Шендельс, «пассив дает возможность поместить в фокусе внимания нужное понятие и сосредоточить вокруг него информацию» (96, 129). Поэтому пассив, в особенности двучленный, находит широкое распространение в художественной прозе. «Фокусируя» внимание читателя или слушателя на какой-либо смысловой элемент, он выполняет эту функцию как во всем ТЕ абзацев, так и в отдельных абзацах внутри последнего, выступая, таким образом, одновременно и в качестве элемента внутренней структуры абзаца.

Пассив выполняет функцию объединения абзацев внутри

тематического единства во взаимодействии с лексическим элементом внешней структуры абзаца: в соответствующих абзацах ТЕ повторяется смысловой элемент или его синоним, характеризующий страдательным залогом. Прекращение его употребления в тематическом единстве абзацев сигнализирует о завершении его функций, а тем самым, как правило, и об окончании тематического единства абзацев.

Krämer zwängte durch die Wartenden in den Ambulanzraum hinein. Hier herrschte Hochbetrieb. Schubweise wurden die Kranken hereingelassen; immer zehn Mann zugleich. Der saure Ichtyolgeruch und der von Körperwärme aufdringlich ausgedünstete Wundgeschmack machten die Luft im Raum zum Atem kaum noch brauchbar. Häftlingspfleger in abgetragenen weißen Leinenkitteln fertigten die Kranken ab. Stumm und routiniert wurde gearbeitet. Sie zertritten die verschmutzten und zerfleinerten Papierbinden von den Gliedmaßen, reinigten die Wunden, die von einem schwarzen Krustenring verhärteter Ichtyolsalbe umgeben, brandig klafften. Mit dem Holzspatel strichen sie einen Kleks frischen Ichtyols über die Wunde breit. Schnell und geübt wurde eine neue Kreppbinde umgewickelt, wie die Papiermanschette um den Blumentopf. Kaum ein Wort wurde dabei gesprochen.

Die knappe Zeitspanne zwischen Abendappel und dem Abpfeifen für die Nacht mußte genutzt werden. Mit einem sanften Druck ins Kreuz schob der Pfleger den Patienten von sich fort. "Fertig, der nächste".

Dieser nächste hatte die Hosen schon heruntergelassen und zeigte dem Pfleger, in wortloser Bitte ein schwarzblaues Ekzem auf dürrer Schenkel. Er wurde ausgesondert und humpelte. [B. Apitz "Nackt unter Wölfen"].

В качестве элемента внешней структуры абзаца могут употребляться и временные формы глагола. В абзацах, излагающих части общей для них темы и объединенных в ТЕ, глаголы используются, как правило, в одной и той же временной форме. При этом имеются в виду прежде всего однолинейные абзацы и ТЕ, состоящие из них. В ТЕ, состоящих из многолинейных абзацев, а также из абзацев разных линий, могут употребляться разные временные формы глаголов. В подобных ТЕ временные формы выполняют функции элемента внешней структуры поиниому, чем в ТЕ, включающих абзацы, излагающие одну линию повествования.

В одной из глав романа Э. Штриттматтера "Ole Bienkopp" рассказывается о жизни крестьян деревни Блюменау после войны.

Das erste Jahr nach dem großen Kriege war für die Dorfleute wie das Jahr Null. Es sah so aus, als begännen alle ihr

Leben von neuem. Gerechtigkeit in allen Stücken, bitte; nur kein Krieg wieder: Anton Dürr, Ole Bienkopp und andere Gerechtigkeitsprediger hatten es leicht.

Altbauer Serno kam gemakert, mit lappiger Haut vom Trock zurück. Er sah, jetzt aus wie ein halb geleerter Zweizentnersack und war sich nicht zu schade, einbeinig hinterm Pflug mit zwei geretteten Pferden einherzutrampeeln. Sein Leberleiden war verschwunden.

Sägemüller Ramasch arbeitete eigenhändig in der Lattersäge und schnitt Dachlatten zum Ausbessern kriegsbeschädigter Haus — und Stalldächer. Die Dachlatten schenkte er für ein paar Zigaretten her. Allerdings waren Zigaretten um diese Zeit eine wertbeständige Währung.

Mampe Bitter, der ehemalige Dorfschneider, kehrte saufselig und singend heim. Er hatte nichts zu verlieren. Was er brauchte, würde er finden. Die Welt und der Wodka lagen vor ihm.

Nicht zu reden von den fünfzehn Neubauern, die im Jahr Null unter den gleichen Bedingungen in eine neue Zukunft marschierten. Jeder hatte sechs Hektar Land, etwas Wald und etwas Wiese aus den Vorräten des geflüchteten Herrn von Wedelstedt erhalten. Die Dorfstraße war wie eine Startlinie, auf der Gang in ein neues Glück begann. Die neuen Bauern halfen einander und lebten in Frieden wie ausgebildete Christen. Alles hätte gut können zur Freude der Menschen im Himmel und auf Erden.

Aber welche Hexerei! Ein Jahr später löst sich das gedrängte Feld der Glücksucher auf. Es gibt Flußkranke, Auskenner, Leute, die mit den Ellenbogen stoßen...

Seitdem sind mehr als vier Jahre vergangen, und mit dem neuen Glück breitete sich neue Ungleichheit aus... [E. Strittmatter. "Ole Bienkopp"].

Претерит, употребленный в первых пяти абзацах данного отрывка, объединенных общностью темы жизнь крестьян в первый год после войны, способствует объединению их в одно ТЕ и его отграничению от тех частей отрывка, в которых излагаются другие темы события, происходившие соответственно через год и через пять лет, где использованы презенс и перфект.

Применение различных форм глагола в качестве элемента внешней структуры абзаца, в частности в разграничительной функции, способствует созданию временной перспективы повествования, более четкому разграничению времени совершения действий в различных его отрезках.

Наиболее употребительны временные формы как элемент внешней структуры абзаца в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, выделить временную разноплановость действий, в частности предшествование действий в одном ТЕ действиям

в другом. Это наблюдается главным образом при экскурсах в прошлое, воспоминаниях, описании причин событий, происходящих в повествовании, и т. д. Поскольку преобладающей временной формой глаголов в авторской речи в произведениях художественной литературы является претерит, для создания временного плана «предшествования» чаще всего употребляется плюсквамперфект.

Временные формы глагола выступают, как и другие грамматические элементы внешней структуры абзаца, во взаимодействии либо с отдельными лексическими элементами, либо с комплексом подобных элементов. Так, в приведенном на с. 120—121 отрывке из романа “Ole Bienkopp” временная перспектива создается взаимодействием соответствующих временных форм глагола с лексическими временными показателями: претерита — с *Das erste Jahr nach dem großen Kriege*, презенса — с *ein Jahr später*, перфекта — с *sind mehr als vier Jahre*. В первом ТЕ претерит выполняет объединительную и разграничительную функции в сочетании с целым рядом лексических элементов внешней структуры абзаца. Начальное предложение первого абзаца этого тематического единства *Das erste Jahr nach dem großen Kriege war für die Dorfleute wie das Jahr Null* относится не только к своему абзацу, но и ко всему их единству, оно формулирует тему всего единства: новая жизнь в селе в первый послевоенный год.

Конечное предложение последнего абзаца этого тематического единства *Alles hätte gut gehen können zur Freude der Menschen im Himmel und auf Erden* подытоживает содержание всего единства, выполняя одновременно две функции: объединительную и разграничительную. Объединительная функция этого предложения состоит в том, что, резюмируя своим содержанием то, о чем говорится во всех абзацах данного единства, оно подчеркивает тем самым их тематическую общность. В то же время, подытоживая содержание данного ТЕ абзацев, оно указывает на завершение ТЕ, отграничивая его от последующего абзаца, излагающего уже содержание другой темы.

Наконец, в начальных предложениях первого и последнего абзацев этого ТЕ употреблен повтор *das Jahr Null — im Jahr Null*, который также способствует объединению первых пяти абзацев в одно тематическое единство, которое как бы заключается в рамку, создаваемую обрамляющими первым и последним абзацами, содержащими его.

В ТЕ, состоящих из абзацев, излагающих содержание разных линий, временные формы глагола, выступающие в качестве элемента внешней структуры абзаца, выполняют свои функции, как упоминалось ранее, иначе, чем в описанных выше случаях.

Например, в ТЕ, состоящих из абзацев главной и дополнительной линий, могут употребляться не только одинаковые, но в некоторых случаях и различные временные формы глаголов. Это, в частности, наблюдается, когда в абзацах главной и дополнительной линий действия происходят в различных, с точки зрения автора, планах по отношению к реальности их совершения, например, действия в абзацах главной линии являются реальными, а в абзацах дополнительной — воображаемыми. Отделяя реальный план в абзацах главной линии от нереального в абзацах дополнительной, временные формы выступают здесь и как элемент внешней структуры абзаца, отграничивая абзацы обеих линий друг от друга.

Подобные абзацы дополнительной линии стоят в ТЕ обычно в интерпозиции к абзацам главной. Оно начинается и заканчивается абзацами главной линии, а абзацы дополнительной находятся в их середине. Употребленная в абзацах главной линии одна и та же временная форма объединяет в одно общее единство абзацы главной линии и дополнительной; тем самым она выполняет объединительную функцию в пределах всего тематического единства.

Der Heimgekehrte hatte seit Wochen nicht mehr zwischen reichen Leintüchern geschlafen. Seine Beinmuskeln zuckten vor Überanstrengung Stromufer, glitzernde, weite Wasserflächen, Felsabhänge, dunkler Wald, die endlose Weite zuckten durch Ihn wie ein in Tausend Stückchen zerschnittener und wahllos nieder zusammengesetzter Naturfilm.

Da tat sich, tief vertraut, dem Träumenden die heimatische Landschaft auf. Er geht, zehnjährig, wieder wie damals mit dem Vater aus der Stadt hinaus, querfeldein dem Dorfe zu, das zwischen mildgewellten Hügeln in der Sonntagsmorgenfrische liegt.

Sie kehren in ein Dorfwirtshaus ein, sitzen unter einem alten Baume. Daneben ist der blumenbunte Garten. Draußen geht wieder der alte Bauer vorüber durch den Sonntagsfrieden der Dorfstraße. Er grüßt.

Der Vater scherzt mit der Wirtstochter, faßt sie wie damals, am Arme.

“Du darfst sie nicht anfassen”, sagt Karl,“ das ist ja Anna”.

Der Vater zieht sofort die Hand zurück.

Da legt die Wirtstochter den Arm um Karls Schulter und schiebt ihm mütterlich das hohe Milchglas zu.

Ruhevolles Glücksgefühl der Geborgenheit hob ihn aus dem Traume.

Anna schlief.

Ergriffen plötzlich von dem Gefühle teuerster Verantwortung,

lauschte er dem Mysterium eines im Schlaf atmenden Menschen. Dankbarkeit überwältigte ihn [L. Frank. "Karl und Anna"]).

Приведенный отрывок представляет собой группу абзацев, объединенных единством темы: описанием того, как Карл провел первую ночь после приезда к Анне. Это тематическое единство состоит из абзацев главной линии — первый и последние три, содержащих описание того, что происходило с героем перед тем, как он уснул, и после того, как он проснулся, и абзацев дополнительной линии, излагающих содержание сна, приснившегося Карлу. В абзацах главной линии излагаются, таким образом, события реального плана повествования, в абзацах дополнительной линии — события нереальные. Отграничение обоих планов, а тем самым и абзацев обеих линий друг от друга осуществляется употреблением различных временных форм глаголов: в абзацах главной — претерит, в абзацах дополнительной — презенс. Одна и та же временная форма претерит в начальном и заключительных абзацах этого ТЕ, т. е. в абзацах главной линии, объединяет все связанные общностью темы абзацы, в том числе и интерпозиционные абзацы дополнительной линии в одно, общее ТЕ.

Временные формы глагола и в данном случае выполняют свои функции грамматического элемента внешней структуры абзаца во взаимодействии с лексическими элементами. Начальное предложение второго, многолинейного абзаца относится своим содержанием и к главной и к дополнительной линии. Его связь с первой состоит кроме употребления в нем претерита, присущего всем абзацам главной линии данного ТЕ, в указании на отнесенность того, о чем будет идти речь дальше, к главному смысловому элементу — Карлу синонимы: *der Heimgekehrte* — *der Träumende*. Связь же его с дополнительной линией заключается в указании на то, что далее последует описание приснившегося Карлу *dem Träumenden* — сна.

Временные формы глагола выступают в объединительной функции внутри ТЕ абзацев реже, чем другие элементы внешней структуры абзаца. Причиной этого в пределах одного ТЕ является то, что единая временная форма, например претерит, употребляется обычно при изложении основного повествования во всем произведении, формируя как бы временной план всего произведения, а не только какого-либо одного тематического единства абзацев.

Анализ объединительной и разграничительной функций рассмотренных выше элементов внешней структуры абзаца в пределах тематического единства абзацев свидетельствует о том, что основной является первая. Вторая же предстает побочной, производной от нее: объединяя абзацы в одно ТЕ, указан-

ные элементы внешней структуры ограничивают тем самым данное ТЕ абзацев от других ТЕ.

Первичность объединительной и вторичность, производность разграничительной функций рассмотренных элементов внешней структуры абзаца подтверждаются также тем, что внутри одного ТЕ они только объединяют абзацы, но не ограничивают их друг от друга. Это происходит при помощи интонационной рамки абзаца и микропаузы — в устной речи — и их соответствующих графических эквивалентов — в письменной речи. Таким образом, если указанные формальные показатели маркируют в качестве элементов внутренней структуры границы абзаца как СФЕ, то, выступая в качестве элемента внешней структуры абзаца, они ограничивают абзацы друг от друга внутри ТЕ.

В литературе пока отсутствуют работы, в которых излагались бы результаты экспериментального исследования интонации ТЕ абзацев. Поэтому трудно однозначно ответить на вопрос, имеются ли какие-либо интонационные показатели, постоянно маркирующие границы этих единств и отличные от маркеров, являющихся средством делимитации абзацев. Не исследована по существу еще и структура единств абзацев.

На данном этапе развития грамматики текста можно таким образом констатировать наличие сверхфразовых образований, промежуточных между абзацем и целым текстом, и описать средства, служащие для объединения абзацев в тематические единства. Определить характер этих образований, установить, являются ли они синтаксическими единицами или смысловыми сверхфразовыми образованиями, позволит детальное их исследование.

Элементы внутренней и внешней структуры наличествуют и функционируют в абзаце в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Это проявляется, во-первых, в том, что одни и те же элементы характеризуют как его внутреннюю, так и его внешнюю структуру, и, во-вторых, в том, что разнонаправленные функции элементов внутренней и внешней структуры абзаца осуществляются ими одновременно.

Совокупность элементов внутренней и внешней структуры и «синхронность» выполнения ими разнонаправленных функций и обеспечивают статус абзаца как особой сверхфразовой единицы и как части, отрезка целого текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование коммуникативной функции языка и единиц, с помощью которых она осуществляется, доказывает, что предложение не может считаться высшей единицей речи. Существуют речевые образования, в которые предложения входят в качестве компонентов, осуществляя процесс речевого общения. Именно сверхфразовые образования и являются высшими коммуникативными единицами, тогда как предложение является лишь минимальной.

Изучение структурных и функциональных особенностей подобных сверхфразовых единиц, составляющих их основополагающий, грамматический аспект, является одной из главных задач лингвистики текста. Можно выделить два направления в их исследовании: рассмотрение целого текста как сверхфразовой единицы и рассмотрение в качестве таковых структурных отрезков текста. Однако первый не имеет признаков, характеризующих синтаксическую единицу: он не обладает специфической синтаксической структурой, у него отсутствуют показатели, однозначно маркирующие его границы, которые не могут быть установлены объективно. Подобными признаками обладают лишь определенные отрезки текста, целый текст представляет собой не что иное, как совокупность структурированных отрезков.

Набором признаков, присущих синтаксической единице и конституирующих ее как таковую, обладает отрезок текста — СФЕ, выраженный абзацем. Отдельные абзацы в тексте могут быть выделены на основании ряда объективных смысловых и структурных признаков: смены главного смыслового элемента абзаца, временного сдвига действий, маркируемого изменением временных форм глагола, изменения места или времени действия, маркируемого обстоятельственными словами, и т. д. Границы абзаца однозначно маркируются постоянными формальными показателями: звуковыми (интонация, макропауза) и их графическими эквивалентами (абзацный отступ, красная строка).

Структура абзаца как качественно особой синтаксической единицы не может выводиться из суммы признаков отдельных самостоятельных предложений и характера связи

между ними. Лишь рассмотрение абзаца в качестве целостной сверхфразовой единицы и, исходя из этого, исследование отдельных предложений внутри него дают правильное представление о структуре последнего и его компонентов.

Сопоставительное исследование отдельного предложения как минимальной самостоятельной коммуникативной единицы и предложения как компонента абзаца показывает, что признаки его в этих случаях не совпадают. Различия касаются в первую очередь интонационного рисунка, принципов актуального членения, специфики ряда грамматических категорий, характеристики постоянных и переменных элементов, смысловой авто- и синсемантии. Все это свидетельствует о качественных изменениях лишь его речевой структуры. Языковая структурная модель предложения в обоих случаях одинакова. Изменение характера речевой структуры предложения в абзаце связано с трансформацией функций отдельных ее элементов: здесь они не оформляют предложение как самостоятельное понятие, а конституируют его как компонент другой, сверхфразовой единицы — абзаца.

Сопоставление абзаца с предложением в роли единицы языка показывает отсутствие у них сходных признаков, сопоставление же первого и второго как единицы речи обнаруживает у них интонационные, смысловые и другие аналогии (конечно, с учетом специфики каждой из этих единиц). Наличие у абзаца признаков, присущих единицам речи, и отсутствие показателей, свойственных единицам языка, позволяют рассматривать его в качестве сверхфразовой коммуникативной единицы речи.

Анализ особенностей абзаца в немецком языке позволяет выделить отдельные их виды по ряду параметров. В зависимости от количества компонентов могут быть выделены моно- и поликомпонентные абзацы, по характеру содержания — вводящие тему, продолжающие и завершающие ее изложение. В зависимости от характера структуры выделяются однолинейные и многолинейные абзацы.

Компоненты абзаца связаны друг с другом семантически, а также находятся друг с другом в определенных отношениях. Смысловое сцепление их является сквозным, т. е. все предложения связаны друг с другом своим содержанием. В определенных же отношениях друг с другом находятся, как правило, контактно расположенные предложения. Как сцепление содержаний, так и выражение отношений между компонентами абзаца осуществляется при помощи различных средств связи.

Употребление артикля в абзаце в значительной степени

зависит от особенностей предложений-компонентов, в которых он выполняет свои функции. Стилистический эффект использования артикля в компонентах абзаца достигается, как правило, путем столкновения узуального и окказионального его применения, т. е. в результате противоречия между характером компонента и выбором употребленного артикля.

Временные формы глаголов влияют на особенности функционального стиля, в котором они встречаются. В художественной литературе их функции отличаются от таковых в сфере непосредственного языкового общения, что обусловлено утратой ими здесь своего основного грамматического значения вследствие отсутствия денотативной соотнесенности действий.

Абзац может быть рассмотрен в двух аспектах: с одной стороны,—это самостоятельная сверхфразовая единица, с другой стороны,—это часть целого текста. Этой двуаспектностью объясняется специфика элементов его структуры, функции которых могут быть разнонаправленными. Они могут быть направлены внутрь абзаца и реализоваться в нем, определяя его внутреннюю структуру. Функции указанных элементов могут быть направлены и вне абзаца, определяя его статус как части целого текста, то отграничивая абзацы друг от друга, то объединяя их. Элементы первой группы являются элементами внутренней, а второй—элементами внешней структуры абзаца.

Если тема излагается не одним абзацем, а несколькими, то группа абзацев, содержащих изложение единой для них темы, образует тематическую общность и может быть названа тематическим единством абзацев. Последние представляют промежуточное образование между абзацем и целым текстом. Абзац, излагающий часть темы, непосредственно выходит в ТЕ, и лишь через него, т. е. опосредственно, в целый текст.

Рассмотрение абзаца как сверхфразовой синтаксической единицы является одним из возможных направлений в решении некоторых кардинальных проблем лингвистики текста. Дальнейшее их исследование позволит получить новые интересные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Б. А. Текст как закрытая система.—В кн.: Материалы научн. конф. «Лингвистика текста». М., 1974, ч. 1.
2. Адмони В. Г. Развитие синтаксической теории в советском языкознании.—Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1959, т. 190, ч. 1.
3. Адмони В. Г. Типология предложений.—В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
4. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
5. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
6. Арнольд И. В. Интерпретация текста как установление иерархии его частей.—В кн.: Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 1.
7. Ахманова О. С. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. М., 1969.
8. Бархударов Л. С. Текст как единица языка и единица перевода.—В кн.: Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 1.
9. Белецкая И. П. Об одном методе изучения структуры связного текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
10. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа.—В кн.: Новое в лингвистике, М., 1965, вып. 4.
11. Блох М. Я. Надфразовый синтаксис и синтаксическая парадигматика.—В кн.: Проблемы грамматики и стилистики английского языка. М., 1973.
12. Брандес М. П. Повествовательный стиль А. Зегерс: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
13. Булыгина Т. В. О границах между сложной единицей и сочетанием единиц.—В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М., 1969.
14. Валгина Н. С. и др. Современный русский язык. М., 1972.
15. Вардуль И. Ф. О сцеплении самостоятельных предложений в японском языке.—Тр. Военного института иностранных языков. М., 1955, т. 7.
16. Вейхман Г. А. Высшие синтаксические единицы. Филологические науки, 1972, № 3.
17. Гайдучик С. М. Типология речевых высказываний.—В кн.: Экспериментальная фонетика. Минск, 1973.
18. Гальперин И. Р. О понятии «текст».—Вопросы языкознания, 1974, № 6.
19. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
20. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948—1975).—Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1977, т. 36, № 4.
21. Градобык Н. С. Просодические характеристики устного собственно-публицистического монолога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1974.
22. Дейквант Т. А. Вопросы прагматики текста.—Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. 8.
23. Дресслер В. Синтаксис текста.—Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. 8.
24. Эйгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов.—В кн.: Материалы научн. конф. «Лингвистика текста», ч. 1.
25. Запорожцев В. И. Двухкомпонентные сложносочиненные предложения в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1972.
26. Зарубина Н. Д. Сверхфразовое единство как лингвистическая единица: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

27. Зарубина Н. Д. К вопросу о природе сложного синтаксического целого.— В кн.: Вопросы психолингвистики и преподавания русского языка как иностранного. М., 1976.
28. Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М., 1981.
29. Золотова Г. А. Структура сложного синтаксического целого в карамзинской повести.—Тр. ИЯз, М., 1954, т. 3.
30. Кандинский Б. С. Текст как интонационная структура: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
31. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
32. Кецба Л. Н. Опыт лингвистической интерпретации литературных писем Т. Манна и Р. М. Рильке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
33. Коваль А. И. Науковий стиль сучасної української літературної мови. Київ, 1970.
34. Кожевникова К. В. Об аспекте связности в тексте как целом.—В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.
35. Колшанский Г. В. О правомерности различения языка и речи.—В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1964, вып. 3.
36. Колшанский Г. В. О смысловой структуре текста.—В кн.: Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 1.
37. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.
38. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
39. Кузнецов П. С. О языке и речи.—Вестник МГУ, 1961, № 4.
40. Левковская Н. А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем.—Филологические науки, 1980, № 1.
41. Лезова Н. А. Средства структурного цементирования элементов абзаца:—Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
42. Лешка О. Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание.—В кн.: Единицы разного уровня грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
43. Ломтев Т. П. Язык и речь.—Вестник МГУ, 1961, № 4.
44. Лосева Л. М. Программа спецкурса «Межфразовая связь в современном русском языке». Черновцы, 1964.
45. Лосева Л. М. Межфразовая связь в текстах монологической речи: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1968.
46. Лосева Л. М. Синтаксическая структура целых текстов. Одесса, 1971.
47. Лосева Л. М. О синтаксическом и семантическом аспектах исследования целых текстов.—В кн.: Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 1.
48. Лосева Л. М. Как строится текст. М., 1980.
49. Маров В. М. О структуре газетного абзаца.—Вестник МГУ. Журналистика, 1971, № 1.
50. Марова Н. Д. Некоторые вопросы лингвистической интерпретации художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
51. Маслов Б. А. Некоторые проблемы анализа текстов на уровне суперсинтаксических связей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973.
52. Москальская О. И. Развитие статьи в древних германских языках: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1953.
53. Москальская О. И. Семантика текста.—Вопросы языкознания, 1980, № 6.
54. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.
55. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
56. Мухин А. М. О синтаксических и смысловых связях.—В кн.: Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 1.
57. Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики.—Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1977, т. 36, № 4.
58. Ольшанский И. Г. Текст как единство элементов и отношений.—Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 1.
59. Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980.

60. Перекальская Т. К. Абзац как средство вычленения и соединения сегментов научного текста.—В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1981.
61. Пешковский А. М. Ритмика «Стихотворений в прозе» Тургенева.—В кн.: Русская речь, Л., 1928.
62. Пинаева Ж. Б. О некоторых интонационных особенностях чтения художественных и научных текстов.—В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. М., 1974, вып. 33.
63. Портяников В. А. Грамматико-стилистическая характеристика вопросительных предложений современного немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
64. Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке.—Уч. зап. МГУ. М., 1948, вып. 137, кн. 2.
65. Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и некоторые особенности его структуры. Доклады и сообщения ИРЯз, 1948, вып. 2.
66. Поспелов Н. С. Из наблюдений над синтаксисом языка Пушкина.—Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1953, т. 3.
67. Поспелов Н. С. О некоторых синтаксических категориях.—В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
68. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
69. Почепцов Г. Г. Дискурсивный и композитный уровни анализа текста.—Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 2.
70. Распоров И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
71. Рогожникова Р. П. Сложное целое и структура сложного предложения.—В кн.: Научная конференция «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1971.
72. Рождественский Ю. В. Проблемы современной теории текста в книге В. В. Виноградова «О художественной прозе».—В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.
73. Рудзит Г. А. Фраза как просодическая единица контекста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1975.
74. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1968.
75. Севбо И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969.
76. Сенкевич М. П. Работа редактора над сложным синтаксическим целым и абзацем. М., 1968.
77. Серкова Н. И. К вопросу о сверхфразовом единстве как фонетической единицы.—В кн.: Сборник лабораторий устной речи филологического факультета МГУ. М., 1968.
78. Серкова Н. И. Сверхфразовое единство как функционально-речевая единица: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
79. Сильман Т. И. Структура абзаца в прозе Лессинга, Гете и Гейне.—Филологические науки, 1961, № 4.
80. Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.
81. Сильман Т. И. Структура абзаца в художественной прозе.—ИЯШ, 1973, № 4.
82. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973.
83. Сухарева Л. А. Стилистические функции артикля в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.
84. Сыроваткин С. Н. Проблемы лингвистического моделирования контекстной связанности фраз английской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
85. Сыроваткин С. Н. Система дифференциальных признаков для описания одного типа межфразовых отношений.—В кн.: Материалы науч. конф. «Лингвистика текста». М., 1974, ч. 2.
86. Тур В. И. Артикль как показатель функций обозначения существительных. Минск, 1975.

87. Тураева З. Я. Время грамматическое и время художественное: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
88. Турчин И. А. Композиционно-стилистические и архитектурные свойства абзаца: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1974.
89. Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М., 1961.
90. Харитонова И. Я. Роль знаменательных частей речи при установлении связи между самостоятельными предложениями: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
91. Харитонова И. Я. Роль категорий «скрытой грамматики» в организации текста.—В кн.: Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 2.
92. Хендрикс У. Стиль и лингвистика текста.—Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980, вып. 9.
93. Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. Ростов н/Д., 1966.
94. Чикобава А. С. О философских вопросах языкознания.—В кн.: Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
95. Шведова Н. Ю. О взаимоотношении структурной схемы и ее реализации.—В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
96. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
97. Якобсон Р. Итоги IX конгресса лингвистов.—В кн.: Новое в лингвистике. М., 1965, вып. 4.
98. Agricola E. Semantische Relationen im Text und im System. Halle. 1972.
99. Agricola E. Textstruktur aus linguistischer Sicht. Wissenschaftliche Zeitschrift /WZ/ der pädagogischen Hochschule «Dr. Theodor Neubauer». Erfurt, H. 2, 1970.
100. Grobner R., Biberle B., Zur Analyse der Struktur eines Textes.—Textlinguistik. Dresden, 1970, No. 1.
101. Bierwisch M. Rezension von zellig S. Harris «Discours Analysis Reprints».—Linguistics, 1969, No. 13.
102. Boost K. Der deutsche Satz—die Satzverflechtung.—Deutschunterricht. Berlin—Leipzig, 1949, H. 3.
103. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1965.
104. Brinker K. Aufgaben und Methoden der Textlinguistik.—Wirkendes Wort, 1971, H. 4.
105. Brinkmann H. Der Satz und die Rede.—Wirkendes Wort, 1965, H. 3.
106. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971.
107. Calpen F. Paragraph writing. London, 1970.
108. Chesnokov P. Die drei Dimensionen in der Struktur der Sprache, in: Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists. Bologna, 1974.
109. Connolly Fr. The Sentence in context, New York, 1959.
110. Coseriu E. Diskussionsrede. Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971, B 1.
111. Daneš Fr. A Three-Level Approach to Syntax.—Travaux Linguistique de Prague. 1966, No. 1.
112. Daneš Fr. Zur linguistischer Analyse der Textstruktur.—Folia Linguistica, 1970, No. 4.
113. Daneš Fr., Dokulil M. K tzv. významové a mluvnické stavbe vety, in: O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958.
114. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972.
115. Eggers H. Stimmführung und Satzplan.—Wirkendes Wort, 1955, H. 6.
116. Essen O. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin, 1957.
117. Figge U. Le syntaxe du récit, in: Symposium sur les structures narratives. Konstanz, 1971.
118. Michel G., Fleischer W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975.
119. Gardiner A. The theory of Speech. Language. Oxford, 1971.

120. Glinz H. Methoden zur Objektivierung des Verstehens von Texten, gezeigt an Kafkas «Kinder auf der Landstraße».—Jahrbuch für internationale Germanistik, 1969, H. 1.
121. Goretzki B. e. a. Aspekte der linguistischen Behandlung von Texten.—in: Textlinguistik 2. Dresden, 1971.
122. Grimm H. J., Heirich G. Der Artikel. Leipzig, 1976.
123. Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957. Gesprochenes Deutsch. Weimar, 1969.
124. Horth K. L. Gesprochenes Deutsch. Weimar, 1969.
125. Hartmann P. Textlinguistik als linguistische Aufgabe.—In: Konkrete Dichtung—konkrete Kunst.
126. Hartmann P. Texte aus linguistischer Sicht.—ZPSK, 1968, B. 21.
127. Hartmann P. Texte als linguistisches Objekt.—in: Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971, B. 1.
128. Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. München, 1968.
129. Harweg R. Die textologische Rolle der Betonung.—in: Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971, B. 1.
130. Hasan A. Satz und Absatz bei Thomas Mann. München, 1968.
131. Heibig G. Zu Problemen der linguistischen Beschreibung des Dialogs im Deutschen.—Deutsch als Fremdsprache, 1975, No. 2.
132. Isenberg H. Überlegungen zur Texttheorie.—ASG-Bericht, Berlin, 1968, No. 2.
133. Isenberg H. Einige Grundbegriffe für eine linguistische Texttheorie.—in: Probleme der Textgrammatik. Berlin, 1976.
134. Kampr Ad W. Über die Struktur von Absätzen gesellschaftspolitischer Texte und zu Modellen für die Textarbeit.—Deutsch als Fremdsprache, 1975, No. 4.
135. Karcevskij S. Sur la phonologie de la phrase.—Tire de Travaux du Cercle Linguistique de la Prague, No. 4.
136. Liebsch H. Information, Redunanz und Steuerung im Text,—in: Textlinguistik 2. Dresden, 1971.
137. Nickel G. Kontextuelle Beziehungen zwischen Sätzen im Englischen—Praxis des fremdsprachlichen Unterrichts, 1968, No. 1.
138. Pfütze M. Bemerkungen zu einer funktionalen Textlinguistik.—in: WZ der pädagogischen Hochschule «Dr. Theodor Neubauer». Erfurt, 1970, H. 3.
139. Pfütze M. Grundgedanken zu einer funktionalen Textlinguistik,—in: Textlinguistik 1. Dresden, 1970.
140. Pfütze M. Probleme der Stz- und Kontextverflechtung. Potsdam, 1970.
141. Pfütze M., Wittmers E. Textbeziehungen zwischen Referat und Diskussion.—in: Textlinguistik 2a Dresden, 1971.
142. Schendels E., Riesel E. Deutsche Stilistik., 1975.
143. Rychner J. Analyse d'une unitétransphrastique.—in: Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971, B. 1.
144. Sandvoort R. A. Handbook of English Grammar. N. Y., 1966.
145. Suida U. Präteritum und Plusquamperfekt im präsentischen Erzählkontext in: Studien zur Syntax des heutigen Deutsch. Düsseldorf, 1971.
146. Todorov T. Connaissance de la parole.—in: Word, 1967, v. 23, No. 1—2.
147. Weinrich N. Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache.—Jahrbuch für internationale Germanistik, 1969, H. 1.
148. Wittmers E. Zur Rolle der Hypothese als effektive Forschungsmittel.—in: Textlinguistik. I. Dresden, 1970.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Г л а в а 1	
Общие вопросы лингвистики текста	5
Г л а в а 2	
Целый текст как сверхфразовая единица	14
Г л а в а 3	
Отрезок текста как сверхфразовая единица	21
Г л а в а 4	
Признаки абзаца как сверхфразовой единицы	30
Г л а в а 5	
Виды абзацев в современном немецком языке	53
Г л а в а 6	
Функциональные особенности предложений-компонентов абзаца	63
Г л а в а 7	
Принципы сцепления предложений-компонентов абзаца	78
Г л а в а 8	
Употребление артикля в абзаце	90
Г л а в а 9	
Употребление временных форм глагола в абзаце	99
Г л а в а 10	
Тематические единства абзацев как сверхфразовые образования	107
Заключение	126
Литература	129